

Джордж МАРТИН

ГРЁЗЫ
ФЕВРА

Джордж Мартин

Грезы Февра (сборник)

«АСТ»

Мартин Д. Р.

Грезы Февра (сборник) / Д. Р. Мартин — «АСТ»,

В настоящий сборник вошли работы, раскрывающие новые грани таланта Джорджа Мартина: готический роман «Грезы Февра», а также рассказы, ставшие безусловной классикой жанра хоррор, написанные им задолго до истории противостояния знатных родов Вестероса.

© Мартин Д. Р.

© АСТ

Содержание

Грезы Февра[1]	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	28
Глава пятая	36
Глава шестая	44
Глава седьмая	54
Глава восьмая	59
Глава девятая	67
Глава десятая	75
Глава одиннадцатая	82
Глава двенадцатая	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Джордж Мартин

Грезы Февра (сборник)

George R. R. Martin
FEVRE DREAM

Печатается с разрешения автора и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© George R. R. Martin, 1967, 1976, 1982, 1983, 1987, 1988

© Перевод. В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, 2015

© Перевод. Т. Н. Замилова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Грезы Февра¹

Глава первая

Сент-Луис

Апрель 1857 года

Желая привлечь внимание портье, Эбнер Марш постучал по конторке набалдашником изящной трости из древесины пекана.

– Мне нужно увидеть человека по имени Йорк, – сказал он. – Джошуа Йорк. Во всяком случае, так он себя называет.

Портье, пожилой мужчина в очках, от внезапного резкого звука вздрогнул, но когда, повернувшись, узнал посетителя, расплылся в широкой улыбке:

– Да это же капитан Марш!.. Не видел вас вот уже полгода, капитан, хотя слышал о вашем несчастье. Ужасно, просто ужасно. Я здесь с тридцать шестого года, но такого льда не припомню.

– Не стоит говорить об этом, – с раздражением заметил Эбнер Марш.

Иной реакции он и не ожидал. Постоялый двор под названием «Дом переселенца» пользовался популярностью у речников. До той жуткой зимы Марш и сам регулярно захаживал туда пообедать. Однако после ледового затора он там больше не появлялся. И дело не только в ценах. При всем том, что Эбнеру Маршу нравилась еда, подаваемая в «Доме переселенца», он не испытывал ни малейшего желания встречаться с его завсегдатаями: лоцманами и капитанами, их помощниками, словом, речниками – старыми товарищами и старыми соперниками, которые, бесспорно, слышали о его неудаче.

Эбнер Марш в людской жалости не нуждался.

– Вы мне только скажите, в каком номере остановился Йорк, – не допускающим возражений тоном попросил он.

Портье нервно качнул головой:

– Мистера Йорка сейчас нет в номере, капитан. Вы сможете найти его в обеденном зале, он отправился перекусить.

– Как? В этот час?

Марш взглянул на богато украшенные гостиничные часы, затем расстегнул медные пуговицы своего кителя и вытащил из кармана собственный золотой хронометр.

– Десять минут первого, – не веря своим глазам, произнес он. – Так вы говорите, он ест?

– Да, сэр, именно. Мистер Йорк поступает так, как ему удобно. И он не из тех людей, которым можно ответить отказом, капитан.

Эбнер Марш, прорывав что-то, вложил часы в кармашек, молча отвернулся от стойки и размашистым тяжелым шагом направился через богато меблированный холл гостиницы к выходу. Человек он был крупный и к числу терпеливых не относился. Деловые встречи в полуночный час, судя по всему, не входили в его привычки. Свою трость Марш держал с прежним высокомерием, словно ничего не случилось.

Обеденный зал был почти таким же величественным и роскошным, как главный салон на большом пароходе, – с хрустальными канделябрами, отполированными до блеска медными ручками и всем прочим. На столах, покрытых белоснежными скатертями тонкого льна, стояли

¹ Fevre Dream. © George R. R. Martin, 1982. Пер. с англ. Т. Замиловой.

приборы из лучшего фарфора и хрусталя. В обычное время зал переполняли бы путешественники и моряки, но в этот час столы были свободны, большая часть светильников не горела.

Полуночное свидание имеет одно преимущество, размышлял капитан Марш: по крайней мере не придется страдать от сочувственных речей. Возле кухонной двери о чем-то тихо переговаривались два чернокожих официанта. Не обращая на них внимания, Марш прошел в дальний конец зала, где в одиночестве трапезничал хорошо одетый незнакомец.

Мужчина не мог не слышать приближения капитана, но взгляда от тарелки не оторвал. Он сосредоточенно поглощал из фарфоровой миски фальшивый черепаховый суп. Судя по покрою длинного черного сюртука, к речникам незнакомец не относился. Он мог быть приезжим с Восточного побережья или даже иностранцем. Как заметил Марш, мужчина был довольно крупным, хотя, пожалуй, и не таким крупным, как он сам; сидя незнакомец производил впечатление человека рослого, но до размеров Марша явно не дотягивал. Поначалу из-за белых волос он показался Маршу стариком, однако, подойдя ближе, капитан заметил, что волосы не седые, а светло-пепельные. Незнакомец из старца сразу превратился в молодого человека. Йорк был тщательно выбрит. Его продолговатое холодное лицо не украшали ни усы, ни бакенбарды. Кожа почти такая же светлая, как и волосы. Кисти рук, как заметил Марш, оказавшись рядом со столиком, походили на женские.

Капитан постучал по столику тростью. Звук, приглушенный скатертью, получился негромким, не властно-требовательным, а нежно-просительным.

– Вы Джошуа Йорк?

Йорк поднял взгляд, и их глаза встретились.

До конца жизни Эбнер Марш не забудет мгновения, когда впервые взглянул в глаза Джошуа Йорка. Все мысли, которые он вынашивал, планы, которые строил, все поглотил водоворот глаз Йорка. В один миг не стало ни мальчика, ни старика, ни франта-иностранца; на смену им пришел Йорк, человек как таковой, источаемые им сила, могущество, мечта.

Глаза Йорка оказались серыми, удивительно темными для такого бледного лица. Казалось, их черные горящие зрачки тонкими буравчиками проникли в душу Марша и теперь оценивали, чего она стоит. Серая радужная оболочка словно жила своей жизнью. Она была подобна туману, вздымающемуся над рекой темной ночью, когда исчезают берега, когда не видно ни зги, и в мире ничего, кроме вашего суденышка, кроме реки и тумана, не существует.

В такие туманы Эбнера Марша посещали видения; они возникали внезапно и тут же рассеивались. Из бездонных колодцев глаз незнакомца на него взирал пронизательный ум. Но в непроглядном сумраке тумана чувствовалось что-то и от зверя, темного, пугающего, прикованного к цепи и потому злобного и неистового. Смех и одиночество, жестокая страстность – все это одновременно отразилось в глазах Йорка.

И все же главным в глазах была сила, ужасная сила, беспощадная и безжалостная, как тот лед, который разрушил мечты Марша. Где-то в этом тумане Марш ощущал медленное движение льда, едва уловимое, и почти слышал жуткий скрежет парохода и надежд.

Эбнер Марш за свою долгую жизнь никогда не отводил взгляда первым. Казалось, он смотрит на Йорка вот уже целую вечность. Рука Марша с такой силой сжала трость, что он боялся переломить ее пополам. Но на этот раз капитану пришлось первому отвести глаза.

Человек за столиком отодвинул в сторону свой суп и, махнув рукой, сказал:

– Капитан Марш. Я ждал вас. Пожалуйста, присоединяйтесь ко мне.

Голос у Йорка оказался густого, приятного тембра. По всему было видно, что он хорошо образован.

– Хорошо, – произнес Марш мягко.

Он отодвинул стул напротив Йорка и сел. Марш был крупного телосложения, шести футов ростом и весил не менее трех сотен фунтов. Его красное, усеянное бородавками лицо

покрывала густая черная борода, которую капитан отрастил, чтобы скрыть сплюснутый, вдавленный нос. Марша называли самым безобразным человеком на всей реке, и он знал об этом. В темно-синем капитанском мундире с двумя рядами медных пуговиц он выглядел внушительно и грозно. Но взгляд Йорка лишил его свирепости. Это фанатик, решил Марш. Такие глаза он уже видел у безумцев и проповедников, а также в истекающем кровью Канзасе у человека по имени Джон Браун. Марш не желал иметь ничего общего ни с фанатиками, ни с проповедниками, ни с аболиционистами, ни с трезвенниками.

Впрочем, когда Йорк заговорил, он перестал походить на фанатика.

– Меня зовут Джошуа Энтони Йорк, капитан. Джей Эй Йорк – официально, Джошуа – для друзей. Я надеюсь, со временем мы станем не только деловыми партнерами, но и друзьями. – В голосе его, не лишенном рассудительности, прозвучали сердечные нотки.

– Посмотрим, – сказал Марш неопределенно.

Серые глаза теперь показались ему отчужденными и немного озадаченными; то, что он видел в них раньше, исчезло. Капитан почувствовал замешательство.

– Полагаю, вы получили мое письмо? – продолжал Йорк.

– Оно при мне, – ответил Марш и вытащил из кармана сюртука сложенный конверт. Поступившее предложение показалось ему невероятной улыбкой фортуны, спасением всего того, что он боялся потерять. Теперь Марш уже начал сомневаться. – Вы хотите посвятить себя пароходному делу, не так ли? – спросил он и подался вперед.

Появился официант:

– Будете обедать вместе с мистером Йорком, капитан?

– Прошу вас, не откажите, – попросил Йорк.

– Полагаю, что присоединюсь к вам, – сказал Марш. Спору нет, выдержать взгляд Йорка трудно, но на реке не найти второго человека, кто мог бы состязаться с капитаном Эбнером Маршем в еде. – Я бы съел такого же супа и с дюжину устриц, не помешает и парочка жареных цыплят с картофелем и начинкой. Да не забудьте как следует поджарить их, чтобы образовалась румяная корочка. Принесите также что-нибудь запить все это. Что вы пьете, мистер Йорк?

– Бургундское.

– Отлично. Бутылочку того же и для меня.

На лице Йорка отразилось изумление:

– У вас жуткий аппетит, капитан.

– Это жуткий го-род, – тщательно выговаривая слова, произнес Марш, – и река здесь тоже жуткая, мистер Йорк. Приходится поддерживать себя в форме. Здесь не Нью-Йорк, да и не Лондон.

– Это мне хорошо известно.

– Что ж, я очень надеюсь на это, раз уж вы решили заняться речным делом. Это самая жуткая-ка вещь на свете.

– Может быть, тогда перейдем сразу к делу? Вы владеете пароходной линией, занимающейся почтово-пассажирскими перевозками. Я хочу купить половину дела. Следовательно, ваш приход я могу расценивать как проявление интереса к моему предложению.

– Я более чем заинтересован, – согласился Марш, – и одновременно озадачен. Человек вы, похоже, умный, и надо полагать, что, прежде чем написать мне письмо, навели соответствующие справки. – Для придания своим словам большего веса он постучал по столу пальцем. – Вы не могли не знать, что последняя зима практически разорила меня.

Йорк ничего не сказал, но что-то в его облике заставило Марша продолжить:

– Грузо-пассажирская компания «Река Февр» – это я, – сказал Марш. – Я назвал ее так не потому, что обслуживаю только эту реку, что, кстати, не так, а потому, что родился в вер-

ховьях Февра² неподалеку от Галена. У меня было шесть судов, которые в основном занимались коммерческими перевозками в верхней части Миссисипи, из Сент-Луиса в Сент-Пол, с заходом в Февр, Иллинойс и Миссури. Дела шли отлично. Почти каждый год я увеличивал свою флотилию на один, а то и два новых парохода. Я уже подумывал о том, чтобы расширить сферу своего влияния до Огайо и, возможно, до Нового Орлеана. Но в минувшем июле на моей «Мэри Кларк» взорвался паровой котел, и она сгорела. Случилось это в районе Дубьюка. От нее ничего не осталось до самой ватерлинии. Сотни людей погибли. А этой зимой... Эта зима выдалась жуткая. Здесь, в Сент-Луисе, у меня зимовало четыре парохода. «Николас Перро», «Данлейт», «Прекрасный Февр» и «Элизабет А». Новенькая, с иголки, она прослужила мне только четыре месяца. Славное было судно. Почти триста футов длиной, с двенадцатью большими паровыми котлами. Быстроходная, как ни одно судно на реке. Я очень гордился своей «Леди Лиз». Обошлась мне в двести тысяч долларов, но, должен признаться, она стоила этих денег.

Тем временем принесли суп. Марш зачерпнул ложку и попробовал. Лицо его помрачнело.

– Слишком горячий, – сказал он. – Впрочем, ладно. Сент-Луис – вполне подходящее место для зимовки. Река замерзает здесь не сильно, и лед держится недолго. Нынешняя же зима выдалась непохожей на все остальные. Да, сэр. Все дело во льду. Река замерзла, как никогда. – Марш вытянул над столом огромную красную руку ладонью вверх и медленно сжал пальцы в кулак. – Положите в мою руку яйцо, и вы получите полное представление о случившемся, мистер Йорк. Лед с большей легкостью способен раздавить корабль, чем я яйцо. И когда он начал вскрываться, стало еще хуже. Вниз по реке, тесня друг друга, неслись огромные льдины, сметая на своем пути все: пристани, дамбы, лодки. Зима закончилась, и я потерял все свои суда. Все четыре. Лед отобрал их у меня.

– А страховка? – спросил Йорк.

Марш принялся за суп, громко втягивая его в себя. Поднося ко рту вторую ложку, он покачал головой:

– Я не считаю себя игроком, мистер Йорк. По этой причине никогда не доверял страховке. Это все та же игра – за исключением лишь того, что в ней ты ставишь против самого себя. Заработанные деньги я вкладывал в пароходы.

Йорк кивнул:

– Полагаю, все же одно судно у вас осталось.

– Осталось, – подтвердил Марш. Доев суп, он подал знак, чтобы подали второе блюдо. – «Эли Рейнольдз», маленькое суденышко водоизмещением в 150 тонн. Я использовал ее на Иллинойсе. Из-за того, что у нее незначительная осадка и она зимовала в Пеории, ледяного затора ей удалось миновать. Это все, чем я владею, сэр, все, что у меня осталось. Беда, мистер Йорк, в том, что «Эли Рейнольдз» немногого стоит. Купил я ее за двадцать пять тысяч долларов, и было это в пятидесятом году.

– Семь лет, – заметил Йорк, – не такой уж большой промежуток времени.

Марш покачал головой:

– Семь лет для парохода – весьма существенный срок. Большинство из них не выдерживают и четырех-пяти. Река просто пожирает их. «Эли Рейнольдз» построена лучше, чем большинство ей подобных, но старушке уже не долго осталось.

Тем временем Марш приступил к своим устрицам. Раскрывая створки раковины, он заглатывал их целиком, запивая большими глотками вина.

² Название реки – *Fevre* – фонетически созвучно со словом *fever* – лихорадка. Соответственно название парохода «Грезы Февра» (*Fevre dream*) на слух может восприниматься как «горячечный бред».

– Так что я совершенно озадачен, мистер Йорк, – продолжил капитан после того, как с полдюжины устриц исчезло в его желудке. – Вы говорите, что хотели бы купить половину моего предприятия, всю ценность которого составляет один-единственный жалкий, доживающий свое пароход. В письме вашем была обозначена цена. Слишком высокая, я бы сказал. Возможно, раньше, когда я владел шестью судами, грузо-пассажирская компания «Река Февр» и стоила этих денег. Но только не сейчас. – Он проглотил очередную устрицу. – Вам не окупить ваших вложений и за десять лет. Во всяком случае, с «Эли Рейнольдз». Она не в состоянии брать много груза или пассажиров.

Марш вытер губы салфеткой и посмотрел на своего собеседника, сидевшего по другую сторону стола. Пища помогла ему восстановить силы, и теперь он снова чувствовал себя самым собой и господином положения. Взгляд Йорка действительно чертовски пронзителен, однако бояться его совершенно нет оснований.

– Вам нужны мои деньги, капитан, – сказал Йорк, – и в то же время вы отговариваете меня... Не бойтесь, что я найду другого партнера?

– Я так не работаю. – Марш тряхнул головой. – Я провел на реке тридцать лет, мистер Йорк. Когда я был мальчишкой, то сплавлялся на плоту до Нового Орлеана, потом водил паромы и плоскодонки. Только после этого пересел на пароходы. Я был лоцманом, помощником капитана, матросом, помощником судового машиниста и даже чертовым клерком. Чтобы узнать дело, надо перепробовать все. Но жуликом я не был никогда.

– Честный человек. – Йорк произнес это таким тоном, что Марш не мог понять, говорит тот всерьез или насмехается над ним. – Я рад, что вы посчитали возможным рассказать мне о положении вашей компании, капитан. По правде говоря, все это мне уже известно. Мое предложение остается в силе.

– Но почему? – сердито спросил Марш. – Только дурак выбрасывает деньги на ветер. На дурака вы не похожи.

Йорк не успел ответить – принесли очередные блюда. Заказанные Маршем цыплята были покрыты чудесной корочкой, именно так, как он любил. Отделив от тушки ножку, капитан с жадностью накинудся на нее. Йорку принесли толстый кусок жареной говядины, красной, с кровью, обильно политой соусом. Марш заметил, как тот проворно и ловко принялся расправляться с нею. Его нож легко вошел в мясо, как если бы это был кусок масла. Чтобы разрезать мясо, Йорку даже не требовалось делать пилящих движений, к каким обычно прибегал сам Марш, выполняя аналогичную работу. Вилку Йорк держал, как истинный джентльмен. Сила и изящество; удлиненные бледные кисти рук Йорка обладали и тем, и другим, и Марша восхищало это. Такие руки могли быть у женщины. Белые, но сильные, твердые, как клавиши большого рояля в главном салоне «Эклипса».

– Так что? – спросил Марш. – Вы не ответили на мой вопрос.

Джошуа Йорк минуту помолчал.

– Вы были честны со мной, капитан Марш. Я не стану на вашу честность отвечать ложью, как намеревался ранее. Но не стану и обременять вас правдой. Есть вещи, о которых я не могу вам сказать, вещи, которые вам не нужно знать. Позвольте мне в этой ситуации назвать вам мои условия, посмотрим, может статься, мы придем к общему соглашению. Если нет, расстанемся как джентльмены.

Марш распилил грудку второго цыпленка.

– Продолжайте, – попросил он. – Я вас слушаю.

Йорк отложил в сторону нож и вилку и сложил ладони лодочкой.

– Я, из своих собственных соображений, хочу стать хозяином парохода. Я хочу отправиться в путешествие по великой реке в комфорте и уединении. Я хочу быть на пароходе не пассажиром, а хозяином. У меня есть мечта, цель, если хотите. Я ищу друзей и союзников, но у меня есть враги, много врагов. Детали не должны вас волновать. Если вы будете настаи-

вать на подробностях, мне придется лгать. Поэтому лучше не давите на меня. – Глаза Йорка на мгновение стали жесткими, но он улыбнулся, и они сразу потеплели. – Единственное, о чем вам нужно знать, так это о моем страстном желании владеть пароходом и командовать им, капитан. Как вы можете догадаться, я не речник. Я совершенно не разбираюсь в судах, ничего не знаю о Миссисипи. Мои знания ограничены исключительно сведениями, почерпнутыми из тех немногих книжек, которые я читал и изучал в течение недель, проведенных в Сент-Луисе. Вполне ясно, что мне нужен коллега, кто-то, кто знаком с рекой и речниками, кто мог бы выполнять рутинную работу по обслуживанию судна, дабы я мог спокойно заниматься своими делами.

Кроме того, этот коллега должен обладать и другими качествами. Он должен уметь хранить молчание, так как я не желаю, чтобы мое поведение, которое бывает порой весьма своеобразным, стало предметом пересудов. Он должен быть надежен, так как управление судном я намереваюсь всецело передать в его руки. Он должен обладать отвагой. Мне не нужен слабак или человек суеверный, как не нужен и религиозный фанатик. Вы человек религиозный, капитан?

– Нет, – ответил Марш. – Меня никогда не интересовали библейские врали, как, впрочем, и я их.

Йорк улыбнулся:

– Значит, вы прагматик. Именно такой человек мне и нужен. Человек, который сосредоточился бы на своей части работы и не задавал лишних вопросов. Я очень ценю свой покой, и если иногда мои действия могут показаться странными, или непредсказуемыми, или предосудительными, мне бы хотелось, чтобы они не обсуждались. Вам понятны мои требования?

Марш задумчиво пощипал себя за бороду.

– Если да?

– Мы станем партнерами, – сказал Йорк. – Предоставьте юристам и клеркам заниматься вашей компанией. Вы же сами отправитесь со мной в плавание по реке. Я буду выступать в роли капитана. Себя вы можете называть штурманом, помощником капитана, вторым капитаном, кем угодно. Фактически управление судном я оставляю за вами. Сам я отдавать приказы буду не часто, но, когда это случится, повиноваться мне придется беспрекословно. С нами в путешествие отправятся мои друзья, проезд их будет бесплатным. Возможно, я посчитаю удобным найти им какое-нибудь полезное занятие на судне с определенным кругом обязанностей, который выберу по собственному усмотрению. Мои решения в этом плане обсуждению не подлежат. Во время путешествия я могу приобретать новых друзей, которых также вправе приглашать на борт. Ваша задача – относиться к ним гостеприимно. Если вы примете мои условия, капитан Марш, мы с вами быстро разбогатеет и в дальнейшем легко и с комфортом будем бороздить вашу реку.

Эбнер Марш рассмеялся:

– Что ж, очень может быть. Но это не моя река, мистер Йорк. И если вы думаете, что на старушке «Эли Рейнольдз» можно путешествовать в комфорте, то вы жестоко ошибаетесь, что поймете сразу же, как только ступите на ее борт. Это старая развалина с отвратительными условиями для проживания. Большую часть времени она перевозит иностранцев, которые едва набирают на самый дешевый билет. Они, как перекасти-поле, мотаются с одного места на другое. Я не поднимался на борт «Эли» вот уже два года. Там командует старый капитан Йегер. В последний раз, когда я катался на ней, старушка отвратительно воняла. Если вам нужен комфорт и роскошь, лучше попробуйте купить «Эклипс» или «Джона Симондза».

Джошуа Йорк сделал глоток вина.

– Послушайте, – сказал он, – давайте уйдем отсюда. Мы можем пройти ко мне в комнату и обсудить дела там.

Марш предпринял слабую попытку протеста. «Дом переселенца» всегда славился отменным выбором десерта, и ему не хотелось бы пропустить его. Но Йорк проявил настойчивость.

Комната Йорка оказалась просторной и хорошо обставленной. Это был самый лучший номер в гостинице. Обычно его оставляли для богатых плантаторов из Нового Орлеана.

– Садитесь, – командным тоном приказал Йорк и указал Маршу на массивное кресло в гостиной.

Марш сел, а его хозяин тем временем удалился во внутренние покои. Минуту спустя он вернулся, неся с собой небольшой, обитый железом сундучок. Водрузив его на стол, Йорк принялся открывать замок.

– Подойдите сюда, – сказал он Маршу, но тот уже поднялся с кресла и стал за его спиной. Йорк откинул крышку.

– Золото, – тихо пробормотал Марш. Он вытянул руку и потрогал монеты, потом пропустил их между пальцами, давая себе возможность полнее ощутить прикосновение мягкого желтого металла, его сияние и звон. Одну монетку он поднес ко рту и попробовал на зуб. – Как будто настоящее, – сказал капитан, сплевывая, и бросил монету назад в сундук.

– Десять тысяч долларов в золотых монетах достоинством в двадцать долларов, – заметил Йорк. – Кроме этого, у меня имеется еще два подобных сундучка, а также кредитные письма из банков Лондона, Филадельфии и Рима на суммы еще более значительные. Не отказывайтесь от моего предложения, капитан Марш, и вы получите второе судно, куда больше, чем ваша «Эли Рейнольдз». Или, может, я должен сказать, у нас будет второе судно? – Он улыбнулся.

Эбнер Марш намеревался отвергнуть предложение Йорка. Он очень нуждался в деньгах, но человеком был подозрительным и не привык к тайнам, а Йорк просил довериться ему полностью. Предложение выглядело слишком заманчивым; Марш не сомневался, что оно таит в себе какую-то опасность, и если он все же примет предложение, то ему ее не избежать. Однако сейчас, воочию увидев размер богатства Йорка, капитан чувствовал, как его решимость слабеет.

– Новое судно, говорите? – слабым голосом произнес он.

– Да, – ответил Йорк, – и все это не считая обусловленной суммы, которую я намереваюсь выплатить вам за половину вашей доли в грузо-пассажирской компании.

– Сколько... – начал было Марш. Но во рту у него пересохло. Он нервно облизал губы. – Сколько денег вы хотите потратить на постройку нового корабля, мистер Йорк?

– А сколько нужно? – спокойно спросил Йорк.

Марш набрал пригоршню золотых монет, а потом раздвинул пальцы и позволил им высыпаться назад в сундук. «Как они сияют», – подумал он, а вслух произнес:

– Вам не стоит держать при себе столько денег, Йорк. Есть негодяи, способные убить человека всего лишь за одну такую монету.

– Я умею за себя постоять, капитан, – сказал Йорк.

Марш поймал его взгляд и невольно поежился. Он не позавидовал бы грабителю, позавидавшемуся на золото Джошуа Йорка.

– Не хотите немного пройтись со мной? До пристани?

– Вы не ответили на мой вопрос, капитан.

– Вы получите ответ. Только сначала пройдемся. У меня есть что вам показать.

– Очень хорошо, – согласился Йорк.

Он закрыл крышку сундука, и золотое сияние, освещавшее комнату, сразу померкло. Внезапно она показалась сумрачной и тесной.

Ночной воздух был прохладен и влажен. Они шли по пустынным темным улицам, эхо гулко разносило стук сапог. Йорк двигался проворно и грациозно, Марш – с грузным достоинством. На Йорке был свободный лощманский китель, скроенный наподобие плаща, и высокая старая касторовая шляпа, которая в свете неполной луны отбрасывала длинные тени. Марш кинул грозный взгляд в сторону темного проулка между унылыми кирпичными строениями,

используемыми под склады, и постарался придать своему лицу достаточно свирепое выражение, чтобы отбить желание нападать у всякого, кто вздумает посягнуть на его достоинство.

На пристани теснились пароходы – не менее четырех десятков. Даже в этот ночной час там еще наблюдались признаки жизни. Грузчики, пристроившиеся у клетей и стогов сена, передавали из рук в руки бутылку с вином или курили глиняные трубки. На десяти или более пароходах горели иллюминаторы. Ярко светился пакетбот «Уэйндотт», над ним струился дымок. На палубной надстройке одного из большеколесных пароходов, где размещался капитанский мостик, партнеры заметили человека, который с любопытством рассматривал их. Эбнер Марш провел Йорка мимо него, мимо темной вереницы притихших судов с устремленными в звездное небо высокими трубами, похожими на ряд обуглившихся деревьев со странными соцветиями на вершинах.

Перед большим, витиевато украшенным большеколесным пароходом со сложенным на главной палубе грузом капитан наконец остановился. Даже в слабом свете неполной луны было видно, что судно великолепно. На всей пристани не было второго такого красавца.

– Да? – тихо, с уважением произнес Джошуа Йорк. Именно это решило дело (позже вспоминал Марш) – уважение в его голосе.

– Это «Эклипс», – пояснил Марш. – Видите, там, на рулевой рубке, обозначено его имя. – Он показал тростью. – Вы можете его прочесть?

– Вполне отчетливо. У меня превосходное ночное зрение. Это что, особое судно?

– Да, черт возьми, особое. «Эклипс» был построен в 1852 году, пять лет назад, но и сейчас выглядит великолепно. Стоит он триста семьдесят пять тысяч долларов. Во всяком случае, столько за него просят, и не зря. На этой реке никогда не было более крупного, более замечательного, более крепкого судна. Я облазил его вдоль и поперек, специально покупал на него билет. Поверьте мне, я знаю, что говорю, – подчеркнул Марш. – Размеры парохода – триста шестьдесят пять футов на сорок, его большой салон достигает в длину триста тридцать футов. Уверен, что никогда ничего подобного вы не видели. В одном конце его помещена золотая статуя Генри Клея, в другом – Энди Джексона. Им все время приходится пялиться друг на друга. Там больше хрусталя, серебра и тонированного стекла, чем могла бы себе позволить лучшая гостиница, написанные маслом картины, яства, которых вы отроду не пробовали, и зеркала, такие зеркала!..

Но все это не идет ни в какое сравнение с его скоростью. Внизу, под главной палубой, скрыты пятнадцать паровых машин. Длина хода поршня – одиннадцать футов. Могу заверить вас, нет судна на реке, способного обогнать «Эклипс», когда капитан Стерджен дает ему пара. Он с легкостью может выжимать восемнадцать миль в час, когда идет вверх по течению. В 53-м он даже установил рекорд по преодолению расстояния между Новым Орлеаном и Луисвиллем. Это время я знаю наизусть. Четыре дня, девять часов, тридцать минут, он на пятьдесят минут побил рекорд чертова «Шотуэлла», и это при том, что всем известно, какой быстройходный «Шотуэлл». – Марш повернулся к Йорку лицом: – Я надеялся, что моя «Леди Лиз» в один прекрасный день сменит «Эклипс», побьет его рекорд или придет за такой же короткий срок... У нее бы ничего не вышло, теперь мне это точно известно. Я просто обманывал себя. У меня никогда не было достаточно денег, чтобы построить корабль, превосходящий «Эклипс».

Вы дадите мне эти деньги, мистер Йорк, и тогда станете моим партнером. Вот вам мой ответ, сэр. Хотите получить половину компании «Река Февр»? Вам нужен молчаливый партнер, который тихо делает свое дело и не задает лишних вопросов? Прекрасно. Тогда дайте мне деньги на строительство такого судна, как это.

Джошуа Йорк долгим взглядом посмотрел на большеколесный пароход, безмятежный и спокойный. В темноте казалось, что он тихо парит над водой, готовый принять любой вызов. К Эбнеру Маршу Йорк повернулся с улыбкой на губах и отблеском неясного света в глазах.

– Идет, – только и сказал он и протянул руку.

Обнажив в косой улыбке кривые зубы, Марш заключил белую тонкую ладонь Йорка в свою мясистую лапу и пожал ее.

– Тогда договорились, – сказал он громко и стиснул руку со всей своей медвежьей мощью. Марш всегда поступал так, заключая сделки, чтобы примериться к партнерам, посмотреть, на что они способны. Руку он обычно не отпускал до тех пор, пока не замечал в глазах боль.

Но глаза Йорка оставались ясными, и его собственная ладонь крепко обхватила руку Марша с неожиданной силой. Чем крепче становилось пожатие, тем больше каменели под белой кожей мышцы, превращаясь в железные пружины, цепко обвившие руку Марша. С усилием сглотнув, Марш подавил желание вскрикнуть.

Йорк разжал ладонь.

– Пойдемте, – сказал он и чувствительно похлопал Марша по плечу, так, что тому стоило труда не зашататься. – Нужно еще обсудить кое-какие планы.

Глава вторая

Новый Орлеан

Май 1857 года

На Французскую биржу Билли Типтон по прозвищу Мрачный Билли прибыл сразу после десяти. В дурном расположении духа он наблюдал за продажей четырех бочонков вина, семи клеток сухого товара и партии мебели. Только после этого вывели рабов. Мрачный Билли молча стоял, уперев локти в длинную мраморную стойку бара, занимавшего половину окружности ротонды, и прихлебывал абсент. Тем временем торговцы на двух языках расхваливали свой товар.

Мрачный Билли был смугл, со страшным, как у мертвеца, вытянутым лошадиным лицом, изъеденным оспой, которой он переболел в детстве. Редкие каштановые волосы были покрыты чешуйками перхоти. Улыбался Мрачный Билли редко, а его глаза отливали пугающим льдистым цветом.

Эти глаза, холодные и опасные, служили Мрачному Билли своеобразной защитой. Французская биржа была серьезным местом, слишком серьезным, на его взгляд, к тому же Мрачный Билли терпеть не мог посещать ее. Располагалась биржа в ротонде отеля «Сент-Луис», под вздымающимся куполом, из центра которого на покупателей и продавцов лился поток дневного света. Купол в поперечнике занимал не менее восьмидесяти футов. Внутреннее помещение окружали высокие колонны, на которых были сооружены галереи. Потолок покрывала изысканная роспись, стены украшали живописные полотна. Перила и стойка бара изготовлены из цельного мрамора, полы и столы аукционных выкрикал тоже были из мрамора.

Посетители отличались такой же изысканностью, как и убранство интерьера: богатые плантаторы с верховья реки, молодые денди-креолы из старого города. Мрачный Билли презирал креолов, презирал за их богатые одежды и высокомерный вид, за темные, надменные глаза. Он не любил появляться среди них. Креолы вспыльчивы и агрессивны, им ничего не стоит вызвать человека на дуэль. Порой один из этих молодых сосунков уже собирался наброситься на Мрачного Билли, полагая, что тот нарочно коверкает их язык и не так смотрит на их женщин. Им претил его самонадеянный американский дух, его сомнительная репутация, его неряшливость. Но стоило задирам увидеть взгляд холодных глаз Мрачного Билли, таящих в себе угрозу, как они тотчас отворачивались и ретировались.

И все же Мрачный Билли предпочитал покупать невольников на Американской бирже в «Сент-Чарльзе», где манеры были менее изысканными, вместо французского говорили по-английски, и он чувствовал себя спокойнее. Роскошь и великолепие ротонды «Сент-Луиса» не впечатляли его, единственное, что Мрачному Билли там нравилось, так это качество подаваемых спиртных напитков.

Тем не менее наведываться туда приходилось раз в месяц. Американская биржа вполне подходящее место, чтобы купить раба для работы в поле или кухарку, но чтобы найти девушку, с которой можно было бы поразвлечься, смуглолицую красавицу-октаронку того типа, который нравится Джулиану, нужно идти на Французскую биржу. Джулиану требовалась красавица, и только красавица.

Мрачный Билли поступал так, как хотел Деймон Джулиан.

Было почти одиннадцать часов, когда торговля вином закончилась, и торговцы начали выставлять к продаже живой товар из барачков, расположенных на Моро, Эспланаде и Коммон-стрит; мужчин и женщин, старых и молодых, а также детей. Удивительно много среди них было светлокожих и пригожих лицом. Имелись среди рабов и образованные, и, как полагал Мрачный Билли, вероятно, некоторые говорили по-французски.

Всех их выставили на обозрение вдоль одной из стен. Несколько молодых креолов с довольным видом принялись бойко прохаживаться вдоль ряда, чтобы получше приглядеться к выставленному товару и обменяться впечатлениями. Мрачный Билли не тронулся с места и заказал себе еще порцию абсента. Накануне он посетил большую часть площадок, где расположились невольники, и знал, какой товар будет выставлен на продажу. Ему оставалось только ждать.

Один из аукционистов опустил на мраморную столешницу своего стола деревянный молоток; посетители аукциона тотчас притихли и выжидающе повернули к нему головы. Он махнул рукой, и на упаковочную клеть, пошатываясь, поднялась молодая женщина лет двадцати – квартеронка с большими глазами и по-своему хорошенькая. Одета она была в платье из набивного ситца, волосы перехвачены зеленой лентой. Аукционист с энтузиазмом принялся расхваливать ее достоинства. Мрачный Билли без интереса наблюдал за ходом торгов, за тем, как за право сделать покупку бились два молодых креола. Наконец девушку продали за тысячу четыреста долларов.

Следующей шла женщина постарше, о которой было сказано, что она прекрасная кухарка. Ее тоже продали. Потом следовала молодая мать с двумя детьми; их продали вместе. Мрачный Билли продолжал ждать. Часы показывали уже четверть первого, и в зале биржи от покупателей и зевак стало тесно, когда появился объект, выбранный им накануне.

Звали ее Эмили, как объявил выкрикала.

– Вы только посмотрите на нее, господа, – трещал он по-французски, – только посмотрите на нее. Какое совершенство! Давненько не было у нас такого лота. Уверяю вас, подобного товара вы не увидите еще много лет.

Мрачный Билли не мог не согласиться. На вид Эмили было лет шестнадцать или семнадцать, но выглядела она вполне сформировавшейся женщиной. Она стояла на возвышении и казалась несколько испуганной. Невзрачная простота платья только подчеркивала совершенство фигуры. У Эмили было красивое лицо – большие ласковые глаза и кожа цвета кофе с молоком. Джулиану она непременно понравится.

Торг оживился. Такая изысканная красота не интересовала плантаторов, однако шесть-семь креолов принялись энергично биться за девушку, взвинчивая цены. Можно было не сомневаться, что другие рабы уже просветили Эмили относительно ее дальнейшей судьбы. Она была достаточно прелестна, чтобы со временем обрести свободу и жить на содержании одного из молодых креольских щеголей в маленьком домике на Рэмпатс-стрит, во всяком случае, до тех пор, пока он не женится. Она будет посещать балы, устраиваемые для квартеронков в бальном зале Орлеана, носить шелковые платья и ленты и послужит причиной не одной дуэли. Ее дочери будут обладать еще более светлой кожей, а повзрослев, окупятся в такую же прекрасную жизнь. Возможно, состарившись, она научится делать изысканные прически или будет содержать пансион.

Мрачный Билли с невозмутимым лицом продолжал потягивать абсент.

Цена росла. Когда она достигла двух тысяч долларов, осталось только три покупателя. В этот момент один из них, смуглолицый лысый мужчина, потребовал, чтобы девушка разделась. Выкрикала отдал короткую команду. Эмили осторожно расстегнула платье, и оно соскользнуло вниз. Кто-то отпустил непристойную шутку, по залу пробежал смехок. Девушка слабо улыбнулась, а аукционист ухмыльнулся и присовокупил собственное замечание. Торги возобновились.

Когда сумма превысила две с половиной тысячи, лысый отказался от дальнейшего участия в торге. Интересовавшим его зрелищем он и так уже наслаждался. У Мрачного Билли осталось только два соперника, оба креолы. Они поочередно опережали друг друга, поднимая цену до трех тысяч трехсот долларов. Тогда накал несколько снизился. Аукционист назвал окончательную цену, предложенную более молодым из них: три тысячи триста долларов.

– Три четыреста, – спокойно вставил его оппонент.

Мрачный Билли узнал его. Это был худощавый молодой креол по имени Монтрейль, известный игрок и дуэлянт.

Второй покупатель покачал головой; аукцион заканчивался. Монтрейль с самодовольной ухмылкой смотрел на Эмили. За секунду до того, как молоток опустился, Мрачный Билли поднялся с места и, отставив в сторону стакан с абсентом, четко и громко сказал:

– Три семьсот.

Выкликала и девушка в изумлении подняли головы. Монтрейль и несколько его друзей метнули в сторону Билли полные угрозы взгляды.

– Три восемьсот, – не унимался Монтрейль.

– Четыре тысячи, – сказал Билли.

Это была слишком высокая цена даже для такой красавицы. Монтрейль сказал что-то своим спутникам, и все трое, резко развернувшись на каблуках и не проронив больше ни слова, покинули ротонду.

– Похоже, я выиграл аукцион, – заметил Мрачный Билли. – Оденьте ее и подготовьте отправиться со мной.

Зал с удивлением пялил на него глаза.

– Не извольте сомневаться! – сказал выкликала.

Тем временем со своего места поднялся другой аукционист с молотком в руке и вызвал на помост другую красотку. Внимание присутствующих переключилось на нее. Торги на Французской бирже продолжались.

Мрачный Билли Типтон провел Эмили длинной анфиладой круглого зала, и они вышли на улицу Сент-Луиса с ее фешенебельными магазинами. Прохожие и богатые путешественники бросали на них любопытные взгляды. От яркого дневного света у Билли заболели глаза, и он сощурился. В этот момент к нему подошел Монтрейль.

– Месье... – начал креол.

– Если хочешь говорить со мной, говори по-английски, – резко оборвал его Мрачный Билли. – Ты имеешь дело с мистером Типтоном, Монтрейль. – Его длинные пальцы нервно дернулись, и он пригвоздил креола своим ледяным взглядом.

– Мистер Типтон, – сказал Монтрейль на хорошем, без акцента, английском. Лицо креола слегка покраснело. За его спиной, вытянувшись в струнку, стояли два его спутника. – Я и раньше проигрывал девушек на аукционе, – сказал креол. – Хотя она и поражает воображение, я не считаю ее большой потерей. Меня оскорбила ваша манера ведения торга, мистер Типтон. Вы сделали из меня посмешище, подразнили победой и превратили в дурака.

– Ну-ну, – сказал Мрачный Билли, – ну-ну.

– Вы играете в опасную игру, – предупредил Монтрейль. – Вам известно, кто я? Будь вы джентльменом, я бы вызвал вас на дуэль, сэр.

– Дуэли запрещены, – заметил Билли. – Вы не слышали? А я не джентльмен. – С этими словами он повернулся к четверонке, ожидавшей его у стены гостиницы, откуда она наблюдала за сценой: – Пойдем. – Билли свернул в переулок, и девушка последовала за ним.

– Вы за это ответите, месье! – крикнул ему вдогонку Монтрейль.

Мрачный Билли не обратил на угрозу ни малейшего внимания и свернул за угол. Двигался он быстро, и поступь его отличалась достоинством, которое не ощущалось внутри помещения Французской биржи. На этих улицах Мрачный Билли чувствовал себя вполне уютно; здесь он вырос, здесь прошел науку выживания. Рабыня по имени Эмили, шлепая босыми ногами по каменной мостовой, семенила за ним следом, стараясь не отставать. Вдоль улиц Вье-Карре тянулись кирпичные дома, некоторые были покрыты штукатуркой. Над узкими тротуарами нависали красовавшиеся на каждом доме балкончики с изящными коваными перилами.

Но сами дороги были немощеными, и прошедшие недавно дожди превратили их в грязное месиво. Вдоль тротуаров шли канавы, глубокие траншеи со стоячей водой. Оттуда несло вонью разлагающихся отбросов.

Они проходили мимо аккуратных маленьких магазинчиков и бараков для рабов с забранными тяжелыми решетками окнами, мимо элегантных отелей и прокуренных лавок, торгующих спиртным, где толпились свободные негры. Мимо тесных, с застоявшимся воздухом проулков и просторных дворов с собственными колодцами или фонтанами, мимо высокомерных креольских матрон, окруженных свитами слуг и компаньонов, мимо группы закованных в цепи и кандалы беглых рабов, которые под пристальным наблюдением белого мужчины с холодным взглядом и кнутом в руках чистили сточные канавы.

Вскоре Французский квартал остался позади, и они вошли в более новый район Нового Орлеана, где проживали американцы. Мрачный Билли оставлял лошадь привязанной возле питейной лавки. Вскочив в седло, он приказал девушке идти рядом. Из города они двинулись в южном направлении и вскоре покинули главную дорогу. Останавливался Мрачный Билли только раз, чтобы дать отдых лошади и перекусить черствым хлебом и сыром, которые он извлек из притороченной к седлу сумки. Эмили он позволил напиться из ручья.

– Вы мой новый масса, сэр? – спросила квартеронка на удивительно хорошем английском.

– Надсмотрщик, – ответил Мрачный Билли. – Сегодня вечером ты познакомишься с Джулианом, девочка. Как стемнеет. – Он улыбнулся: – Ты понравишься ему. – После этого он приказал ей замолчать.

Из-за того что девушка шла пешком, двигались они медленно и достигли плантации Джулиана только к сумеркам. Болотистая местность поросла испанским мхом, идти по которому было тяжело. Дорога тянулась вдоль ручья, петляя в густой чаще. Они обогнули огромный высохший дуб и оказались на просторе. Впереди простирались поля, окрашенные в розовые тона мягкой вечерней зари. Тут же стоял дом.

На берегу протоки ютились старая, полусгнившая пристань и лесной склад. За большим домом сразу начинались лачуги невольников. Но рабов видно не было, и поля, похоже, несколько лет никто не обрабатывал. Дом, однако, оказался не столь велик, какими обычно бывают дома плантаторов, и не столь величествен. Это было довольно скучное строение квадратной формы из почерневшего дерева. Краска кое-где обсыпалась. Глазу зацепиться было не за что, если не считать высокой башенки со стеклянной галереей вокруг.

– Вот мы и дома, – пробормотал Мрачный Билли.

Девушка спросила, нет ли у плантации своего имени.

– Когда-то было, – ответил Мрачный Билли, – много лет назад, когда владел ею Гару, но он заболел и умер, он сам и все его распрекрасные сыновья. Теперь у нее нет имени. А пока закрой рот и поторапливайся.

К дому он подвел девушку окольным путем, остановился у своей двери с висячим замком и отпер ее ключом, который держал на цепочке на шее. В распоряжении Билли имелось три комнаты в части дома, отведенной для прислуги. Он втолкнул Эмили в спальню.

– Снимай одежду, – скомандовал Мрачный Билли.

Девушка негнущимися пальцами начала послушно расстегивать платье, в глазах ее светился страх.

– Не смотри так. Ты принадлежишь Джулиану, и я не собираюсь тебя трогать. Я нагрее воды. На кухне есть ванна. Смоешь с себя грязь и переоденешься. – Он открыл деревянный шкаф с искусной резьбой и извлек оттуда платье из темного бархата. – Думаю, подойдет.

Девушка вскрикнула:

– Я не могу надеть это! Такое носят только белые леди!

– Закрой рот и делай, что тебе говорят! – рявкнул Мрачный Билли. – Джулиан хочет, чтобы ты выглядела шикарно, девочка. – Он оставил ее и прошел на хозяйскую половину дома.

Джулиан с бокалом бренди в руках тихо сидел в большом кожаном кресле. В библиотеке было сумеречно, все вокруг покрывала пыль. Со всех сторон Джулиана окружали книги, принадлежавшие Рене Гару и его сыновьям. За многие годы к ним никто не притронулся. Деймон Джулиан к числу читателей не относился.

Войдя, Мрачный Билли, не произнеся ни слова, остановился на почтительном расстоянии. Первым заговорил Джулиан:

– Ну, что?

– Четыре тысячи, – ответил Мрачный Билли, – но она придется вам по вкусу. Юная, милая и нежная, красивая, по-настоящему красивая.

– Другие вскоре придут. Алан и Жан уже здесь. У них руки чешутся. Когда она будет готова, проводи ее в бальный зал.

– Хорошо, – быстро ответил Мрачный Билли. – На аукционе возникли кое-какие проблемы, мистер Джулиан.

– Проблемы?

– Креольский мошенник по имени Монтрейль тоже хотел купить ее, и ему не понравилось, как я его обставил. Боюсь, как бы он не проявил излишнего любопытства. Он игрок и все время околачивается в игорных залах. Не нужно ли мне позаботиться о нем как-нибудь темной ночью?

– Расскажи мне о нем, – велел Джулиан.

Голос у него был тягучий, мягкий и глубокий, чувственный, богатый оттенками, как хороший коньяк.

– Молодой, смуглый, с черными глазами и черными волосами. Высокий. Говорят, дуэлянт. Крепкий мужчина. Сильный и худощавый, но со смазливой лицом, как у большинства из них.

– Я сам позабочусь о нем, – сказал Джулиан.

– Хорошо, сэр, – ответил Мрачный Билли Типтон и удалился на свою половину.

Стоило Эмили облачиться в бархатный наряд, как она сразу преобразилась. От рабыни и ребенка не осталось и следа: умытая и хорошо одетая, она стала юной женщиной таинственной, почти неземной красоты. Мрачный Билли внимательно осмотрел ее.

– Что ж, порядок, – сказал он. – Пойдем, ты отправляешься на бал.

Бальный зал был самой большой и величественной из комнат дома. Его освещали три огромных хрустальных канделябра, в каждом из которых горело не менее сотни крошечных свечей. На стенах висели колоритные полотна с изображением местных пейзажей, написанные маслом. Красивые деревянные полы сияли. В одном конце зала имелись широкие двустворчатые двери, открывающиеся в холл. С другой стороны поднималась большая лестница, раздвигавшаяся наверху, перила ее тоже сияли.

Когда Мрачный Билли ввел девушку, их уже ждали.

Их было девять, включая и самого Джулиана: шесть мужчин, три женщины. На мужчинах темные костюмы европейского покроя, на женщинах – платья из бледного шелка. Все, кроме Джулиана, почтительно ожидали на лестнице, неподвижные и молчаливые. Мрачный Билли их знал: бледные женщины именовали себя Адрианна, Синтия и Валерия, смуглый красавец Раймон с мальчишечьим лицом, Курт с горящими, как уголья, глазами и прочие. Один из них, Жан, в ожидании слегка подрагивал. Его губы не в состоянии были прикрыть длинные белые зубы, кисть руки нервно трепетала. Обуреваемый жадой, он все же не предпринимал никаких действий. Он ждал Деймона Джулиана, все они ждали Деймона Джулиана.

Джулиан пересек зал и приблизился к юной рабыне. Двигался он с природной грацией кота. Как лорд, как король. Он наступал, как наступает ползущая темнота, густая и неотвратимая.

тимая. Джулиан казался смуглым, хотя его кожа была очень бледной; ее оттеняли черные вьющиеся волосы и траурный костюм, глаза сверкали как алмазы.

Он остановился напротив рабыни и улыбнулся. Джулиан обладал очаровательной улыбкой искушенного жизнью человека.

– Изумительна, – только и произнес он.

Эмили покрылась румянцем и попыталась было что-то сказать.

– Заткнись! – резко оборвал ее Мрачный Билли. – Не произноси ни слова до тех пор, пока мистер Джулиан не велит тебе.

Джулиан провел пальцем по мягкой смуглой щеке девушки. Она вздрогнула, но усилием воли заставила себя стоять спокойно. Он лениво погладил ее волосы, потом приподнял ее лицо к своему и глазами словно подобрал девушку в себя всю, без остатка. В это мгновение Эмили смутилась и испуганно вскрикнула, однако Джулиан крепко держал ее лицо в своих руках, и она не смогла отвести взгляда.

– Замечательно. Ты прекрасна, дитя. Мы все здесь умеем ценить красоту.

Он отпустил лицо девушки, взял ее маленькую ручку в свои и, склонившись, запечатлел на внутренней стороне запястья поцелуй.

Юная невольница все еще дрожала, но сопротивления не оказывала. Джулиан слегка повернул ее и передал ее руку Мрачному Билли Типтону:

– Не окажешь ли ты честь, Билли?

Мрачный Билли отвел руку назад и вытащил нож, висевший в чехле у него на поясе. Глаза Эмили от ужаса расширились и, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Она попыталась вырваться, но Билли крепко держал ее, к тому же он был проворен, очень проворен. Лезвие мелькнуло со скоростью молнии и тут же окрасилось кровью; один-единственный порез с внутренней стороны запястья в том месте, где Джулиан запечатлел свой поцелуй. Кровь из раны ударила фонтаном и закапала на пол. В тишине бального зала звук падающих капель раздавался гулкими ударами.

Девушка всхлипнула, однако прежде, чем она осознала, что происходит, Мрачный Билли уже спрятал свой нож в ножны и отступил в сторону, а Джулиан снова взял ее руку в свою. Он поднял тонкую руку и, прижав губами к запястью, начал сосать.

Мрачный Билли удалился к двери. Остальные спустились с лестницы и подошли ближе. Женские наряды издавали мягкое шуршание. Жадным кругом сомкнулись они вокруг Джулиана и его жертвы. Их темные глаза горели. Когда Эмили потеряла сознание, Мрачный Билли тотчас подскочил к ней и подхватил под руки, чтобы рабыня не упала. Веса ее он почти не ощутил.

– Такая красавица, – с улыбкой пробормотал Джулиан, наконец оторвавшись от нее. Губы его блестели влагой, взгляд был тяжелым и сытым.

– Пожалуйста, Деймон, – взмолился тот, которого звали Жан. Он дрожал так, словно его била лихорадка.

Кровь темной струйкой медленно текла по руке Эмили. Джулиан смерил Жана холодным, злобешним взглядом.

– Валерия, – произнес он, – твоя очередь.

Вперед вышла бледная молодая женщина с фиалковыми глазами в желтом платье, грациозно опустилась на колени и принялась лизать жутковатую струйку. Только после того, как рука стала чистой, она прижала рот к открытой ране.

Следующим, по велению Джулиана, наступил черед Раймона, потом Адрианны, Хорхе. Только после того, как насытились все, Джулиан с улыбкой повернулся к Жану и подал знак. Тот набросился на свою жертву с едва сдерживаемым рыданием и, вырвав ее из рук Мрачного Билли, зубами начал терзать нежную плоть шеи.

Деймон Джулиан с отвращением поморщился.

– Когда он насытится, – обратился хозяин к Мрачному Билли, – убери тут все.

Глава третья

Нью-Олбани, Индиана

Июнь 1857 года

На реке лежал плотный туман, воздух был влажным и промозглым. Стрелки часов миновали полуночную отметку, когда на опустевшей судовой верфи Нью-Олбани Джошуа Йорк, наконец вернувшийся из Сент-Луиса, встретился с Эбнером Маршем. К тому времени как Йорк словно некое призрачное видение возник из тумана, Марш прождал его уже около получаса. Следом за ним, бесшумные, как тени, вошли еще четверо.

Марш в ухмылке обнажил *зубы*.

– Джошуа, – сказал он и любезно кивнул остальным.

С ними капитан уже встречался в апреле в Сент-Луисе, до того как предпринял поездку в Нью-Олбани, чтобы полюбоваться воплощением в жизнь своей мечты. Все они были друзьями Йорка и его спутниками в путешествиях, но более пестрой компании Марш еще не встречал. Двое оказались мужчинами неопределенного возраста с иностранными именами, которые нельзя было ни запомнить, ни произнести; к великому удовольствию Йорка, он называл их Смит и Браун. Они вечно препирались на каком-то заморском наречии. Третьим был уроженец Восточного побережья, человек с ввалившимися щеками, который одевался как гробовщик. Звали его Саймон, он практически никогда не разговаривал. Женщина по имени Кэтрин, похоже, была англичанкой. Высокая и несколько сутуловатая, с болезненным, пустым взглядом, своим видом она напоминала Маршу большого белого ястреба. Но она, как и все остальные, тоже относилась к числу друзей Йорка, а тот предупреждал капитана, что среди его друзей могут попадаться люди весьма своеобразные, так что Эбнер Марш держал язык за зубами.

– Добрый вечер, Эбнер, – сказал Йорк. Он остановился и осмотрел судовую верфь, где в сером тумане просматривались силуэты многочисленных остовов недостроенных пароходов. – Холодноватая ночка для июня, верно?

– Ваша правда. Вы далеко остановились?

– Я снял номер в Голт-Хаус в Луисвилле. Нам пришлось нанять лодку, чтобы перебраться на другой берег. – Его холодные серые глаза с особым интересом осматривали пароход, находившийся ближе других. – Наш?

Марш фыркнул:

– Эта кроха? Конечно, нет. Это дешевое заднеколесное суденышко, которое строится для торговли в Цинциннати. Полагаю, вам не могло прийти в голову, что я поставлю на нашем судне гребное колесо сзади?

Йорк улыбнулся:

– Простите мне мою невежественность. Тогда где же наше детище?

– Извольте идти за мной, – сказал Марш, сопроводив свои слова широким взмахом трости.

Они прошли половину верфи.

– Вот, – наконец остановился Марш.

Туман, словно по заказу, несколько развеялся, и глазам предстало гордое и высокое судно, рядом с которым все остальные казались карликами. Каюты и поручни сверкали свежей, белой как снег краской, которая светила даже в сером мареве тумана. Устремленная к звездам, расположенная на палубной надстройке рулевая рубка, казалось, мерцала; стеклянный храм с изысканно убраным куполом украшала филигранно выполненная резьба, богатством узора напоминавшая ирландское кружево. Трубы – двойные колонны, стоявшие перед палубной надстройкой, – гордо вздымались вверх.

В туманной ночи среди более мелких и простых судов этот пароход казался видением, белым призраком из мечты речника. При виде его захватывало дух.

Смит что-то протараторил, и Браун ответил ему на том же тарабарском языке. Джошуа Йорк молча смотрел, затем кивнул.

– Мы создали нечто прекрасное, Эбнер, – сказал он.

Марш заулыбался.

– Я не ожидал увидеть его почти готовым, – добавил Йорк.

– Это Нью-Олбани, – пояснил Марш. – Потому я и приехал сюда, вместо того чтобы заложить судно на верфях Сент-Луиса. Судостроением они занимались еще в те времена, когда я был мальчишкой. В прошлом году они построили двадцать два корабля. Вероятно, столько же сойдет на воду и в этом году. Я знал, что они нас не подведут.

Я прибыл сюда с одним из твоих сундучков с золотом и вывалил его содержимое на стол управляющего, а потом сказал ему: «Хочу, чтобы для меня был построен пароход, хочу, чтобы построен он был срочно, еще я хочу, чтобы он был самым быстроходным, самым прекрасным и самым лучшим судном из всех, которые вы когда-либо строили, понятно? А теперь найдите мне механиков, самых лучших. Хоть из-под земли достаньте, меня это не касается. Но видеть их я хочу сегодня же, чтобы вечером мы могли начать. Также достаньте мне лучших плотников, маляров и конструкторов паровых котлов и прочих специалистов самой высшей квалификации. Если, не дай бог, среди них попадутся не самые лучшие, вы позавидуете мертвым». – Марш рассмеялся: – Нужно было видеть управляющего. Он не знал, то ли ему смотреть на это золото, то ли слушать меня. И то и другое запугало его до полусмерти. Но свою службу он знает и выполнил то, чего мы от него ждали. – Марш кивнул в сторону судна: – Конечно, оно не закончено. Еще не покрашены кромки. Я хочу, чтобы их выкрасили в голубой и серебряный цвета, чтобы сочеталось с серебром, которым по твоему желанию изобилует салон. Кроме того, мы не получили кое-что из причудливой мебели и зеркала, которые ты заказал в Филадельфии, и тому подобные вещи. Но в основном пароход закончен, Джошуа, и почти готов сойти со стапелей. Пойдемте, я покажу вам.

На корме, на груде досок, рабочие оставили фонарь. Марш чиркнул спичкой о сапог, зажег фонарь и передал Брауну.

– Вот, понесете его, – коротко бросил он и, тяжело ступая, пошел вдоль длинного борта по направлению к главной палубе, остальные вереницей последовали за ним. – Будьте осторожны, старайтесь ни к чему не прикасаться, краска кое-где еще не высохла.

Нижняя, или главная, палуба была сплошь уставлена машинами. Фонарь загорелся ровным ясным светом, но Браун постоянно крутился, так что тени исполинских машин дергались и прыгали, как живые существа.

– Послушайте, держите фонарь ровно, – приказал Марш.

Он повернулся к Йорку и своей тростью из пекана, похожей на длинный палец, указал на паровые котлы, огромные металлические цилиндры, идущие вдоль обеих сторон передней части палубы.

– Восемнадцать паровых котлов, на три больше, чем у «Эклипса». Каждый тридцати восьми дюймов в диаметре, двадцати восьми футов длиной. – Он качнул тростью. – Все топки выложены огнеупорным кирпичом и обшиты листовым железом, установлены на консолях и не соприкасаются с палубой, так что вероятность пожара сведена до минимума. – Далее Марш показал на трубы, идущие от котлов к паровым машинам, и присутствующие повернулись в сторону кормы. – Пароход оснащен тридцатишестидюймовыми цилиндрами, способными выдерживать высокое давление, ход поршня равен одиннадцати футам, то есть такой же, как на «Эклипсе». Должен вам сказать, что это судно будет летать по нашей старушке реке как птичка.

Браун снова что-то затараторил, Смит так же нечленораздельно ответил ему, а Джошуа улыбнулся.

– Пройдемте наверх, – предложил Марш. – Похоже, твоих друзей не слишком интересует машинное отделение, но то, что они увидят наверху, им непременно понравится.

Лестница была широкой, с богатой отделкой: полированный дуб с изящными, в форме ножек бокалов, перилами. Она начиналась почти у самого носа корабля. Благодаря своей ширине лестница полностью скрывала от постороннего взгляда машинное отделение. Выше она раздваивалась и, изящно изгибаясь, расходилась в противоположные стороны, давая доступ на вторую палубу, называемую котельной.

Они прошли вдоль правого борта судна. Возглавлял процессию Марш, размахивающий тростью, следом за ним шел Браун с фонарем. Сапоги гулко печатали шаг по звонкому дереву верхней палубы. Все с восхищением разглядывали тонкую готическую резьбу стоек и перекладин перил. Изысканной формы, они сплошь были покрыты орнаментом, составленным из цветов, причудливых завитков и желудей. С носа до кормы протянулся бесконечный ряд дверей и окон кают – все двери из темного орехового дерева, а окна застеклены витражами.

– Каюты пока не обставлены, – сказал Марш и открыл дверь одной из них. – Мы заказали лучшие пуховые матрасы и подушки. В каждой каюте будет зеркало и масляная лампа. Каюты второго класса больше обычных. Несмотря на то что наше судно не сможет брать столько же пассажиров, как другое такого же размера, здесь больше места. – Он улыбнулся: – Поэтому и стоимость проезда сделаем выше.

В каждой каюте имелось по две двери: одна вела на палубу, вторая – внутрь корабля, в большой салон – кают-компанию парохода.

– Кают-компания пока не завершена, – заметил Марш, – но все же давайте пройдем и посмотрим.

Войдя в главное помещение судна, они остановились. Браун поднял фонарь высоко над головой, чтобы осветить пространство необъятного салона. Большой зал протянулся на всю длину паровой палубы. Ничто не прерывало его простора, если не считать прохода посередине.

– На носу судна располагается кают-компания для джентльменов, на корме – для дам. – Марш поднял трость к потолку. – Сейчас в такой темноте ничего не видно, однако хочу обратить ваше внимание на то, что световые люки над салоном оснащены витражными стеклами. Мы собираемся застелить пол брюссельскими коврами, а также положить ковры в каждой каюте первого класса. На деревянном столике оригинальной конструкции поставим серебряный сосуд с прохладительными напитками и серебряные же фужеры. У нас будет рояль и новенькие, с иголки, бархатные кресла. На столы постелем настоящие льняные скатерти. Но пока ничего этого здесь нет.

Даже без ковров, зеркал и мебели вытянутый в длину салон представлялся роскошным. Люди в молчании медленно прошли по нему. Неверный свет фонаря выхватывал из темноты те или иные фрагменты величавой красоты, которая за их спинами тут же снова исчезала во мраке. Высокий сводчатый потолок поддерживался изогнутыми балками, покрытыми тонкой, ажурной, как дорогое кружево, резьбой и расписанными яркими красками. Двери кают первого класса украшали стройные рифленые колонны. Стойка бара была сработана из черного мрамора с характерными прожилками. Двойной ряд канделябров, каждый из которых венчали четыре больших хрустальных шара, поддерживался висячем положении тонкой вязью кованого железа. Нужно только налить масла и чиркнуть спичкой, чтобы мерцающий свет озарил все это великолепие, отразил его в зеркалах и оживил грандиозный зал.

– Я бы сказала, что каюты второго класса слишком малы, – вдруг заметила Кэтрин, – хотя кают-компания будет великолепна.

Марш сердито посмотрел на нее:

– Каюты достаточно велики, мэм. Восемь квадратных футов. Обычно они не превышают шести. Это же пароход, как вы знаете. – Он отвернулся от Кэтрин и снова указал тростью: – Контора будет помещаться там. Кухня и прачечные разместятся возле кожухов гребных колес. У меня на примете имеется кок, которого я хотел бы нанять. Когда-то он работал на моей «Леди Лиз».

Крыша паровой палубы служила одновременно и навесной палубой. Гости поднялись по узкому трапу и оказались перед большими черными дымовыми трубами, затем по более короткому трапу прошли на палубную надстройку, которая от дымовых труб вела к кожухам гребных колес.

– Каюты команды, – бросил Марш, не став утруждать себя их обходом.

На корабельной надстройке размещался капитанский мостик, куда он и привел группу.

Оттуда как на ладони просматривалась вся судоверфь. Другие, менее крупные корабельные конструкции тонули в тумане. Дальше виднелись черные воды реки Огайо, и даже дальние огни Луисвилла призрачно мерцали в темном мареве. Просторное помещение капитанского мостика изнутри было обито плюшем. В оконных рамах стояло стекло лучшего в мире качества, его края окаймляли полосы витражей. В свете фонаря рубка сияла полированным темным деревом и холодным бледным блеском начищенного серебра.

Тут размещался штурвал. Видна была только его верхняя часть, но даже видимая его часть поднималась до уровня роста Марша, в то время как нижняя уходила в специальную прорезь в полу. Штурвал был сделан из мягкого тикового дерева и на ощупь казался прохладным и гладким. Его спицы перехватывали замысловатые серебряные обручи, похожие на подвязки танцовщиц из мюзик-холла. Штурвал, казалось, не мог дожидаться, когда руки рулевого обнимут его.

Джошуа Йорк подошел к рулевому колесу, дотронулся до него и бледной ладонью провел по черному дереву и серебряным обручам. Потом взял его так, как если бы сам был рулевым, и замер со штурвалом в руках, устремив серые глаза, в которых зажегся непонятный огонь, в непроглядную ночь, в июньский туман, несвойственный этому времени года. Все остальные умолкли, и даже Эбнеру Маршу в какой-то миг показалось, что пароход пришел в движение и по течению темной реки его воображения отправился в путешествие, странное и нескончаемое.

Наконец Джошуа Йорк повернулся и нарушил тишину:

– Эбнер, – сказал он, – мне бы хотелось научиться управлять этим судном. Ты сможешь научить меня?

– Управлять? – с удивлением переспросил Марш.

Ему не стоило труда представить партнера в роли капитана или хозяина парохода, но управление судном – нечто иное. Все же этот вопрос сделал партнера более понятным для капитана и позволил почувствовать к нему некоторое расположение. Эбнеру Маршу было хорошо известно, что значит это чувство, желание управлять кораблем.

– Что ж, Джошуа, – сказал Марш, – когда-то и я стоял за штурвалом судна. Надо тебе сказать, это одно из грандиознейших ощущений на свете. Ничто не может сравниться с ним. Однако научиться этому с ходу нельзя, думаю, ты понимаешь, о чем я говорю.

– С первого взгляда кажется, что крутить колесо не представляет никаких сложностей, – сказал Йорк.

Марш рассмеялся:

– Конечно, нет. Но нужно не столько крутить колесо, сколько узнать саму реку, Йорк. Старушку Миссисипи. Я, прежде чем стать владельцем собственного судна, проходил рулевым восемь лет. Мне разрешалось водить суда по верховьям Миссисипи и Иллинойса. Только Огайо и Миссисипи в нижнем течении были для меня закрыты. Несмотря на знание речного и пароходного дела, я не отважился бы пуститься в плавание по тем рекам, слишком был велик риск

расстаться с жизнью – я не знал их. Те, другие, были мне известны. Теперь, когда я уже столько лет не входил в рулевую рубку, чтобы снова начать водить пароход, мне пришлось бы заново изучать реки. Река меняется, Джошуа, это я тебе точно говорю. Она никогда не бывает одинаковой, даже если ты пройдешь по ней два раза подряд. Нужно знать каждый дюйм ее как свои пять пальцев. – Марш торжественно подошел к штурвалу и благоговейно опустил на него одну руку. – Теперь мне хотелось бы хоть раз встать за штурвал этого судна. Когда мы будем состязаться с «Эклипсом», отстоять одну вахту, если ты понимаешь, о чем я говорю. Но это судно слишком роскошно для верховий Миссисипи. Ему нужен Новый Орлеан, не меньше, а это значит, нижнее русло реки, так что мне самому предстоит учиться. Мне придется изучать каждый фут его, будь он неладен. Для этого нужно время, нужно чертовски много приложить труда. – Он посмотрел на Йорка: – Сейчас, когда я объяснил, что к чему, ты по-прежнему хочешь быть рулевым?

– Мы могли бы учиться вместе, Эбнер, – ответил Йорк.

Тем временем спутники Йорка начали проявлять беспокойство. Они бродили от окна к окну, Браун то и дело перекладывал фонарь из одной руки в другую. Саймон стал еще мрачнее и своим видом все более напоминал покойника. Смит на своем языке сказал что-то Йорку, и тот кивнул:

– Нам пора возвращаться.

Марш в последний раз огляделся. Даже сейчас ему не хотелось уходить.

Когда они выбирались из судоверфи, Йорк обернулся и бросил прощальный взгляд на их пароход, стоявший на стапелях. Его силуэт смутным бледным пятном выделялся на темном фоне. Все остановились и безмолвно ждали.

– Ты знаешь, кто такой Байрон? – спросил Йорк Марша.

Марш на минуту задумался.

– Я знаю парня по имени Блэкджек Пит, он был рулевым на «Большом турке». Мне кажется, его второе имя было Брайан.

Губы Йорка тронула улыбка.

– Не Брайан, а Байрон. Лорд Байрон, английский поэт.

– А-а-а, – протянул Марш. – Вот ты о ком, я не слишком силен в поэзии. Но думаю, что слышал о нем. Он хромал, верно? И еще волочился за дамами.

– Тот самый, Эбнер. Поразительный человек. Мне выпал случай однажды повстречаться с ним. Наш пароход напомнил мне одно написанное им стихотворение. – Йорк начал декламировать:

Она идет во всей своей красе –
Светла, как *ночь* ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены³.

– Байрон, конечно же, писал о женщине, но слова, как мне кажется, можно отнести и к нашему судну, правда?⁴ Взгляни на него, Эбнер! Что скажешь?

Бывалый речник толком не знал, что ответить.

– Очень интересно, Джошуа, – только и сумел он выдать из себя.

³ Перевод С. Маршака.

⁴ Корабль в английском языке женского рода.

– Как мы назовем его? – спросил Йорк, по-прежнему не сводя глаз с парохода. На губах его играла легкая улыбка. – Стихотворение не навело тебя ни на какую мысль?

Марш нахмурился:

– Не станем же мы называть судно именем какого-то хромого британца!..

– Нет, – успокоил его Йорк. – Нет, я и не думал предлагать это. Мне в голову пришло нечто иное, вроде «Смуглой леди» или...

– У меня у самого есть кое-какая задумка, – прервал его Марш. – Мы грузо-пассажирская компания «Река Февр», в конце концов, а это судно – воплощение моей самой сокровенной мечты. – Он поднял свою трость и указал на рулевую рубку: – Мы там напишем большими голубыми с серебром буквами нечто действительно мечтательное. «Грезы Февра». – Он улыбнулся: – «Грезы Февра» против «Эклипса». Об этой гонке будут говорить и после нашей смерти.

На какое-то мгновение в серых глазах Джошуа промелькнуло что-то странное, но исчезло так же быстро, как и появилось.

– «Грезы Февра»... Тебе не кажется, что твой выбор несколько... зловещ, что ли? Мне он напоминает о недуге, лихорадке и смерти, искаженных видениях. Грезы, которые не должны грезиться, Эбнер.

Марш нахмурился:

– Мне ничего об этом не известно. Это название мне нравится.

– Будут ли люди путешествовать на судне с таким названием? Известно, что пароходы распространяют тиф и желтую лихорадку. Разве нужно нам напоминать им о подобных вещах?

– Они же не отказываются путешествовать на моем «Прекрасном Февре». Не отказываются они ездить и на «Военном орле», и на «Призраке», даже на судах, названных в честь краснокожих индейцев.

Тощий спутник Йорка по имени Саймон снова что-то сказал хриплым голосом, напомнившим Маршу звук пилы. Слова были произнесены на неизвестном капитану языке, отличающемся от того, на котором переговаривались Смит и Браун. Йорк выслушал его, и лицо его приняло задумчивое выражение, хотя все еще оставалось обеспокоенным.

– «Грезы Февра», – снова повторил он. – Я надеялся... что название будет более жизнерадостным, однако Саймон доказал мне твою правоту, Эбнер. Итак, пусть будут «Грезы Февра».

– Вот и славно, – обрадовался Марш.

Йорк с отсутствующим видом кивнул.

– Встретимся завтра за ужином в «Голт-Хаус». В восемь. Тогда составим план путешествия в Сент-Луис, обсудим состав команды и снаряжение судна. Устраивает?

Свое согласие Марш выразил в грубоватой форме. Йорк и его спутники направились к ожидавшей их лодке и растворились в тумане. Еще долго после их ухода Марш оставался на судовой палубе и молча всматривался в застывший, немой силуэт парохода.

– «Грезы Февра», – вслух произнес он, чтобы проверить, как воспринимается название на слух.

Странно, но впервые это имя показалось его слуху чуждым, чреватым скрытым смыслом, который ему не понравился. Внезапно Марш ощутил необъяснимый озноб и содрогнулся, потом прохрипел что-то нечленораздельное и отправился спать.

Глава четвертая

На борту парохода «Грезы Февра»

Река Огайо, июль 1857 года

Пароход «Грезы Февра» вышел из Нью-Олбани, когда уже опустились сумерки. Стояла душливая ночь начала июля. За все годы, проведенные на реке, у Эбнера Марша не было более приподнятого настроения, чем в тот день. Утро капитан провел в Луисвилле и Нью-Олбани, заканчивая последние дела; за это время он нанял парикмахера, пообедал с работниками судоверфи и отправил несколько писем. В послеполуденный зной Марш наконец обосновался у себя в каюте, после чего занялся проверкой готовности судна к отплытию и встречей пассажиров, купивших билеты в каюты первого класса. Ужин прошел в спешке – следовало еще побывать на основной палубе, проверить состояние паровых машин, проследить за погрузкой и работой помощника капитана.

Солнце немилосердно палило, воздух был влажным и неподвижным. Портовые рабочие, обливаясь потом, по узким сходням поднимали на пароход оставшиеся клетки с грузом, тюки и бочки. Помощник капитана, изрыгая потоки брани, то и дело подгонял их. Марш знал, что по другую сторону реки на пристани Луисвилла готовились к отправке другие пароходы: большой неповоротливый «Джекоб Стрейдер», занимающийся почтовыми перевозками, быстроходный «Южанин» из грузо-пассажирской компании Цинциннати и Луисвилла, а также с полдюжины других суденышек, помельче. Время от времени он бросал в их сторону взгляды, желая узнать, не пойдет ли какое из них вниз по реке. Несмотря на одуряющую жару и рой moskitov, с заходом солнца поднимавшихся от воды, чувствовал себя Марш просто великолепно.

Свободное от паровых котлов, топок и машин пространство основной палубы было сплошь уставлено грузом. Пароход вез сто пятьдесят тонн расфасованного в тюки листьев табака, тридцать тонн железных болванок, бессчетное количество бочек с сахаром, мукой и бренди, упаковки с причудливой мебелью для какого-то богача из Сент-Луиса, пару блоков соли, несколько рулонов шелковой и хлопчатобумажной ткани, тридцать бочонков с гвоздями, восемнадцать ящиков с ружьями, книгами, бумагой и всякой всячиной.

Еще он вез свиной жир. Дюжину больших бочонков прекрасного свиного жира. Но жир не был грузом в полном смысле слова, его закупил и приказал погрузить сам Марш.

На основной палубе среди груза и машин толклись пассажиры – мужчины, женщины, дети. Их было не меньше, чем выющихся над рекой мошек. Почти три сотни. Заплатив всего по одному доллару, они получили возможность добраться до Сент-Луиса. Такая мизерная оплата давала только право проезда; еду, чтобы питаться в дороге, они брали с собой. Счастливицам удалось найти на палубе более или менее пригодное место для сна. Основную часть пассажиров составляли иностранцы: ирландцы, шведы, рослые голландцы. Они орали друг на друга на непонятных Маршу языках, выпивали, грязно ругались и шлепали своих детей. Там же, внизу, можно было увидеть несколько охотников и простых работяг, которым оказалось по карману купить билет по сходной цене, предложенной Маршем.

Пассажиры, занимавшие каюты второго класса, платили за место по десять долларов, во всяком случае, те из них, кто следовал до самого Сент-Луиса. Несмотря на такую цену, билеты почти во все каюты были распроданы. Клерк из судовой конторы сообщил, что на борту сто семьдесят семь пассажиров первого и второго класса. Число это с двумя семерками Марш рассматривал как хороший знак. В списке пассажиров значилось десятка полтора плантаторов, глава крупной компании из Сент-Луиса по производству мехов, два банкира, британец с тремя дочерьми и четыре монахини, следующие в Айову. На борту также находился священник; впрочем, серой кобылы с ним не было. Среди речников бытовала дурная примета: священник и серая кобыла на борту – быть беде.

Что касается команды, то Марша она вполне удовлетворяла. Двое нанятых рулевых ничего собой не представляли, их взяли временно, чтобы довести судно до Сент-Луиса. Они хорошо знали реку Огайо, а далее пароходу предстояло обслуживать маршруты Нового Орлеана. Марш разослал письма в Сент-Луис и Новый Орлеан, и в «Доме переселенца» их уже ждали два лоцмана, хорошо знакомых с Миссисипи в ее нижнем течении. Все остальные члены команды были такими же опытными, как и на любом другом речном судне, и Марш был уверен в них.

В качестве механика он взял вспыльчивого, свирепого вида маленького человечка с бакенбардами по имени Уайти Блейк. Белые его бакенбарды постоянно носили следы копоты от паровых машин. Уайти работал у Эбнера Марша сначала на «Эли Рейнольдз», позже – на «Элизабет» и теперь вот на «Грезах Февра». Марш был уверен, что лучше этого человека никто не знает паровых машин.

Клерк Джонатан Джефферс носил очки в золотой оправе, зачесанные назад каштановые волосы и изысканные, застегивающиеся на пуговицы гетры. В конторской работе равных ему не было. Джефферс умел лихо заключать мелкие коммерческие сделки, никогда ни о чем не забывая. Человеком он был скаредным и даже в шашки играл на деньги. До того момента, как Марш пригласил Джефферса на «Грезы Февра», тот служил в главной конторе компании. Он согласился, ни минуты не колеблясь. Несмотря на щеголеватую внешность, Джефферс был речником до мозга костей и никогда не расставался со своей тросточкой с вложенной в нее шпагой с золотой рукояткой.

Коком Марш взял вольноотпущенного цветного по имени Тоби Лэньярд. Тот проработал у Марша четырнадцать лет. Впервые его стряпню Марш попробовал в Натчезе, тогда он выкупил Тоби и дал ему свободу. Боцманом на пароход Марш взял Майкла Теодора Данна, который одновременно исполнял и обязанности помощника капитана. Но по имени его не называл никто, кроме портовых грузчиков, которые обращались к нему не иначе как «мистер Данн, сэр». Все остальные звали его Волосатым Майком. Это был детина исполинских размеров и самый жадный и упрямый человек на всей реке. Росту в нем было не менее шести футов. Зеленые глаза, черные бакенбарды. Руки, ноги и грудь покрыты густыми черными волосами. Майк славился сквернословием и дурным характером и нигде не появлялся без своей черной железной палки длиной в три фута. Эбнер Марш никогда не видел, чтобы Волосатый Майк кого-нибудь ударил ею, но она всегда была крепко зажата в его ладони. Портовые грузчики рассказывали, что однажды он раскроил череп неловкому бедолаге, умудрившемуся уронить в реку бочонок с бренди. Боцманом Майк был жестоким, однако справедливым, и под его присмотром погрузо-разгрузочные работы проходили, как правило, без происшествий. Не было на реке человека, который не уважал бы Волосатого Майка Данна.

Одним словом, команда на «Грезах Февра» подобралась на славу. С самого первого дня все они трудились не покладая рук. К тому времени, когда над Нью-Олбани высыпали первые звезды, груз и пассажиры, аккуратно внесенные в списки, были на борту. Давление в паровых котлах поднялось на нужный уровень, ревущие топки отбрасывали вокруг багровый свет, и на основной палубе стало жарко. На камбузе готовилась вкусная еда. Еще раз все проверив, Эбнер Марш наконец поднялся на капитанский мостик. Поражая роскошью и благородством, тот с достоинством возвышался над всем этим ревущим адом и сумятицей.

– Отчаливай, – скомандовал он рулевому.

Рулевой приказал поддать в машины пару и дал двум огромным боковым колесам задний ход. Эбнер Марш, стоя в стороне, с уважением наблюдал за действиями рулевого. «Грезы Февра» плавно выходил в черные, освещенные звездами воды Огайо.

Выведя судно на открытое пространство, рулевой, застопорив машину, направил его по течению. Большой корабль, слегка задрожав, легко скользнул в главный канал. Колеса, шлепая по воде, запели хорошо знакомую песню. Судно, благодаря совокупным усилиям паровых

машин и скорости реки, двигалось все быстрее и быстрее, стремительное, как мечта моряка, стремительное, как грехопадение, стремительное, как сам «Эклипс». Высоко над головами две стройные трубы выпустили два длинных клуба черного дыма. Рассыпался, чтобы исчезнуть позади, фейерверк искр, похожий на рой красных и оранжевых светляков. Отдельные искры долетали до воды. Для Эбнера Марша зрелище дыма, пара и мерцающих искр было более прекрасным и грандиозным, чем фейерверк в Луисвилле, виденный им четвертого июля.

Наконец рулевой протянул руку и подал паровой гудок, длинный пронзительный свист которого почти оглушил всех. Тон его ласкал Маршу слух: мощный, с надрывом, он должен был быть слышен на многие мили вокруг.

Только когда огни Луисвилла и Нью-Олбани исчезли за их спинами и «Грезы Февра», окутанный паром, принялся плавно рассекать грудью гладь вод, заключенную между берегами, черную и пустынную, как столетие назад, Эбнер Марш увидел, что на капитанский мостик поднялся Джошуа Йорк.

Одет он был с иголки, в белоснежных штанах и таком же фраке, в жилете густо-голубого цвета и белой сорочке с многочисленными рюшами, воланами и кружевами. На шее повязан голубой шелковый галстук. Из кармашка жилета свешивалась серебряная цепь от часов. Один из бледных пальцев украшал большой серебряный перстень со сверкающим голубым камнем. Белый и голубой в сочетании с серебром были цветами парохода, и Йорк выглядел неотъемлемой частью его.

– О, мне нравится твой костюм, Джошуа, – не преминул заметить Марш.

Йорк улыбнулся:

– Спасибо, он как будто к месту. Ты тоже выглядишь потрясающе.

Марш купил себе новый капитанский китель с блестящими медными пуговицами и фуражку с вышитым на ней серебряной нитью названием парохода.

– Да-а-а, – протянул Марш. С комплиментами у него дела обстояли туго, гораздо проще и легче ему было выругаться. – Ты уже проснулся, когда мы отчаливали?

Большую часть дня, пока Марш, обливаясь потом и нервничая, фактически выполнял обязанности капитана, Йорк проспал у себя в капитанской каюте, размещенной на палубной надстройке. Марш постепенно привыкал к образу жизни, который вел Йорк и его компаньоны: днем они почивали и бодрствовали ночью. Как-то раз он выразил свое удивление; Джошуа только улыбнулся и снова прочел ему стихотворение о «броском одеянье дня».

– Я стоял на штормовом мостике перед трубами и видел, как мы отчаливали. Там было довольно прохладно.

– При быстром движении судна возникает сильный ветер, – пояснил Марш. – Значения не имеет, какая жаркая стоит погода или как сильно горят топки. Наверху всегда приятно и прохладно. Иногда я испытываю жалость к тем, кто едет на основной палубе, но что, черт возьми, я могу поделать, если за такой проезд они платят жалкий доллар.

– Конечно, – согласился Джошуа.

В этот момент судно слегка дрогнуло.

– Что это было? – поинтересовался Йорк.

– По всей видимости, мы наскочили на большое бревно, – ответил Марш. – Правильно я говорю? – спросил он у рулевого.

– Да, зацепили краем, – ответил речник. – Не беспокойтесь, капитан, повреждений нет.

Эбнер Марш кивнул и повернулся к Йорку:

– Что ж, может быть, пройдем вниз, в кают-компанию? Там должны собраться все пассажиры. Сегодня первая ночь на корабле, они могут волноваться. Нам нужно увидеться с ними, успокоить всех, проследить за тем, чтобы все шло своим чередом.

– С радостью, – согласился Йорк. – Но для начала, Эбнер, не зайдешь ли ты на минуту ко мне? Хочу угостить тебя вином. Мы должны отпраздновать начало плавания, не так ли?

Марш пожал плечами:

– Выпить по стаканчику? Почему бы и нет? – Он отдал честь рулевому: – Доброй ночи, мистер Дейли. Я прикажу прислать вам кофе, выпьете, когда пожелаете.

Оставив рулевую рубку, Марш и Йорк направились к капитанской каюте. У двери они немного задержались, пока Йорк отпирал замок. Он настоял на том, чтобы его собственная и все остальные каюты первого класса были оснащены хорошими замками. Маршу это показалось довольно странным, однако он закрыл на это глаза. В конце концов, Йорк не привык к жизни на борту парохода, к тому же большинство остальных его просьб оказались довольно разумными, скажем, все это серебро и зеркала в главном салоне, превратившие его в такое восхитительное место.

Каюта Йорка в три раза превосходила пассажирские каюты первого класса по длине и вдвое по ширине. По пароходным стандартам она была просто огромной. Марш пришел туда впервые с тех пор, как в ней обосновался Йорк. Он с любопытством огляделся. Пара масляных ламп, подвешенных на противоположные стены, заливала каюту теплым уютным светом. Широкие окна с витражами были затемнены; их закрывали жалюзи и занавеси из тяжелого черного бархата, который в свете ламп казался мягким и богатым. В одном углу стоял высокий комод с тазиком для воды. На стене висело оправленное в серебро зеркало. Кровать с пуховой периной была узкой, но вполне удобной. Тут же имелись два кожаных кресла и большой широкий письменный стол розового дерева со множеством ящичков, полочек и других укромных мест. Он одиноко стоял у одной из стен. Над ним висела добрая старая карта бассейна реки Миссисипи. Стол был завален фолиантами в кожаных переплетах и кипами газет – еще одна из особенностей Джошуа Йорка: он читал необычно много газет, собранных чуть ли не со всего света; у него были газеты из Англии, газеты на разных языках, в обязательном порядке он читал «Трибюн» мистера Грили и «Геральд» из Нью-Йорка, а также все газетные издания Сент-Луиса и Нового Орлеана и бесчисленное множество разнообразных еженедельников маленьких речных городков. Каждый день ему доставляли груды газет. Но его интересовали и книги; в каюте имелся высокий книжный шкаф, забитый до отказа. Книги громоздились и на ночном столике возле кровати. На стопке книг стояла полусгоревшая свеча.

Эбнер Марш не стал терять времени на рассматривание книг. Рядом с книжным шкафом расположилась деревянная стойка для запасов вина. Аккуратными рядами там лежало около двадцати-тридцати бутылок. Он напрямик направился к ним и вытащил одну наугад. Наклейки бутылка не имела. Содержащаяся в ней жидкость была темно-красного, почти черного цвета. Пробку запечатывал черный блестящий сургуч.

– У тебя есть нож? – спросил он Йорка, повернувшись к нему с бутылкой в руке.

– Не думаю, Эбнер, чтобы это виноградное вино пришлось тебе по вкусу, – заметил Йорк. На подносе он держал два серебряных бокала и хрустальный графин. – У меня имеется отличный шерри, почему бы нам его не попробовать?

Марш испытал замешательство. Шерри у Йорка всегда отличался превосходным качеством, и ему не хотелось бы упускать такую возможность, но, зная Джошуа, он заключил, что вино, находящееся в личных запасах, должно быть высшего качества. Кроме того, его разбирало любопытство. Он перебрал бутылку в другую руку. Находящаяся в ней жидкость медленно колыхнулась, напомнив по консистенции густой сладкий ликер.

– Ну, а это что? – спросил Марш, нахмурясь.

– Напиток домашнего приготовления, – ответил Йорк. – Смесь вина, бренди и ликера, по вкусу не похожий ни на одно, ни на другое, ни на третье. Редкий напиток, Эбнер. Я и мои спутники просто в восторге от него, хотя большинству людей он не нравится. Я уверен, что ты предпочтешь шерри.

– Что ж, – сказал Марш, определяя бутылку на вес, – мне подходит все, что ты пьешь, Джошуа. Должен признаться, твой шерри всегда отменного качества. – Лицо его прояснилось. –

Предположим, что мы никуда не торопимся и меня мучит страшная жажда. Почему бы нам не отведать из обеих бутылок?

Джошуа Йорк рассмеялся. Его грудной смех был музыкален и полон радости.

– Эбнер, – произнес он, – ты единственный в своем роде и непревзойденный. Ты мне нравишься. Все же мое питье тебе придется не по вкусу. Но, если ты настаиваешь, мы откупим и ее.

Они расположились в кожаных креслах, на разделяющий их низенький столик Джошуа поставил поднос. Марш протянул ему и вторую бутылку. Из недр своего девственно белого костюма Йорк извлек изящный маленький нож с рукояткой из слоновой кости и длинным серебряным лезвием. Срезав воск, он одним ловким ударом всадил острие ножа в пробку, с хлопком вытащил ее. Жидкость, напоминая красно-черный мед, медленной струей наполнила сначала один, потом второй серебряный бокал. Она была непрозрачной и, казалось, содержала какую-то взвесь черного цвета. Чувствовалось, что напиток крепкий. Марш поднял бокал и принялся. Алкоголь ударил в нос, и на глаза капитана навернулись слезы.

– Нужно произнести тост, – сказал Йорк, поднимая свой бокал.

– За деньги, которые мы заработаем, – шутливо произнес Марш.

– Нет, серьезно, – сказал Йорк.

Как показалось Маршу, в его больших серых, демонических глазах отразилась глубокая печаль. Он надеялся, что Йорк не начнет декламировать очередные стихотворные строчки.

– Эбнер, – продолжал Йорк, – я знаю, что значат «Грезы Февра» для тебя. Я хочу, чтобы ты знал: и для меня это судно тоже значит очень многое. Этот день для меня является началом грандиозной новой жизни. Ты да я, мы вместе сделали его тем, чем оно *стало*. Далее мы оба превратим корабль в легенду. Красота всегда восхищала меня, Эбнер, но впервые за всю свою долгую жизнь я создал ее сам, во всяком случае, содействовал ее созданию. Приятное чувство – создавать прекрасное, претворять его в жизнь. Особенно для меня. Я должен поблагодарить тебя за это. – Он поднял бокал: – Друг мой, давай выпьем за «Грезы Февра» и за все, что наше судно воплощает собой, – красоту, свободу, надежду. За наш корабль, за лучший мир!

– За самый быстроходный пароход на реке! – ответил Марш, и они выпили.

Капитан едва не поперхнулся. Хранимый для собственного употребления напиток Йорка обжег его глотку огнем, охватив своими горячими щупальцами все нутро. Но в нем чувствовалась какая-то клейкая приторность, какой-то почти неуловимый неприятный запах, который не могли скрыть ни крепость, ни сладость. Создавалось впечатление, будто в бутылке витает запах разложения.

Свой бокал Джошуа Йорк осушил одним длинным глотком, откинув голову назад. Отставив бокал, он посмотрел на Марша и снова рассмеялся:

– Выражение твоего лица, Эбнер... в нем есть что-то от гротеска. Не старайся быть вежливым. Я предупреждал тебя. Почему бы тебе не хлебнуть немного шерри?

– Думаю, что это не помешает, – ответил Марш. – Нет, не помешает.

После того как двумя бокалами шерри ему наконец удалось перебить вкус, оставленный напитком Йорка, и Марш перестал ощущать во рту его запах, они начали разговаривать.

– Что ты намереваешься делать после Сент-Луиса, Эбнер? – спросил Йорк.

– Заняться обслуживанием коммерческих линий Нового Орлеана. Для такого большого судна, как это, нет иного пути.

Йорк нетерпеливо встряхнул головой:

– Знаю, Эбнер. Меня интересует другое: как ты намерен исполнить свою мечту побить «Эклипс»? Как ты собираешься найти его и вызвать на состязание? Я не стану возражать, если это никак не отразится на нашем расписании и не изменит наших планов.

– Хотелось бы и мне, чтобы все было так просто, как представляется... Увы, Джошуа, по реке ходят тысячи пароходов, и всем им хочется побить рекорд «Эклипса». Но им, как и нам,

нужно придерживаться маршрута, перевозить пассажиров и грузы. Они не могут постоянно устраивать гонки. С другой стороны, капитан «Эклипса» был бы полным идиотом, если бы легко принимал вызов. В конце концов, кто мы такие? Новенький, с иголки, пароход, сошедший со стапелей Нью-Олбани, о котором никто слышать не слышал. «Эклипсу» есть что терять, но взамен, после гонок с нами, он не получит ничего. – Эбнер опустошил еще один бокал шерри и протянул его Йорку для новой порции. – Нет, сначала нам придется много работать, чтобы сделать имя, приобрести репутацию в верховье и низовье реки. Только после этого люди начнут судачить о том, какими быстроходными качествами обладает наш пароход и кто из двоих будет быстрее – «Грезы Февра» или «Эклипс». Может быть, мы повстречаемся с «Эклипсом» на реке пару раз и попробуем обойти его.

Нужно заставить людей говорить, заставить их спорить. Может быть, мы пройдем одним из маршрутов «Эклипса» и побьем его время. Знаешь, на маршрутах предпочтение всегда отдается более скоростным судам. То же можно сказать о пассажирах. Они предпочитают путешествовать на известных кораблях, конечно, если у них водятся деньги. Как ты сам понимаешь, должно случиться следующее: люди начнут говорить, что в низовьях реки наше судно самое быстроходное, тогда и коммерческие предложения посыплются на нас как из рога изобилия. Если «Эклипс» начнет нести материальный ущерб, вот тут-то его и заденет за живое. Тогда нам только останется выиграть гонку и еще раз доказать, что мы самые быстрые.

– Понятно, – сказал Йорк. – Итак, поездка в Сент-Луис должна стать началом нашей доброй славы, верно?

– Сейчас я не собираюсь побивать никакие рекорды. Пароход новый, и мы должны обкатать его. А пока у нас на борту даже нет постоянных рулевых, никто еще по-настоящему не знаком с поведением судна. Кроме того, нужно дать Уайти время отладить паровые машины и ходовую часть, научить обращаться с ними своих помощников. – Марш поставил на стол пустой бокал. – Правда, не хочу сказать, что у нас нет иного способа показать себя, – добавил он с улыбкой. – Извлечь выгоду из того или другого на маршрутах. Поживем – увидим.

– Хорошо, – кивнул Джошуа Йорк. – Еще шерри?

– Нет, – ответил Марш. – Думаю, нам пора спуститься в салон. Я куплю тебе выпивку в нашем баре. Могу заверить тебя, что она окажется куда лучше, чем твой напиток.

Йорк улыбнулся.

Эта ночь для Эбнера Марша была особой – волшебная ночь, воплощение мечты. Он мог поклясться, что она длилась по меньшей мере сорок или пятьдесят часов. Они с Йорком не сомкнули глаз до рассвета: много пили, вдоль и поперек исходили корабль... На другой день Марш проснулся с такой головой, что не мог вспомнить и половины того, что происходило накануне ночью. Но некоторые эпизоды прочно врезались в память.

Он помнил, как вошел в большой салон, который оказался роскошнее, чем прекрасные залы лучших отелей мира. Сиял, переливаясь, свет, источаемый хрустальными канделябрами. Зеркала вдоль длинных стен узкого зала зрительно увеличивали его, делая в два раза шире. Народ толпился в основном у бара. Разговоры велись о политике и тому подобных вещах. Марш подошел к пассажирам и некоторое время слушал жалобы относительно аболиционистов и споры о перспективе Стивена Эй Дугласа стать президентом.

Йорк тем временем поздоровался с Брауном и Смитом, игравшими в карты; их партнерами по игре были плантаторы и один игрок с дурной репутацией. Кто-то наигрывал на рояле, двери кают первого класса все время открывались и закрывались. Помещение было наполнено светом и смехом.

Позже они спустились на основную палубу, в совершенно иной мир; уставленная грузом, она кишела простым людом. Грузчики и матросы, свернувшись калачиком, спали на канатных бухтах и мешках с сахаром. Семьи сидели, сгрудившись вокруг маленьких очагов, сооруженных для приготовления пищи. Из-за трапа, покачиваясь, вышел пьяный. Машинное отделение

озаряли багряные отблески света из раскаленных топок. В самом центре всего этого ада в промокшей от пота рубашке, с копотью на бороде, находился Уайти. Чтобы помощники услышали его в реве топок, шипении пара и шлепанье колес по воде, Уайти приходилось кричать. Движущиеся взад-вперед исполинские поршни вызывали благоговейный ужас. Некоторое время, пока жара и запах машинного масла не стали непереносимыми, Марш с Йорком наблюдали за этим царством силы и мощи.

Потом они вышли на штормовой мостик: обдуваемые прохладным ветром, прохаживались и болтали, передавая друг другу бутылку вина. Звезды в небе сияли, как крупные бриллианты. На носу и корме судна развевался флаг «Грез Февра». Со всех сторон их обступала черная река, она была чернее самого черного раба из всех, когда-либо виденных Маршем.

В пути они находились всю ночь. В рулевой рубке Дейли отстоял самую длинную в своей жизни вахту. Судно двигалось с приличной скоростью. На темной Огайо их окружали ночь и одиночество. Ничто не прерывало их плавного бега – ни топляк, ни коряги, ни песчаные отмели. Только дважды для верности приходилось посылать вперед ял для измерения глубины, но оба раза грузило показывало, что путь свободен, и «Грезы Февра» продолжал свой путь.

Иногда на берегу просматривались отдельные дома. Большей частью они были темными, закрытыми на ночь, лишь однажды в высоком окне дома мелькнул зажженный свет. Интересно, размышлял Марш, кто коротает там бессонную ночь и что думает, видя проходящий мимо корабль. С освещенными палубами, звучащей музыкой и смехом, с затейливой вязью голубых с серебром букв, которыми было обозначено его имя, он скользил по реке со шлейфом дыма и россыпью искр, производя наверняка неизгладимое впечатление. Маршу даже отчаянно хотелось оказаться на берегу, посмотреть на это незабываемое зрелище.

Приподнятое настроение и восторженность достигли апогея около полуночи, когда впереди заметили шлепающий по воде второй пароход. Увидев его, Марш толкнул локтем Йорка и поспешно проводил его в рулевую рубку. Народу там собралось много. За штурвалом, потягивая кофе, по-прежнему стоял Дейли. Два других рулевых и еще трое пассажиров сидели за его спиной на диване. Среди пришедших рулевых не было ни одного из нанятых Маршем; профессия позволяла им путешествовать бесплатно, таков закон реки. Обычно они поднимались в рулевую рубку, чтобы переброситься словом-другим с человеком за штурвалом и последить за рекой. Марш не обратил на них ни малейшего внимания.

– Мистер Дейли, – обратился он к рулевому, – впереди пароход.

– Я его вижу, капитан Марш, – ответил Дейли с лаконичной усмешкой.

– Интересно, что это за судно? Ты не знаешь?

Каким бы оно ни было, с первого взгляда было ясно, что относилось судно к разряду заднеколесных лоханок с квадратным, плоским, как коробка галет, капитанским мостиком.

– Уверен, что не знаю, – ответил речник.

Эбнер Марш повернулся к Джошуа Йорку:

– Джошуа, ты настоящий капитан, и мне бы не хотелось брать на себя слишком много, но, честное слово, меня разбирает любопытство, что это за судно впереди нас. Почему бы тебе не приказать Дейли обогнать его, чтобы я мог немного расслабиться.

Йорк улыбнулся.

– Непременно, – сказал он. – Мистер Дейли, вы слышали капитана Марша. Как вы думаете, «Грезы Февра» в состоянии обогнать впереди идущий корабль?

– Он в состоянии обогнать кого угодно, – ответил рулевой.

По слуховой трубе он передал, чтобы поддали пару, и дал гудок. Над рекой раздался леденящий душу звук, словно предупреждающий незнакомца, что «Грезы Февра» идет за ним.

Сирены оказалось достаточно, чтобы все пассажиры из салона высыпали на палубу. Со своих спальных мест с мешков муки повскакивали и некоторые из палубных пассажиров. Двое-трое пассажиров даже попытались проникнуть на капитанский мостик, но всех их Марш

отправил назад, включая и тех троих, которые ранее уже расположились на диване. Как и следовало ожидать, все сначала бросились на нос, а потом к левому борту, когда стало ясно, что второе судно останется по левую сторону.

– Проклятые пассажиры, – буркнул Марш Йорку. – Вечно толпятся по одному борту. Когда-нибудь, бросившись вот так к одному борту, перевернут какую-нибудь старую лоханку, голову даю на отсечение.

Несмотря на ворчание, Марш был доволен. Уайти подбросил в топку еще угля, паровые машины взревели, и большие колеса завертелись быстрее. Практически за доли минуты все кончилось. «Грезы Февра» с легкостью прошел мили, отделявшие его от другого судна. В момент обгона с нижней палубы долетело нестройное «ура», ставшее для слуха Марша небесной музыкой.

Когда они пронеслись мимо маленького заднеколесного парохода, Йорк прочел его имя, выведенное на рулевой рубке.

– Похоже, это «Мэри Кей», – сказал он.

– Боже, разрази меня гром! – воскликнул Марш.

– Это что, известное судно? – спросил Йорк.

– Черт возьми, нет, – сказал Марш. – Никогда не слышал о таком. Как тебе это нравится?

Он зычно расхохотался и похлопал Йорка по спине. Не прошло и минуты, как на капитанском мостике не осталось ни одного человека, кто бы не смеялся.

До того как ночь подошла к концу, «Грезы Февра» обогнал еще с полдюжины пароходов, включая и большеколесный пароход почти такого же размера, как и он сам, но наибольший восторг и веселье вызвал тот первый обгон, когда за своей кормой он оставил «Мэри Кей».

– Ты хотел знать, как мы начнем, – сказал Марш Йорку, когда они выходили из рулевой рубки. – Что ж, Джошуа, все уже началось.

– Да, – согласился Йорк, оборачиваясь назад, где вдали мерцала огнями «Мэри Кей». – Действительно началось.

Глава пятая

На борту парохода «Грезы Февра»

Река Огайо, июль 1857 года

Эбнер Марш был слишком хорошим речником, чтобы отлеживаться день в постели, даже если болит голова. Тем более что этот день имел для капитана особенное значение. После нескольких часов чуткой дремы он наконец проснулся и сел на кровати. Было около одиннадцати. Ополоснув лицо тепловатой водой из кувшина на прикроватном столике, Марш оделся. Предстояла масса дел, а Йорк до сумерек не встанет.

Надев на голову фуражку и бросив хмурый взгляд на свое отражение в зеркале, Марш немного пригладил бороду, взял трость и с палубной надстройки спустился на бойлерную палубу. Первым делом он наведалься в умывальные, а потом заглянул на камбуз.

– Я пропустил завтрак, Тоби, – сообщил он коку, который уже занимался обедом. – Прикажи одному из твоих ребят поджарить для меня с полдюжины яиц и увесистый ломоть ветчины. Пусть принесут все это на палубную надстройку, хорошо? Да не забудь про кофе. Желательно побольше.

В большом салоне Марш на минуту задержался, чтобы прополоскать горло парой стаканов чего-нибудь прохладительного. После этого ему стало чуть-чуть легче. Перекинувшись из вежливости несколькими словами с пассажирами и официантами, капитан поднялся к себе на палубную надстройку, чтобы позавтракать.

Подкрепившись, Эбнер Марш снова почувствовал себя самим собой. После еды он отправился на капитанский мостик. Вахтенный сменился, и теперь за штурвалом стоял второй рулевой. Компанию ему составлял один из его братьев, пользующийся бесплатным проездом.

– Доброе утро, мистер Китч, – поприветствовал Марш рулевого. – Как ведет себя пароход?

– Жаловаться не на что, – ответил матрос, бросив на Марша мимолетный взгляд. – Ваше судно – довольно резвое, капитан. Как только доберетесь до Нового Орлеана, нужно будет нанять хороших рулевых. Кораблю требуется опытная рука.

Марш кивнул. В этом не было ничего неожиданного; он хорошо знал, что скоростные суда зачастую сложны в управлении. Эта проблема не волновала капитана. Брать первого встречного в качестве рулевого он не собирался.

– С какой скоростью мы движемся? – спросил Марш.

– С обычной, – ответил вахтенный и пожал плечами: – Можно было бы двигаться шибче, но мистер Дейли сказал, что спешки нет. Так что ползем как черепаха.

– Когда доберемся до Падука, нужно будет пристать к берегу. Там сходит пара пассажиров и надо выгрузить кое-какой груз.

Проболтав с лоцманом еще несколько минут, Марш снова спустился на бойлерную палубу.

Столы в кают-компании уже были накрыты для обеда. Благодаря витражным стеклам в оконцах потолка помещение заливал играющий яркими красками солнечный свет. Вдоль всего салона тянулся длинный ряд столов. Официанты раскладывали серебро и фарфор; в лучах света хрусталь бокалов играл всеми цветами радуги. С камбуза тянуло запахом самой изысканной пищи. Марш помедлил, отыскал взглядом меню и пробежал его глазами, после чего понял, что все еще голоден. Поскольку Йорка пока нигде не было видно, он не усматривал ничего предосудительного в том, чтобы пообедать вместе с пассажирами и другими офицерами команды. Напротив, это выглядело бы вполне уместно.

Обед, по мнению Марша, выдался на славу. Эбнер быстро расправился с большой порцией жареного барашка в соусе, приправленного петрушкой, маленьким голубем с гарниром из ирландского картофеля, зеленой кукурузы и свеклы, и закусил все это двумя ломтями знаменитого пирога Тоби с орехом-пеканом. К тому времени, когда обед завершился, капитан пришел в прекрасное расположение духа и даже разрешил священнику прочитать короткую лекцию об обращении индейцев в христианство, хотя обычно на своих судах не допускал религиозной пропаганды. В конце концов, решил Марш, нужно как-то развлекать пассажиров, потому что даже самый прелестный пейзаж может наскучить.

Вскоре после полудня судно причалило к пристани в Падуке, расположившейся на кентуккском берегу реки, в том месте, где в Огайо впадает Теннесси. В дороге это была их третья остановка. Ночью, пока Марш спал, они на короткое время пришвартовались в Россборо, где сошли трое пассажиров. Там же пополнили запас дров и взяли на борт небольшое количество груза, который требовалось доставить в Эвансвилл. В Падуке им предстояло освободиться от двенадцати тонн железных чушек, а также выгрузить часть муки, сахара и книг. Кроме того, своей отправки поджидали пятьдесят тонн строительного материала.

Падука была большим городом, специализирующимся на лесозаготовках, куда по реке Теннесси постоянно сплавлялся лес. Плоты загромождали реку, мешали судоходству. Подобно большинству речников, Марш не слишком жаловал плотогонов. Плоты в ночное время порой не имели огней, и поэтому некоторые невезучие пароходы насакивали на них, тогда те имели наглость грязно ругаться, орать и бросаться чем попало.

К счастью, когда они пришвартовались в Падуке, плотов поблизости не оказалось. Марш взглянул на груз, поджидавший на речном берегу. Он состоял из нескольких высоких пирамид упаковочных клетей и кип табачного листа. Капитан заключил, что на основную палубу можно будет взять дополнительный груз. Было бы жаль оставлять все это добро какому-нибудь другому судну.

«Грезы Февра» стал у причала, и подсобные рабочие начали устанавливать переходные мостки. Среди них проворно двигался Волосатый Майк, время от времени покрикивая:

– Давай, пошевеливайся, вы не пассажиры первого класса, вышедшие на прогулку. – Или: – Только посмей уронить, сынок, и этот железный прут проверит прочность твоей головы, – и тому подобные вещи.

С грохотом опустились сходни, и пассажиры, ожидавшие высадки в Падуке, сошли на берег.

Марш мысленно принял решение и направился в контору судна. Джонатан Джефферс корпел над бумагами, сопровождающими груз.

– Эта работа у вас срочная, мистер Джефферс? – спросил он.

– Нет, не обязательно, капитан Марш, – ответил тот. Джефферс снял очки и протер их носовым платком. – Это для Каира.

– Хорошо, – обрадовался Марш. – Пойдемте со мной. Хочу сойти с вами на берег и узнать, кому принадлежит груз, выставленный на солнце, и куда его требуется доставить. Полагаю, он предназначен для Сент-Луиса, во всяком случае, часть его. Может, нас ждет удача, и мы сумеем заработать немного денежек.

– Отлично. – Джефферс встал, поправил свой аккуратный черный сюртук, проверил, заперт ли большой железный сейф, и взял в руку неизменную трость с вложенной в нее шпагой. Когда они выходили, Джефферс добавил: – В Падуке я знаю одну прекрасную винную лавку.

Предпринятый Маршем вояж оказался не напрасным. Владельца табака они нашли с легкостью и пригласили его с собой в винную лавку. Там Маршу ничего не стоило убедить владельца товара доверить свой груз «Грезам Февра». К тому же Джефферс назвал вполне сходную цену. Это дело отняло у них три часа, но благодаря заключенной сделке Марш по дороге на судно испытывал невиданное удовлетворение. Когда они вернулись на берег реки, Волоса-

тый Майк, развалился на причале, курил большую черную сигару и беседовал с помощником капитана соседнего парохода.

– Этот груз теперь наш, – сообщил ему Марш, указывая тростью на табак. – Прикажи своим ребятам быстро погрузить его, чтобы мы могли в скором времени отчалить.

Марш стоял, облокотившись на перила бойлерной палубы, и с удовлетворением наблюдал за работой портовых грузчиков, как те проворно и ловко перетаскивали кипы табака на борт его судна. Пока Уайти раскочегаривал машину, Маршу на глаза случайно попалось еще кое-что: на дороге, неподалеку от места швартовки, стояла вереница гостиничных омнибусов, запряженных лошадьми. Марш, пощипывая себя за ус, какое-то время с любопытством рассматривал ее, а затем прошел на капитанский мостик.

Рулевой жевал кусок пирога и запивал его кофе.

– Мистер Китч, – обратился к нему Марш, – не трогайтесь с места, пока я не отдам приказ.

– Что-нибудь случилось, капитан? Погрузка почти завершена, и давление пара достигло желаемого уровня.

– Посмотрите лучше туда, – указал тростью Марш. – Те омнибусы доставили на пристань пассажиров или ждут, что они с минуты на минуту придут. Ясное дело, что ждут они не наших пассажиров и какую-нибудь заднеколесную лоханку так не встречают. Есть у меня одно подозрение.

Несколько минут спустя его подозрение подтвердилось. Выпуская клубы пара и дыма с блесками искр, на реке Огайо появилось быстроходное судно – длинный, классического вида большеколесный пароход. Марш узнал его почти тотчас, не успев даже прочесть названия. Это был «Южанин» из грузо-пассажирской компании Цинциннати и Луисвилла.

– Так я и знал! – воскликнул Марш. – «Южанин», должно быть, вышел из Луисвилла на полдня позже нас. Но скорость его оказалась выше.

Марш подошел к боковому окну и отодвинул изысканные занавески, спасавшие помещение от палящих лучей дневного солнца. Пароход пристал к берегу и пришвартовался. Пассажиры начали сходить на берег.

– Много времени у него это не займет, – сказал он рулевому. – Только высадят пассажиров, никаких погрузочно-разгрузочных работ. Пусть от пристани отойдет первым, вы меня поняли? Пусть он немного спустится по реке, тогда за ним проследуем и мы.

Рулевой отправил в рот последний кусок пирога и вытер уголки губ салфеткой.

– Вы хотите, чтобы я пропустил «Южанина» вперед, а потом попытался обогнать его? Капитан, нам придется дышать его дымом всю дорогу до Каира. Потом его и след простынет.

Лицо Эбнера Марша стало чернее грозовой тучи, казалось, еще минута, и он взорвется.

– Что это вы такое говорите, мистер Китч? Я не желаю слышать ничего подобного. Если вы как рулевой никуда не годитесь, так скажите об этом прямо, и я вытащу из постели мистера Дейли и поставлю его у штурвала.

– Но это же «Южанин», – стоял на своем Китч.

– А это «Грезы Февра»! – закричал потерявший самообладание Марш.

Он резко развернулся и, как ураган, вылетел из рубки. Настроение его упало. Чертовы лоцманы вечно думают, будто на реке они боги. Конечно, в этом есть доля истины, поскольку судно ходит по рекам, но все равно у них нет права жаловаться на малую скорость и сомневаться в быстроходности его корабля.

Ярость Марша слегка улеглась, когда он увидел, что на «Южанине» началась посадка пассажиров. Он рассчитывал на это с самого первого момента, когда только увидел «Южанина» на реке в Луисвилле, однако не смел надеяться, что это все же случится. Если «Грезам Февра» удастся обогнать «Южанина», то репутация ему обеспечена.

Пароход, с которым он вздумал состязаться, а также его собрат «Северянин» являлись гордостью компании. Это были особенные суда, построенные в 1853 году в расчете на высо-

кую скорость. Меньшие по размеру, чем «Грезы Февра», они, как было известно Маршу, занимались исключительно пассажирскими перевозками и не принимали на борт грузов. Марш не понимал, каким образом они извлекали выгоду, но волновало его другое: важно, что они отличались высокой скоростью хода. В 1854-м «Северянин» установил рекорд для маршрута Луисвилл – Сент-Луис. На другой год «Южанин» побил его; он и сегодня показывал лучшее время, равное одному дню и девятнадцати часам. Высоко над капитанским мостиком на судне были установлены золоченые олени рога, символ самого быстроходного парохода реки Огайо.

Чем больше Эбнер Марш думал о состязании, тем более он возбуждался. Тут его посетила мысль, что Джошуа Йорк, невзирая на сладкий сон, никогда бы не простил ему, что пропустил такое замечательное событие. Охваченный возбуждением, Марш с твердым намерением разбудить компаньона бросился к капитанской каюте и набалдашником трости резко постучал в дверь.

Ответа не последовало. Марш повторил стук. На этот раз он прозвучал более громко и настойчиво.

– Эй, ты там, просыпайся! Вставай, Джошуа, нам предстоит участие в гонках!

Из каюты Йорка не доносилось ни звука. Марш попытался открыть дверь, но та оказалась запертой. Он принялся барабанить по стенам, по закрытому ставнями окну, сопровождая стук криком... Увы, его действия не произвели никакого эффекта.

– Черт тебя подери, Йорк! Сейчас же проснись, иначе ты все пропустишь!

Тут в голову капитану пришла идея, и он пошел к рулевой рубке.

– Мистер Китч, сэр! – завопил он. Эбнер Марш, когда использовал всю мощь своих легких, умел кричать, как никто другой. Китч высунул из-за двери голову и сверху вниз посмотрел на него. – Подайте гудок и не отпускайте его, пока я вам не махну, хорошо?

Он вернулся к каюте Йорка и снова начал молотить в дверь. Вдруг прозвучал резкий звук сирены. Один раз. Два. Три. Он отзывался длинными сердитыми завываниями. Марш замахнулся тростью.

Дверь каюты Йорка отворилась.

Стоило Маршу увидеть глаза Йорка, и рот его непроизвольно открылся. Снова прозвучал гудок парохода, Марш поспешно махнул рукой. Сирена смолкла.

– Заходи, – холодным тоном прошептал Джошуа Йорк.

Марш вошел, и Йорк за его спиной немедленно захлопнул дверь. Марш слышал, как тот закрыл засов, хотя самого Йорка не видел, он вообще ничего не видел. Как только дверь закрылась, его окружила непроглядная тьма. Сквозь дверь и закрытые ставнями окна не пробивался ни единый лучик света. Маршу на мгновение показалось, что он ослеп. Но внутреннее зрение сохранилось, перед глазами все еще стоял тот образ, который уловил его взгляд, прежде чем погрузиться в чернильную тьму. Марш все еще видел представшего на пороге Джошуа Йорка, голого, в чем мать родила, с мертвенно-бледной кожей, ртом, искаженным в зверином оскале, глазами, похожими на дымящиеся серые расселины, ведущие в ад.

– Джошуа, – сказал Марш, – не мог бы ты зажечь лампу? Или поднять занавески? Сделай же что-нибудь. Я ничего не вижу.

– Зато я прекрасно все вижу, – отозвался из темноты за его спиной голос Йорка. Марш не слышал, как тот переместился. Он повернулся и тотчас врезался во что-то.

– Стой спокойно, – скомандовал Йорк. Голос прозвучал столь властно и гневно, что Маршу ничего не оставалось делать, как повиноваться. – Сейчас я посвечу тебе, пока ты не разнес мою каюту.

По другую сторону комнаты вспыхнула спичка, и Йорк поднес ее к стоящей на прикроватном столике свече, после чего сел на край смятой постели. Каким-то образом он уже успел натянуть на себя брюки, однако выражение лица его по-прежнему оставалось суровым и ужасным.

– Итак, – сказал он, – почему ты здесь? Предупреждаю, лучше бы у тебя нашлась для этого веская причина!

Внутри у Марша все закипело. Никто еще не говорил с ним в подобном тоне, никто.

– Рядом с нами стоит «Южанин», Джошуа. Самое скороходное судно на этой чертовой реке, увенчанное рогами и прочей дребеденью. Я вознамерился сняться с якоря вслед за ним. И подумал, что тебе хотелось бы видеть все это. Если ты считаешь, что это недостаточно веская причина для того, чтобы вытащить тебя из постели, значит, ты не речник и никогда им не станешь! И еще: в моем присутствии следи за своими манерами, ты меня понял?

Что-то вспыхнуло в глазах Йорка, и тот начал подниматься, но тут же сдержал себя и отвернулся.

– Эбнер, – сказал он, потом замолчал и нахмурился. – Прошу прощения, я не хотел обидеть тебя неуважением или напугать. Твое намерение было добрым.

Марш со страхом заметил, как рука его непроизвольно сжалась, после чего Йорк с усилием разжал ее. Затем резко, в три стремительных шага, пересек сумрачное пространство каюты и оказался возле письменного стола, на котором стояла початая бутылка с напитком, предназначенным для собственного потребления, которую Марш вынудил его накануне распечатать. Он налил себе полный бокал и, запрокинув голову, одним махом осушил.

– А-а-а, – мягко протянул Йорк, снова повернувшись к Маршу. – Эбнер, я дал тебе судно твоей мечты, но не в качестве подарка. Мы заключили сделку. Ты должен подчиняться тем приказам, которые я отдаю, уважать мое эксцентричное поведение и не задавать мне никаких вопросов. Ты согласен продолжать выполнять свою часть уговора?

– Я человек слова! – твердо сказал Марш.

– Хорошо, – отозвался Йорк. – А теперь послушай меня. Тобой двигало доброе побуждение, но ты неправильно поступил, разбудив меня подобным образом. Больше никогда этого не делай. Никогда. Ни с какой целью.

– Если взорвется котел и на судне возникнет пожар, я должен бросить тебя зажариваться заживо, так?

В сумраке глаза Йорка сверкнули.

– Нет, – заметил он. – Но для тебя было бы безопаснее оставить все как есть. От внезапного пробуждения я становлюсь неуправляемым. Я выхожу из себя. Известны случаи, когда, разбуженный во внеурочный час, я делаю вещи, о которых позже очень сожалею. По этой причине я так грубо обошелся с тобой. За что прошу прощения, но такое может повториться снова. Или еще хуже. Ты понимаешь, Эбнер? Никогда не входи сюда, когда дверь на запоре.

Марш нахмурился, сказать ему было нечего, никакие слова не приходили в голову. В конце концов, он заключил сделку; если Йорку так уж нравится выходить из себя потому, что потревожили его сон, это его дело.

– Я все понял, – ответил он. – Твои извинения приняты, прими и ты мои, если это имеет значение. А теперь не желаешь ли подняться со мной на мостик и посмотреть, как мы обгоним «Южанина»? Тем более что ты все равно проснулся?

– Нет, – с сумрачным лицом ответил Йорк. – Нельзя сказать, что меня это совсем не интересует, Эбнер. Напротив, даже очень. Просто я нуждаюсь в полноценном отдыхе, для меня это жизненно важно. Кроме того, я не переношу дневного света. И солнце палит нещадно. Ты когда-нибудь получал тяжелые ожоги? Если да, то ты поймешь меня. Ты же видел, какая светлая у меня кожа. Солнце и я несовместимы. Таково медицинское заключение, Эбнер. Далее обсуждать подробности я не намерен.

– Хорошо, – сказал Марш. Палуба под ногами начала слегка вибрировать. Прозвучал пронзительный пароходный гудок. – Мы даем задний ход, Джошуа, – добавил он. – Мне нужно идти. Прости, что побеспокоил тебя, мне действительно очень жаль.

Йорк кивнул и, отвернувшись, снова взялся за бутылку со своим омерзительным питьем.

– Знаю, – сказал он, на этот раз потягивая напиток. – Иди. Увидимся вечером за ужином. Марш двинулся к двери, но голос Йорка остановил его:

– Эбнер.

– Да? – отозвался Марш.

Джошуа Йорк одарил его слабой бледной улыбкой:

– Обгони его, Эбнер.

Марш усмехнулся и покинул каюту.

Когда он достиг капитанского мостика, «Грезы Февра» уже вышел на открытое пространство. К тому времени «Южанин» удалился на приличное расстояние. В рулевой рубке собралось с полдюжины свободных от вахты матросов. Они переговаривались, жевали табак и заключали пари на предмет того, сумеют ли обогнать другой пароход. Даже мистер Дейли предпочел прервать свой дневной отдых и прийти сюда. Пассажиры чувствовали: что-то затевается. Нижние палубы были переполнены. Одни расселись у перил, наиболее удачливые протиснулись на полубак, откуда было видно лучше.

Китч размашисто крутанул черный с серебром штурвал, и «Грезы Февра» направился в сторону главного фарватера, следуя курсом своего соперника. Рулевой крикнул в переговорную трубу, чтобы добавили пара. Уйти подбросил в топку угля, и люди на берегу увидели, как судно, отходя от пристани, окуталось плотной завесой черного дыма. Эбнер Марш стоял за спиной рулевого, опираясь на трость, и шурился. Впереди послеполуденное солнце, отражаясь от чистой синевы речной воды, бросало ослепляющие блики, от которых рябило в глазах. Темным оставался только след бурлящей воды, тянущийся за колесами «Южанина», где солнечные отражения были разбиты на тысячи мерцающих осколков.

Сначала все представлялось достаточно простым. «Грезы Февра», окруженный облаком пара и дыма, устремился вперед. На его носу и корме бешено колотились звездно-полосатые флаги. Колеса шлепали по воде в нарастающем темпе. Внизу ровно гудели паровые котлы. Расстояние между судами начало зримо сокращаться. Но «Южанин» не какая-нибудь третьесортная лоханка вроде «Мэри Кей». Оставить его за кормой в два гребка, как заднеколесный пароходик, было невозможно. Вскоре капитан и рулевой «Южанина» поняли, в чем дело, и резко увеличили скорость. Противник послал в их сторону густое облако дыма, оставляемый на воде след стал еще более бурным. Китч, чтобы избежать его, был вынужден слегка изменить курс и потерял скорость. Расстояние между кораблями снова увеличилось и потом стало держаться на одном уровне.

– Не отставай, – бросил Марш рулевому после того, как стало ясно, что оба парохода не намерены сдавать своих позиций.

Он покинул капитанский мостик и отправился на поиски Волосатого Майка Данна, которого наконец обнаружил на полубаке основной палубы. Тот сидел с большой сигарой в зубах, задрал ноги на упаковочную клеть.

– Собери мне всех подсобников и матросов, – приказал Марш боцману. – Я хочу, чтобы они уравновесили судно.

Волосатый Майк кивнул и поднялся. Погасив сигару, он могучим голосом начал сзывать команду.

В скором времени большая часть команды разместилась на корме и по левому борту. Сделано это было с той целью, чтобы сбалансировать вес пассажиров, большая масса которых для наблюдения за гонкой столпилась на носу и по правому борту.

– Чертовы пассажиры, – ругался Марш.

Улучшив баланс, «Грезы Февра» начал снова сокращать расстояние, отделявшее его от соперника. Марш вернулся на капитанский мостик.

Оба судна неслись теперь на всех парах. Силы их были примерно равны. Эбнер Марш пришел к выводу, что «Грезы Февра» мощнее, однако этого оказалось мало. Он был сильно перегружен, сидел низко в воде, к тому же следовал в кильватере «Южанина», поэтому волны захлестывали его и снижали скорость, в то время как движению «Южанина» ничто не препятствовало. Тот, не обремененный грузом, стремительно скользил по спокойной воде.

Теперь все зависело от мастерства рулевых. Китч за штурвалом был воплощением внимания и сосредоточенности. Он с легкостью управлял судном и пользовался малейшей возможностью, чтобы при каждом удобном случае выигрывать минуту-другую. Собравшиеся за его спиной празднующие матросы, среди которых был и Дейли, все время тараторили, давая советы.

Гонка «Грез Февра» за «Южанином» продолжалась уже час. Несколько раз он терял своего соперника из виду, когда тот скрывался за поворотами, но каждый раз они выигрывали время, так как Китч при повороте проводил судно как можно ближе к берегу. Однажды они приблизились настолько, что Марш мог разглядеть лица пассажиров, собравшихся на корме другого судна, однако тогда «Южанин» добавлял пару и снова увеличивал расстояние между ними.

– Бьюсь об заклад, они сменили рулевых, – сказал Китч, сплевывая в ближайшую плевательницу табачную жвачку. – Видите, как пришпорили?

– Все я вижу, – проворчал Марш. – А теперь мне хотелось бы увидеть, как пришпорим мы.

И тут им представился шанс. Впереди ждал поворот реки, густо поросший лесом. Вдруг «Южанин» начал подавать гудки и замедлил ход, потом вздрогнул, и его лопасти стали крутиться в обратную сторону.

– Осторожно, – предупредил Дейли Китча.

Китч снова сплюнул и осторожно повернул штурвал. «Грезы Февра», чтобы обогнуть противника и оставить его по правому борту, пересек турбулентный след, оставленный «Южанином». Но не прошли они и половины поворота, когда увидели причину внезапной остановки парохода: на песчаной банке сидело еще одно большое судно. Его основная палуба была уставлена кипами табака. Помощник капитана и вся команда с помощью брусьев и лебедек пытались снять пароход с мели. «Южанин» едва не врезался в них.

На несколько минут река превратилась в хаос. Люди на песчаной банке махали руками и громко кричали, «Южанин» изо всех сил пытался дать задний ход, а «Грезы Февра» устремился на чистый участок воды. В этот момент «Южанин» снова дал задний ход, нос его повернулся. Было похоже, что он тронется наперерез «Грезам Февра».

– Чтоб тебе ни дна ни крыши, идиот, – выругался Китч и чуточку сильнее заложил штурвал, при этом он попросил Уайти снизить обороты по левому борту. Однако не предпринял попытки ни притормозить, ни дать кораблю обратный ход.

Два крупных судна сближались, расстояние между ними сокращалось. Марш слышал, как внизу в испуге закричали пассажиры. Он пережил момент, когда и ему показалось, что столкновение неминуемо.

Но тогда скорость сбросил «Южанин», и его рулевой выправил нос судна, а «Грезы Февра» прошел в считанных футах от соперника. Кто-то внизу крикнул «ура».

– Пусть продолжает движение, – пробормотал Марш так тихо, что его никто не расслышал.

«Южанин» не думал сдаваться. Колеса его крутились в бешеном темпе, и он сидел у них на хвосте. Соперник отставал, но ненамного, всего на корпус судна. Все пассажиры на «Грезе Февра» – будь они неладны – бросились на корму, а команде пришлось мчаться на нос, так что палуба завибрировала от топота бегущих ног.

«Южанин» снова шел на обгон. Обойти их он намеревался по левому борту. Суда шли почти параллельно, только соперник слегка отставал. Теперь его нос сровнялся с кормой «Грез

Февра». Постепенно он отвоевывал у «Грез» с таким трудом добытые дюймы. Они подошли бортами так близко друг к другу, что пассажиры при желании могли бы перескочить с одной палубы на другую, хотя «Грезы Февра» был немного выше.

– Черт, – вырвалось у Марша, когда противник почти вырвался вперед. – Пожалуй, достаточно. Китч, крикни вниз, чтобы Уайти пустил в ход мой свиной жир.

Рулевой, бросив на него мимолетный взгляд, расплылся в широкой улыбке.

– Свиной жир, капитан? О, я подозревал, что вы хитрец! – По переговорной трубе он прокричал в машинное отделение распоряжение капитана.

Оба парохода неслись теперь нос к носу. У Марша от напряжения, с которым он охватил свою трость, онемела рука. Тем временем внизу подсобные рабочие пытались согнать с бочек с жиром устроившихся на них иностранцев. Жир следовало доставить в машинное отделение. Марш сгорал от нетерпения. Он был разгорячен, как тот жир, которому предстояло расплавиться. Хороший свиной жир дорог, но на пароходе он бывает полезен. Вот и сейчас он должен сослужить им добрую службу. Его мог бы пустить в дело кок. При плавлении жир чертовски горячий, именно по этой причине он и понадобился им в эту минуту. Хорошая порция горячего пара под высоким давлением, которую они не могли получить, сжигая в топке дрова и уголь.

Когда в топках закипел свиной жир, сомневающихся в рулевой рубке больше не оставалось. Из выпускных клапанов с громким шипением вырвались тонкие струи белого пара, в небо из высоких труб устремились клубы дыма, «Грезы Февра», изрыгая искры, слегка вздрогнул, и его гребные лопасти заработали с утроенной силой, отбивая ритм, как колеса паровоза. От ударов поршня палуба вибрировала. Пароход с легкостью вырвался вперед и вскоре опередил «Южанина» на корпус. Как только судно оторвалось от соперника на безопасное расстояние, Китч подал его вправо, перерезав путь второму пароходу. Тому ничего не оставалось, как следовать у противника в кильватере.

На капитанском мостике началось невообразимое. Все безбилетные матросы и лоцманы, без цента в кармане, пришли в возбуждение. Они хлопали друг друга по плечам, передавали из рук в руки курево и на все лады расхваливали пароход под названием «Грезы Февра». Что до Эбнера Марша, то он улыбался, как последний идиот.

В Каир, где чистые воды Огайо сливаются с грязной Миссисипи, они пришли на целых десять минут раньше «Южанина». К этому времени Эбнер Марш почти начисто забыл о незначительном эпизоде, связанном с Джошуа Йорком.

Глава шестая

Плантация Джулиана

Июль 1857 года

Мрачный Билли находился перед домом, где метал нож в большое сухое дерево, возвышающееся перед посыпанной гравием дорожкой, когда к нему приблизились всадники. Стояло раннее утро, но было уже жарко, как в пекле. Мрачный Билли исходил потом и подумывал о том, чтобы бросить метать нож и спуститься к реке поплавать. Тут он заметил, как из-за поворота старой дороги, в том месте, где она выходит из леса, выехали всадники. Мрачный Билли подошел к сухому дереву и, вытащив нож, сунул его в ножны, которые носил на поясе. От желания поплавать не осталось и следа.

Всадники приближались медленным шагом, но достаточно уверенно, как если бы не вторглись в чужие частные владения среди бела дня, а жили здесь. Мрачный Билли сразу заключил, что они не из местных, поскольку все соседи в округе знали, что Джулиан терпеть не может, когда нарушают его покой. Когда они находились еще на слишком большом расстоянии, чтобы можно было разглядеть лица, Мрачный Билли подумал, уж не приятели ли Монтрейля пожаловали, желая устроить заварушку. Если так, то креолам придется горько пожалеть об этом.

Когда Мрачный Билли увидел, почему их передвижение столь медлительно, у него отлегло от сердца. За двумя мужчинами на лошадях, еле передвигая ногами, плелись два скованных цепями негра. Он скрестил на груди руки и, прислонившись спиной к дереву, ждал, когда процессия окажется рядом.

Самоуверенные с виду, всадники смело направили лошадей к дому. Один из верховых осмотрел строение с его облупившейся краской и полусгнившим крыльцом парадного подъезда и, сплюнув на землю табачную жвачку, повернулся к Мрачному Билли.

– Это плантация Джулиана? – спросил крупный мужчина с красным лицом и бородавкой на носу, одетый в кожу. Голову его украшала неряшливая фетровая шляпа.

– Да, это она, – ответил Мрачный Билли.

Но смотрел он мимо всадника и его спутника, худого розовощекого юноши, который, по всей видимости, был его сыном. Ленивой походкой он подошел к двум несчастным неграм в оковах, изможденным и понурым. На его губах промелькнула улыбка.

– Как, – произнес Мрачный Билли, – неужто это Лили и Сэм? Вот уж не думал, что придется свидеться с вами вновь. Должно быть, не меньше двух лет прошло с тех пор, как вы бежали. Мистер Джулиан по-настоящему обрадуется, узнав, что вы отыскались.

Сэм, мужчина крупного телосложения и сильный на вид, пристально посмотрел на Мрачного Билли. Вызова в его глазах не было, а только страх.

– Мы обнаружили их в Арканзасе, мой мальчик и я, – сказал краснолицый. – Пытались выдать себя за свободных негров... Меня не провести вокруг пальца. Я не поверил им ни на йоту, сэр.

Мрачный Билли посмотрел на охотников за рабами и кивнул:

– Продолжайте.

– Ужасно упрямые. Долго мы не могли заставить их сказать нам, откуда они сбежали. Что мы только ни делали: и пороли их, и я применял еще кое-что из своего арсенала. Обычно негров стоит только чуточку припугнуть, как они тут же раскалываются. Только не эти. – Он сплюнул. – Но нам удалось вытянуть из них правду. Покажи-ка ему, Джим.

Юноша спешился, подошел к женщине и поднял ее правую руку. На руке недоставало трех пальцев. Третий обрубок еще не вполне зажил.

– Мы начали с правой, потому что заметили, что она левша, – сказал мужчина. – Не хотели калечить ее сильно, вы же понимаете нас, но мы ничего не могли выяснить, не было никаких объявлений ни в газетах, нигде, так что... – Он развел руками. – Когда мы добрались до ее третьего пальца, мужчина не выдержал и сказал нам. Женщина обругала его последними словами. – Он грубо расхохотался. – В любом случае вот они, голубчики. Два раба, как эти, должны что-то стоять, раз уж мы их поймали. Мистер Джулиан дома?

– Нет, – ответил Мрачный Билли и посмотрел на солнце. До полудня оставалось еще около двух часов.

– Ладно, – сказал тогда краснолицый. – Вы, должно быть, надсмотрщик, верно? Тот, кого называют Мрачным Билли?

– Точно, это я. Сэм и Лили говорили обо мне?

Охотник за рабами снова расхохотался:

– О да, как только нам стало известно, откуда они, бедолаги стали говорить без умолку. Нам пару раз приходилось затыкать им рты. Но через некоторое время они начинали болтать снова. Наслушались мы их рассказней.

Мрачный Билли смерил беглых рабов холодным злобным взглядом; те старались не встречаться с ним глазами.

– Может, вы сами позаботитесь о них и выплатите нам вознаграждение? Мы бы поскакали обратно, – высказал мужчина свое соображение.

– Нет, – возразил Мрачный Билли Типтон. – Вам придется подождать. Мистер Джулиан захочет отблагодарить вас лично. Это не займет много времени. Он вернется к сумеркам.

– К сумеркам? – переспросил старший мужчина. Они с сыном обменялись взглядами. – Странно, мистер Мрачный Билли, эти два негра говорили нам то же самое. Они рассказывали нам невероятные истории о том, что происходит здесь после захода солнца. Мой мальчик и я предпочли бы получить деньги скорее и смотаться отсюда, вам-то все равно.

– Мистеру Джулиану не все равно, – сказал Мрачный Билли. – К тому же я не могу дать вам денег. И вы еще верите глупым байкам, которые рассказывали вам два старых негра?

Мужчина нахмурился, продолжая задумчиво жевать свою табачную жвачку.

– Негритянские байки – это одно, – сказал он наконец. – Но я знаю, что негры иногда говорят правду. Ладно, поступим так, мистер Мрачный Билли: будем ждать возвращения вашего мистера Джулиана. Только не воображайте, что вам удастся нас надуть. – На боку у него висел револьвер, и он похлопал по нему рукой. – Пока мы будем ждать, приятель мой будет со мной, и мальчик тоже имеет такого же дружка. К тому же мы оба хорошо владеем ножами. Вам понятно? Эти негры просветили нас о маленьком ножичке, который вы прячете за спиной, так что в нашем присутствии не пытайтесь воспользоваться им, а то и у нас руки могут зачесаться. Давайте все мы будем просто ждать и постараемся сохранить дружеские отношения.

Мрачный Билли перевел взгляд холодных глаз на ловца беглых негров, но тот был так глуп, что не заметил таившейся в нем угрозы.

– Будем ждать в доме, – сказал Мрачный Билли, стараясь держать руки на виду.

– Очень хорошо, – согласился охотник за рабами и спрыгнул с лошади. – Меня зовут Том Джонстон, а это, между прочим, мой сын Джим.

– Мистер Джулиан будет рад познакомиться с вами, – сказал Мрачный Билли. – Привяжите лошадей и приведите негров в дом. Будьте осторожны на ступеньках. Кое-где они совсем прогнили.

Женщина, когда их повели к дому, начала тихонько всхлипывать, но Джим Джонстон звонко шлепнул ее по губам, и она тотчас умолкла.

Мрачный Билли проводил их в библиотеку. Там он отодвинул тяжелые пыльные занавески, чтобы в сумрачное помещение мог проникнуть свет. Рабы опустились на пол, а поймавшие их люди расположились в массивных кожаных креслах.

– Ну вот, – сказал Том Джонстон, – здесь совсем другое дело.

– Все прогнило и покрыто пылью, папа, – заметил юноша. – Негры говорили нам то же самое.

– Так-так-так, – сказал Мрачный Билли и посмотрел на беглецов. – Так-так-так, – повторил он. – Мистеру Джулиану совсем не понравится, что вы распускаете сплетни о его доме. Вы, двое, заслуживаете хорошей порки.

Чернокожий детина Сэм, собравшись с духом, поднял голову и сердито пробормотал:

– Никакая порка меня не пугает.

Мрачный Билли краешком рта улыбнулся:

– Что ж, Сэм. Есть вещи и пострашнее порки. На самом деле есть.

Для женщины, которую звали Лили, этого оказалось больше чем достаточно. Она посмотрела на юношу:

– Он говорит правду, масса Джим, истинный Бог. Вам нужно прислушаться к нему. Уведите нас отсюда до темноты. Пусть лучше нашими хозяевами станете вы и ваш батюшка, мы будем работать на вас, мы будем работать, как волю, вот увидите, и убежать не станем. Мы хорошие негры. Мы бы никогда не убежали, если бы не... не... Не дожидайтесь темноты, масса, умоляю. Тогда будет слишком поздно.

Парень со всего размаха ударил Лили стволом револьвера. На щеке появился рубец. Она повалилась на пол и осталась лежать на ковре, сотрясаясь от рыданий.

– Заткни свой лживый черномазый рот! – сказал он.

– Хотите чего-нибудь выпить? – спросил Мрачный Билли.

Прошло несколько часов. За это время они почти полностью опустошили две бутылки лучшего бренди Джулиана, опиваясь им так, словно это было дешевое виски. Мрачный Билли говорил немного, предпочитая задавать вопросы, подначивая Тома Джонстона.

Пьяный и тщеславный, тот, казалось, упивался собственным голосом. Охотники за беглыми рабами действовали в Наполеоне, штат Арканзас. Но там долго не засиживались, в основном им приходилось много передвигаться. Имелась у них и миссис Джонстон, но она оставалась дома с дочерью. О своем занятии они ей особенно не рассказывали.

– Женщине необязательно знать о том, где бывает ее муж и что делает. Стоит раз или два сказать, как тебе не будет покоя от вопросов и тебя загрызут, что поздно приходишь домой. Тогда придется учить кулаками. – Джонстон сплюнул. – Куда проще ничего им не говорить, пусть себе радуются, что хоть изредка появляешься дома.

Джонстон намекнул Мрачному Билли, что предпочитает спать с чернокожими шлюхами, так что отсутствие жены для него не проблема.

Тем временем солнце клонилось к западу.

Когда в комнате сгустились тени, Мрачный Билли поднялся, задернул занавеси и зажег свечи.

– Пойду за мистером Джулианом.

Мрачному Билли показалось, что молодой Джонстон побледнел, когда повернулся к отцу.

– Я не слышал, чтобы кто-нибудь подъехал, папа.

– Подождите, – сказал Мрачный Билли Типтон.

Он оставил их, пересек пустынный темный бальный зал и поднялся по огромной лестнице. Наверху Мрачный Билли вошел в просторную спальню с широкими французскими окнами. В центре стояла, прячась под черным бархатным балдахином, богатая резная кровать.

– Мистер Джулиан, – тихо позвал он от двери. В комнате было темно и душно.

За пологом кто-то зашевелился. Бархатные занавеси откинулись, и появился Деймон Джулиан – бледный, спокойный, холодный. Его черные глаза в темноте как будто светились, пронизывая Мрачного Билли насквозь.

– Да, Билли, – прозвучал мягкий голос.

Мрачный Билли рассказал хозяину о происшедшем.

Деймон Джулиан улыбнулся:

– Проводи их в столовую, я присоединюсь к вам через минуту.

В столовой висел огромный старый канделябр, но на памяти Мрачного Билли его никогда не зажигали. Пригласив туда охотников за беглыми рабами, он нашел спички и зажег небольшую масляную лампу, которую поставил на середину длинного стола. Она осветила на столе маленький круг, так что вся остальная узкая, с высоким потолком комната оставалась погруженной в темноту. Джонстоны сели, младший беспокойно озирался по сторонам, одна его рука касалась револьвера. Негры жались друг к другу по другую сторону стола.

– Ну и где этот ваш Джулиан? – ворчливо поинтересовался Том Джонстон.

– Немного терпения, Том, – сказал Мрачный Билли. – Всеу свое время.

Почти десять минут никто не проронил ни слова. Вдруг Джим Джонстон втянул в себя воздух.

– Папа, – сказал он, – посмотри. В дверях кто-то стоит!

Дверь вела на кухню, там все было окутано мраком. Наступила ночь, и единственным источником света в этой части дома служила небольшая масляная лампа на столе. За кухонной дверью ничего не было видно; угадывались только неясные пугающие тени, одна из которых походила на неподвижный человеческий силуэт. Лили всхлипнула, и чернокожий Сэм прижал ее к себе. Том Джонстон, скрипнув стулом, вскочил на ноги. Лицо его приняло суровое выражение. Он выхватил револьвер и взвел курок.

– Кто там? Выходи!

– Не стоит так волноваться, – сказал Деймон Джулиан.

Они повернулись, и Джонстон подскочил так, словно увидел привидение. Джулиан стоял на черном фоне полукруглого проема дверей, ведущих в холл, и улыбался. На нем был темный костюм с длинным сюртуком, на шее ярким пятном выделялся красный шелковый галстук. В темных глазах, отражающих пламя лампы, светилась тихая радость.

– Это всего лишь Валерия, – пояснил он.

Шурша юбками, она вышла из темноты и застыла в кухонных дверях, бледная, спокойная и все же поразительно красивая. Джонстон взглянул на Валерию и рассмеялся.

– Ах, – сказал он, – всего лишь женщина. Прошу прощения, мистер Джулиан. Эти негритянские байки совсем задурили мне голову.

– Я вас отлично понимаю, – отозвался Деймон Джулиан.

– За его спиной еще кто-то есть, – прошептал Джим Джонстон. Теперь они видели их всех: сумрачные фигуры, неясными тенями столпившиеся во тьме позади Джулиана.

– Мои друзья, – с улыбкой заметил Деймон Джулиан. Справа от него появилась женщина в светло-голубом наряде. – Синтия, – представил он. – Слева женщина в зеленом – Адрианна. – Джулиан поднял руку в ленивом медлительном жесте. – А это – Раймон, Жан и Курт. – Мягко, по-кошачьи передвигаясь, они появились одновременно из всех дверей, шедших по периметру длинной комнаты. – А позади вас Алан, Хорхе и Винсент.

Джонстон резко повернулся. Кроме шуршания одежды, издаваемого при ходьбе, других звуков слышно не было, никто не производил ни звука. Взоры их были обращены на гостей, и все они призывно улыбались.

Не улыбался только Мрачный Билли, хотя его страшно позабавило то, как Том Джонстон схватился за револьвер и бросает по сторонам испуганные взгляды, будто затравленное животное.

– Мистер Джулиан, должен вам сказать, что мистер Джонстон не позволит надуть себя. У него есть револьвер, мистер Джулиан, и у его мальчика тоже, к тому же они оба хорошо владеют ножами.

– А-а-а, – протянул Деймон Джулиан.

Чернокожие принялись молиться. Молодой Джим Джонстон посмотрел на Деймона Джулиана и вытащил свое оружие.

– Мы доставили вам ваших негров. Не станем беспокоить вас из-за какого-то вознаграждения. Мы просто уйдем, и все.

– Уйдете? – переспросил Джулиан. – Но как же я отпущу вас, не вознаградив? Когда вы проделали такой путь из Арканзаса, чтобы вернуть нам черномазых? Я и слышать не желаю об этом.

Он пересек комнату. Джим Джонстон, словно пригвожденный взглядом темных глаз хозяина плантации, поднял оружие, но не двигался. Джулиан взял револьвер у него из рук и положил на стол. Он прикоснулся к щеке юноши.

– Ты станешь красивым мальчиком, если смоешь с себя всю эту грязь, – сказал Джулиан.

– Что ты делаешь с моим сыном? – вскричал Том Джонстон. – Оставь его в покое! – Он вскинул оружие.

Деймон Джулиан обернулся в его сторону:

– Твой сын обладает известной долей грубой красоты. Ты, напротив, обезображен бородавкой.

– Он сам бородавка, – вставил Мрачный Билли Типтон.

Том Джонстон бросил на него полный ярости взгляд, Деймон Джулиан улыбнулся.

– В самом деле, – согласился он. – Забавно, Билли. – Джулиан подал знак Валерии и Адрианне. Они бесшумно подошли, и каждая взяла молодого Джима Джонстона под руку.

– Вам нужна помощь? – предложил Мрачный Билли свои услуги.

– Нет, – ответил Джулиан, – благодарю тебя.

Грациозным, почти невесомым жестом он поднял ладонь и слегка коснулся длинной шеи парня. У того в горле что-то заклокотало, словно он захлебывался. На шее вдруг появилась тонкая красная линия – миниатюрное алое ожерелье, ярко-красные бусины которого начали на глазах набухать, становясь все больше и больше, пока одна из них не взорвалась и не показывалась тонкой струйкой вниз. Джима Джонстона затрясло, но железная хватка двух бледных дам лишила его подвижности. Деймон Джулиан наклонился и припал к струе губами, чтобы не дать пропасть горячее, яркой крови.

Из груди Тома Джонстона вырвался нечленораздельный животный вой, время для него словно остановилось. Наконец он вышел из оцепенения, взвел курок и прицелился. Дорогу Джонстону преградил Алан, тут же рядом очутились Винсент и Жан. Сзади к нему прикоснулись бледные ледяные руки Раймона и Синтии.

Джонстон грязно выругался и выстрелил. Последовала вспышка, едко запахло дымом. Тонкий, как былинка, Алан пошатнулся и, увлекаемый инерцией пули, упал. На белоснежной в кружевах манишке проступили пятна темной крови. Приподнявшись на локтях, Алан поднес руку к груди, и она окрасилась кровью.

Теперь Раймон и Синтия уже крепко держали Джонстона, а Жан легким движением забрал оружие из его рук. Краснолицый великан не сопротивлялся, а во все глаза смотрел на Алана. Кровотечение остановилось. Алан улыбнулся, при этом обнажились длинные белые зубы, острые и жуткие. Он поднялся и направился к нему.

– Нет, – закричал Джонстон, – я застрелил тебя, ты должен быть мертвым! Я застрелил тебя!

– Иногда черномазые говорят правду, мистер Джонстон, – сказал Мрачный Билли Типтон. – Вам следовало прислушаться к ним.

Раймон просунул пальцы под мятую шляпу Джонстона, схватил его за волосы и рывком запрокинул голову назад так, чтобы обнажилась толстая красная шея. Алан расхохотался и впился зубами в горло своей жертвы. Тогда к нему присоединились и другие.

Мрачный Билли Типтон занес руку за спину, вытащил нож и не спеша подошел к рабам.

– Пойдемте, – сказал он. – Сегодня вы не нужны мистеру Джулиану, но больше вам не удастся убежать. Отправляйтесь в подземелье. Давайте, пошевеливайтесь, иначе я оставлю вас с ними.

Эти слова заставили беглецов двигаться куда проворнее. Мрачный Билли знал, что угроза вызовет действие.

Подвал был тесным и сырым. Чтобы попасть туда, требовалось поднять люк, скрывавшийся под половиком. Местность в округе не слишком подходила для устройства настоящего подвала, однако этот никогда и не использовался по назначению. Пол покрывал двухдюймовый слой воды. Потолок нависал так низко, что человек не мог стоять, выпрямившись. На стенах зеленела плесень. Мрачный Билли приковал чернокожих рабов, но так, чтобы они могли дотануться друг до друга. На его взгляд, это было гуманно. Он также принес им горячий обед.

Потом приготовил обед и себе и запил его бренди из второй бутылки, откупоренной Джонстонами. Он уже заканчивал, когда на кухне появился Алан. Кровь на его рубашке засохла. В том месте, где Алана пронзила пуля, виднелось черное обугленное отверстие, в остальном же он выглядел вполне нормально.

– Все кончено, – сообщил ему Алан. – Джулиан ждет тебя в библиотеке.

Мрачный Билли отодвинул тарелку и отправился к хозяину. Проходя мимо столовой, он заметил, что там требуется срочная уборка. В мрачной тишине наслаждались вином Адрианна, Курт и Арман. Тела – вернее, то, что от них осталось, – валялись тут же, в нескольких футах. Остальные находились в гостиной и развлекались беседой.

Библиотека была погружена в крошечную темноту. Мрачный Билли рассчитывал найти хозяина одного, но, войдя, во тьме заметил три неясных тени, две из них сидели, одна стояла. Кто это, Мрачный Билли разглядеть не мог. Он остановился в дверях и ждал, пока Джулиан заговорит первым.

– В будущем никогда не приводи таких людей в мою библиотеку, – раздался в черноте голос. – Они отвратительно грязны и оставили после себя запах.

В душе Мрачного Билли шевельнулся страх.

– Слушаюсь, сэр, – сказал он, уставившись в кресло, откуда доносился голос. – Прошу прощения, мистер Джулиан.

Выдержав минутную паузу, Джулиан добавил:

– Закрой дверь, Билли, и пройди. Можешь зажечь лампу.

Лампа была изготовлена из броского красного стекла; ее свет окрасил пыльную комнату в буро-коричневый цвет засохшей крови. Деймон Джулиан сидел в кресле с высокой спинкой, длинными тонкими пальцами подпирая подбородок. На его лице играла легкая улыбка. По правую руку от Джулиана сидела Валерия. В схватке у нее оторвался рукав платья, но она как будто не замечала этого.

Мрачный Билли подумал, что выглядит она даже бледнее, чем обычно. В нескольких футах от Валерии за спинкой второго кресла стоял Жан. У него был настороженный вид, он нервничал и все время крутил на пальце массивное золотое кольцо.

– Должен ли он находиться здесь? – спросила Валерия Джулиана. Женщина бросила на Билли мимолетный взгляд, в больших пурпурных глазах блеснуло презрение.

– Почему бы и нет, Валерия? – ответил Джулиан, взяв ее руку в свою. Женщина задрожала и крепко сжала губы. – Я пригласил Билли успокоить тебя, – продолжал он.

Жан собрался с духом и, нахмурившись, посмотрел Мрачному Билли прямо в глаза:

– У Джонстона осталась жена.

«Ну и что из этого?» – подумал Мрачный Билли.

– Ты испугался? – насмешливо спросил он Жана.

Жан не относился к числу фаворитов Джулиана, так что можно было без опасения ответить ему.

– Да, у него осталась жена, – подтвердил Билли, – однако беспокоиться не о чем. Он никогда с ней ни о чем не разговаривал, никогда не докладывал, куда и зачем отправляется, когда вернется. Она не станет разыскивать вас.

– Мне это не нравится, Деймон, – проворчал Жан.

– А как насчет рабов? – спросила Валерия. – Они отсутствовали два года. Они слишком многое рассказали Джонстонам. Возможно, рассказывали и другим.

– Что скажешь, Билли? – спросил Джулиан.

Тот пожал плечами:

– Думаю, они трепались с каждым встречным и поперечным негром на всем пути отсюда до Арканзаса. Ерунда, меня это ничуть не беспокоит. Очередные негритянские сказки, которыми никто не верит.

– Сомневаюсь, – заметила Валерия. Она умоляюще посмотрела на Джулиана: – Деймон, умоляю, Жан прав. Мы слишком долго оставались здесь. Теперь это небезопасно. Вспомни, что они сделали с той женщиной, Лалаури, в Новом Орлеане, которая ради удовольствия мучила своих рабов. В конце концов слухам поверили. А то, что она делала, ни в какое сравнение не идет с... – Она нерешительно замолчала, потом сглотнула и тихо добавила: – С тем, что делаем мы. Что должны делать. – Она отвернулась от Джулиана.

Медленно и осторожно Джулиан протянул к ней руку, прикоснулся к бледной щеке и нежно провел пальцем по лицу, затем приподнял подбородок Валерии и заставил ее посмотреть себе в глаза.

– Неужели ты так напугана, Валерия? Не должен ли я тебе напомнить о том, кто ты теперь? Будешь ли ты снова прислушиваться к Жану? Он ли здесь хозяин? Кто здесь господин крови?

– Нет, – ответила она. Глубокие фиалковые глаза еще больше расширились. Голос звучал робко. – Нет.

– Кто здесь заказывает музыку, дорогая Валерия? – спросил Джулиан. Его сверкающие глаза, казалось, готовы были пробуравить ее насквозь.

– Ты, Деймон, – прошептала она. – Ты.

– Посмотри на меня, Валерия. Как ты думаешь, могут меня испугать рассказы жалкой горстки негров? Станет ли меня заботить то, что они обо мне болтают?

Валерия раскрыла рот, но не смогла выдать ни слова.

Удовлетворенный, Деймон Джулиан отпустил ее. В том месте, где к женщине прикасались его пальцы, остались глубокие красные отметины. Джулиан улыбнулся Мрачному Билли:

– Что скажешь, Билли?

Мрачный Билли Типтон уставился в пол и беспокойно начал переступать с ноги на ногу. Он знал, что ему надлежит сказать. В последнее время Мрачный Билли много размышлял, ему многое нужно было сказать хозяину, многое, что тому могло не понравиться. Но теперь он не видел для себя иного выбора.

– Не знаю, мистер Джулиан, – слабо пробормотал он.

– Не знаешь, Билли? Чего именно ты не знаешь? – Тон голоса был ледяным, в нем угрожала угроза.

Тогда, невзирая ни на что, Мрачный Билли решился броситься с головой в омут.

– Не знаю, мистер Джулиан, как долго это может продолжаться, – сказал он отважно. – Я уже давно размышляю над этим, и многое из нынешней ситуации мне не нравится. В руках Гару плантация приносила хороший доход, сейчас она практически потеряла свою ценность. Вы знаете, я способен заставить работать любого раба, разрази меня гром, если это не так, но тех, которые отошли в иной мир или дали деру, заставить работать я не могу. Беды наши начались тогда, когда вы начали забирать из их хибар детей, а также приказали доставлять в хозяйский дом смазливых девок, откуда те никогда не возвращались. Вот уже год, как здесь

нет никаких рабов, кроме девочек для развлечений, да и они не задерживаются надолго. – Он нервно рассмеялся. – У нас и урожая больше нет. Половину плантации мы уже продали, лучшую часть ее к тому же. А девушки для забав... они очень дороги, мистер Джулиан. У нас денежные затруднения.

И это еще не все. Одно дело разделяться с ниггерами... но использовать для утоления жажды белых людей опасно. В Новом Орлеане, может быть, это и безопасно, однако мы оба хорошо знаем, что младшего сына Генри Кассада убила Кара. Он наш сосед, мистер Джулиан. Все они понимают, что здесь творится что-то неладное; если начнут умирать их рабы и дети, вот тут начнутся наши настоящие неприятности.

– Неприятности? – переспросил Деймон Джулиан. – С тобой нас почти двадцать. Что этот скот может с нами сделать?

– Мистер Джулиан, – сказал Мрачный Билли, – а если они придут днем?

Джулиан отмахнулся рукой:

– Такого не случится. Если же случится, мы поступим с ними так, как они этого заслуживают.

Мрачный Билли поморщился. Может, Джулиана это и не вполне касается, но Билли мог пострадать. Он рисковал, как никто другой.

– Думаю, она права, мистер Джулиан. Думаю, нам нужно поискать другое место. Наше нынешнее укрытие мы использовали до предела. Остаться здесь дальше опасно.

– Меня здесь все устраивает, Билли, – сказал Джулиан. – Эти скоты меня кормят, зачем мне бежать от них?

– Все упирается в деньги. Где нам взять их?

– Наши гости оставили лошадей. Отведи их завтра в Новый Орлеан и продай. Только позаботься, чтобы их не опознали. Кроме того, можно продать и другие земли. Невилль из Бей-Кросс наверняка не откажется прикупить новые участки. Загляни к нему, Билли. – Джулиан улыбнулся. – Ты даже можешь пригласить его сюда отобедать, чтобы мы обсудили мое предложение. Попроси его захватить с собой свою прелестную жену и славного их сыночка. Сэм и Лили смогут прислуживать. Все будет выглядеть так, как в старые времена, когда рабы еще не убегали.

Мрачный Билли подозревал, что Джулиан шутит. Но к его словам нельзя было относиться легкомысленно.

– А дом? – возразил Билли. – Они приедут отобедать и увидят, как запущен дом. Это небезопасно. Они начнут судачить, вернувшись к себе, распускать слухи.

– Если вернутся домой, Билли.

– Деймон, – неуверенным голосом вставил Жан, – ты ведь не хочешь сказать...

В мрачной, залитой красным светом комнате было жарко. Мрачный Билли уже обливался потом.

– Невилль... Пожалуйста, мистер Джулиан, Невилля нельзя трогать. Нельзя трогать живущих тут людей, нельзя покупать девушек для забавы.

– Это существо впервые говорит разумные вещи, – слабым голосом сказала Валерия. – Послушай его.

Жан, вдохновленный тем, что и другие на его стороне, горячо закивал.

– Мы бы могли продать имение, – сказал Билли. – Тут уже все прогнило. Переехать в Новый Орлеан. Там нам будет лучше. Там столько креолов, свободных черномазых и всякого речного отребья. Одним больше или меньше, никто не заметит. Ты же знаешь.

– Нет, – твердо заявил Деймон Джулиан ледяным тоном.

По голосу они догадались, что дальнейших возражений он не потерпит. Мрачный Билли тотчас замолчал. Жан снова принялся играть со своим кольцом. Рот его сжался в трагическую складку, лицо стало угрюмым.

На удивление всем, заговорила Валерия:

– Тогда уйдем мы.

Джулиан медленно повернул голову в ее сторону:

– Мы?

– Жан и я, – пояснила она. – Отошли нас. Так будет... лучше. Для тебя тоже. Будет безопаснее, если нас здесь станет меньше. И девушек для забавы не потребуется так много.

– Отпустить тебя, дорогая Валерия? Как? Я же буду скучать. Да и переживать за тебя. Интересно, куда же ты отправишься?

– Куда-нибудь. Куда угодно.

– Ты по-прежнему надеешься найти в пещере свой темный город? – насмешливо спросил Джулиан. – Твоя вера трогательна, дитя. И ты ошибочно приняла слабого Жана за своего бледнокожего короля.

– Нет, – ответила Валерия. – Нет, нам просто нужен покой. Прошу тебя, Деймон. Если мы все останемся, вскоре нас обнаружат, устроят охоту и убьют. Давай уйдем.

– Ты так прекрасна, Валерия. Так изысканно прекрасна.

– Прошу тебя, – трепеща, повторила она. – Уйдем. Нам нужен покой.

– Бедная маленькая Валерия, – проговорил Джулиан. – Покоя нет. Куда бы ты ни отправилась, твоя жажда будет преследовать тебя вечно. Нет, ты останешься.

– Умоляю тебя, – беззвучно прошептала она. – Мой господин...

Темные глаза Деймона Джулиана слегка прищурились, и улыбка сошла с губ.

– Раз ты так настаиваешь на своем уходе, возможно, будет лучше, если я тебе дам то, о чем ты просишь.

Оба, Валерия и Жан, посмотрели на него с надеждой.

– Очень может быть, что я и отошлю вас, – задумчиво произнес Джулиан. – Но не вместе, нет. Ты так прекрасна, Валерия. Ты заслуживаешь лучшего избранника, чем Жан. Что скажешь, Билли?

Мрачный Билли самодовольно усмехнулся:

– Отошлите их всех, мистер Джулиан. Вам никто из них не нужен. У вас есть я. Отправьте их всех, и вскоре они сами увидят, как им хорошо.

– Интересно, – сказал Деймон Джулиан. – Я подумаю над этим. А теперь оставьте меня. Билли, отправляйся с лошадьми и продай их. И переговоры с Невиллем относительно земли.

– Никакого обеда? – с облегчением спросил Мрачный Билли.

– Никакого, – подтвердил Джулиан.

Последним из двери выходил Мрачный Билли. Сразу за его спиной Джулиан потушил свет, и комнату поглотила тьма. На пороге Мрачный Билли немного помешкал, потом снова обернулся.

– Мистер Джулиан, – сказал он, – ваше обещание... Уже прошло несколько лет. Когда?

– Когда я перестану в тебе нуждаться, Билли. Днем ты – мои глаза. Ты делаешь вещи, которые не могу делать я. Как я могу пожертвовать тобой сейчас? Не бойся, осталось недолго. Когда присоединишься к нам, время перестанет для тебя существовать. Годы или дни – все равно для тех, чья жизнь бесконечна.

Обещание наполнило Мрачного Билли надеждой, и он отправился выполнять поручение Деймона Джулиана.

В ту ночь ему снился сон. Он видел себя таким же темноволосым и грациозным, как Джулиан, элегантным и кровожадным. Действие в его сне происходило ночью. Он бродил по улицам Нового Орлеана. С небес светила бледная полная луна.

Люди наблюдали за ним из своих окон, со своих ажурных балконов. Он чувствовал на себе их взгляды. Мужчины боялись его, а женщин влекла к нему какая-то непреодолимая темная сила. Скользя беззвучно по каменному тротуару, он преследовал их в темноте,

слышал лихорадочный стук, топот их шагов, тяжелое дыхание. Под неверным светом уличного масляного фонаря он поймал щеголеватого молодого человека и со смехом разорвал ему горло. Издали за ним наблюдала креолка знойной красоты. Он начал преследовать ее. Она бежала по темным аллеям и тесным дворикам. Наконец на одном дворе, освещенном факелом в изящной оправе, креолка остановилась и повернулась к нему лицом. Она немного походила на Валерию. Ее фиалковые глаза были полны огня. Он приблизился к ней, опрокинул навзничь и взял ее. Кровь креолки была такой же горячей и сытной, как и их пища. Ночь принадлежала ему, и все другие ночи в его вечной жизни. Отныне им владела жажда крови.

Когда Мрачный Билли пробудился, то почувствовал, что горит, как в огне. Он дрожал, и простыни его были мокрыми.

Глава седьмая

Сент-Луис

Июль 1857 года

Пароход «Грезы Февра» оставался пришвартованным в Сент-Луисе на протяжении двадцати дней.

Для всей команды, за исключением Джошуа Йорка и его странных спутников, наступило горячее время. С самого раннего утра Эбнер Марш был на ногах и занимался делами. В десять часов он уже шагнул по улицам города, заходил к грузоотправителям и владельцам отелей и рекламировал свое судно, стараясь заключить сделку. Он получил пачку рекламных листовок, отпечатанных специально для «Грез Февра», и нанял мальчишек, чтобы те расклеили их по всему городу. Посещая лучшие закусочные и рестораны, Марш повсюду рассказывал историю о том, как «Грезы Февра» обставил «Южанина». Делал он это намеренно, чтобы заставить горожан говорить о себе. В трех местных газетах капитан даже поместил рекламные объявления.

Новые лоцманы, которых Эбнер Марш нанял для проведения судна по нижнему участку реки, прибыли на «Грезы Февра», как только пароход пришвартовался в Сент-Луисе. Они потребовали, чтобы с ними рассчитались за то время, пока они сидели сложа руки в ожидании его прихода. Рулевые всегда стоили недешево, особенно если речь шла о профессионалах такого класса, какими были эти двое.

Но Эбнер Марш не пожалел на них денег, поскольку для своего нового судна хотел самого лучшего. Получив жалованье, новые рулевые продолжали бить баклуши; на реке существовал такой закон: рулевые получали полный заработок в течение всего срока найма, хотя пальцем не шевелили до тех пор, пока судно не отправлялось в плавание. Выполнять какую-либо другую работу они считали ниже своего достоинства.

Однако те два рулевых, которых нанял Марш, отличались собственным стилем бить баклуши. Щеголеватого вида Дэн Олбрайт, чопорный и молчаливый, поднялся на борт в первый же день, когда «Грезы Февра» вошел в порт. Он осмотрел судно, ознакомился с машинным отделением, рулевой рубкой. Удовлетворенно кивнув, Олбрайт тотчас удалился в предназначенную для него каюту и принялся там обустраиваться. Дни он проводил, читая книги из хорошо укомплектованной библиотеки парохода. Иногда в кают-компании на пару с Джонатаном Джефферсом он развлекался игрой в шахматы, хотя последний неизменно обыгрывал Олбрайта.

Карла Фрамма, напротив, всегда можно было отыскать в бильярдной где-нибудь на берегу реки. В широкополой фетровой шляпе, рулевой широко улыбался своей кривоzubой улыбкой и хвастался, что он и его новый корабль обставят на реке всех и каждого. Репутация у Фрамма была скандальная. Он любил шутить, что в Сент-Луисе у него одна жена, вторая – в Новом Орлеане и третья – в Натчезе-под-холмом.

Времяпрепровождение рулевых не очень занимало Эбнера Марша, он был слишком занят то одним делом, то другим, чтобы волноваться на этот счет. Марш почти не виделся ни с Джошуа Йорком, ни с его друзьями, хотя знал, что тот часто предпринимает долгие ночные прогулки в город, беря с собой Саймона, молчаливого своего спутника. Саймон также учился смешивать напитки, поскольку Йорк поделился с Маршем соображением, что по пути в Новый Орлеан намерен использовать его в качестве ночного бармена.

С партнером Марш регулярно встречался за ужином в большой кают-компании, где собирались и остальные офицеры. После этого Йорк удалялся к себе или отправлялся в судовую библиотеку, где его ждали газеты, ежедневно доставляемые увесистыми кипами с приходящих в порт пароходов. Однажды Йорк объявил, что собирается пойти в город, чтобы послу-

шать группу исполнителей. С собой он пригласил Эбнера Марша и других офицеров, но Марш от столь любезного предложения отказался, и Йорку пришлось идти с Джонатаном Джефферсом. Отклонив предложение, Марш пробормотал Волосатому Майку Данну:

– Стихи, пьесы... а потом начинаешь гадать: куда течет эта проклятая река?

Позже Джефферс начал учить Йорка играть в шахматы.

– У него незаурядный ум, Эбнер, – через несколько дней сообщил Джефферс Маршу.

Было утро их восьмого дня в Сент-Луисе.

– У кого?

– Как у кого? У Джошуа Йорка, конечно. Два дня назад я объяснил ему правила. Вчера вечером я застал его в салоне за разбором одной из партий Морфи, которую он нашел в одной из своих нью-йоркских газет. Станный человек. Что тебе известно о нем?

Марш нахмурился. Ему не хотелось, чтобы команда проявляла излишний интерес к персоне Джошуа Йорка; в этом состояла часть заключенной сделки.

– Джошуа не слишком любит говорить о себе, да я и не расспрашиваю его. Я придерживаюсь мнения, что прошлое человека – не мое дело. Вам нужно относиться к этому так же, мистер Джефферс.

Клерк удивленно приподнял тонкие темные брови.

– Как скажете, капитан. – Но на его губах появилась холодная усмешка, которая обеспокоила Эбнера Марша.

Джефферс был не единственный, кто задавал вопросы. Как-то к нему подошел Волосатый Майк и сказал, что подсобные рабочие и кочегары распространяют о Йорке и его гостях всякие сплетни. Он поинтересовался у Марша, не нужно ли принять какие пресекающие меры.

– Какие сплетни?

Волосатый Майк многозначительно пожал плечами:

– О том, что он выходит только по ночам. Да и о его странных приятелях. Вы знаете Тома, который кочегарит у топки на середине левого борта? Он рассказывает, что в ночь, когда мы вышли из Луисвилла, ну, вы помните, сколько там было комарья над рекой, так вот, Том рассказывает, будто бы видел старину Саймона внизу на основной палубе. Тот просто бродил без дела, когда ему на руку опустился комар, тогда второй рукой он прихлопнул его. Ясное дело, раздавил. Ну, вы себе представляете, какими раздутыми комары иногда бывают – если их прихлопнешь, останется кровавое пятно. Том говорит, тот комар на руке Саймона оказался именно таким. Ну вот, говорит Том, Саймон смотрел-смотрел на свою руку, а потом поднес ко рту и, – разрази меня гром, если говорю неправду, – облизал ее начисто.

Эбнер Марш поморщился:

– Скажи своему Тому, чтобы попридержал язык, или ему придется бросать дрова в топку на каком другом судне.

Волосатый Майк кивнул и, со звучным шлепком перебросив свою железную дубину в другую руку, собрался было уходить. Марш остановил его:

– Нет, подожди. Скажи Тому, пусть не болтает, а если заметит что странное, пусть лучше расскажет об этом тебе или мне. Скажи, что за это мы дадим ему полдоллара.

– За полдоллара ему и соврать недолго.

– Тогда забудем о деньгах, а насчет всего остального его предупреди.

Чем больше Эбнер думал о рассказе Тома, тем больше беспокоился. Теперь он был рад, что Джошуа Йорк решил сделать из Саймона бармена, таким образом он все время будет находиться на виду. Гробовщики никогда не нравились Маршу, а Саймон по-прежнему непроизвольно напоминал ему человека этого рода занятий. Марш надеялся только, что в баре, обслуживая пассажиров первого класса, Саймон не станет лизать комаров. Подобное поведение в один миг способно испортить репутацию судна.

Вскоре Марш забыл о происшедшем и с головой ушел в дела. Но в ночь накануне отъезда случилось нечто такое, что вновь завладело его вниманием. Он зашел в каюту Джошуа Йорка, чтобы обсудить подробности их маршрута. Йорк сидел за письменным столом и своим изящным ножичком с ручкой из слоновой кости вырезал из газеты какую-то статью. Некоторое время они с Маршем обсуждали предстоящее дело, и Марш уже собирался уходить, когда на глаза ему попался экземпляр «Демократа», лежащий на столе Йорка.

– Сегодня они должны были дать одно из наших рекламных объявлений, – заметил Марш и протянул руку за газетой. – Она тебе больше не нужна, Джошуа?

Йорк, махнув рукой, отдал газету.

– Возьми, если надо.

Эбнер Марш с газетой под мышкой отправился в кают-компанию. Расположившись за столиком, он принялся листать ее, в то время как Саймон готовил для него напиток. Марш был разочарован, потому что не смог обнаружить свое объявление. Но не поместить его не могли; Йорк вырезал статью, напечатанную на оборотной стороне страницы, где размещались сообщения о перевозках. Дыра приходилась как раз по центру. Марш осушил стакан, свернул газету и пошел в корабельную контору.

– У вас есть последний номер «Демократа»? – спросил он у Джефферса. – Боюсь, как бы чертов Блеар не выбросил мое объявление.

– Вот лежит, – ответил Джефферс. – Только вы не правы, ничего он не выбрасывал. Посмотрите на странице, где помещаются сообщения о перевозках.

Точно, там оно и было. В прямоугольной рамочке в центральной колонке с аналогичными объявлениями:

РЕКА ФЕВР

В четверг в Новый Орлеан, штат Луизиана, со всеми основными остановками отправляется замечательный пароход «Грезы Февра». Укомплектованный опытными офицерами и матросами, в пункт назначения он придет в наикратчайший срок. По поводу перевозки груза или приобретения пассажирских билетов обращаться на судно или в контору компании, расположенную в начале Сосновой улицы.

Эбнер Марш, президент

Марш изучил объявление, кивнул и перевернул газету, чтобы полюбопытствовать, что вызвало интерес Джошуа Йорка. Вырезанная статья оказалась перепечаткой из газетенки, выпускаемой в низовьях реки. Там говорилось о каком-то старике с лесного склада, который был найден мертвым в своей хибаре на берегу реки севернее Нового Мадрида. Его обнаружил помощник капитана парохода, причалившего к складу, чтобы пополнить запас дров, после того как на их сигнал никто не откликнулся. Высказывалось два предположения. Согласно одному, причиной смерти были индейцы, согласно второму – волки, так как тело было разорвано на части и наполовину съедено. Других сведений в статье не было.

– Что-то случилось, капитан Марш? – спросил Джефферс. – Вы переменились в лице.

Марш свернул конторский экземпляр «Демократа» и вместе с номером Йорка сунул его под мышку.

– Ничего особенного. Просто в чертовой газете два-три слова напечатали с орфографическими ошибками.

Джефферс улыбнулся:

– Вы уверены? Насколько мне известно, орфография – не ваша стихия, капитан.

– Не смейте подшучивать надо мной, мистер Джефферс, или я выброшу вас за борт, – ответил Марш. – С вашего позволения, я возьму газету.

– Ради бога, – ответил Джефферс, – я уже ознакомился с ней.

Вернувшись в бар, Марш снова перечитал историю о складском стороже. Интересно, зачем Джошуа понадобилось вырезать историю о каком-то старом болване, растерзанном волками? Ответа на вопрос Марш не находил, и это очень беспокоило его. Он поднял глаза и обнаружил на себе отраженный в большом зеркале бака взгляд Саймона. Марш поспешил свернуть газету и засунул ее в карман.

– Дайте мне стаканчик виски, – попросил он.

Марш тут же залпом выпил его и продолжительно крякнул. Горячительный напиток приятным теплом согрел грудь. В голове немного просветлело. В конце концов, не его ума дело, какие газетные истории любит читать Джошуа Йорк. Кроме того, он пообещал не совать нос в дела Йорка, а Эбнер Марш считал себя человеком слова.

Он решительно поставил на стол стакан и вышел из бара. По большой, сужающейся книзу лестнице Марш спустился на основную палубу и бросил обе газеты в темное жерло одной из топок. Подсобные рабочие с удивлением посмотрели на него, но у Марша тотчас отлегло от сердца. Не стоит разжигать недоверие к своему партнеру, особенно если им является такой великодушный и воспитанный человек, как Джошуа Йорк.

– Ну, чего уставились? – рявкнул он чернорабочим. – Или у вас нет работы? А то смотрите, позову Волосатого Майка, он живо найдет, чем вам заняться!

Дело вмиг отыскалось. Эбнер Марш снова поднялся в кают-компанию и заказал себе второй стакан.

На другое утро Марш пошел на Сосновую улицу, в главный офис своей компании, где несколько часов занимался делами. Обедал он в «Доме переселенца» в окружении старых друзей и старых соперников. Чувствовал капитан себя великолепно. Марш много и красноречиво хвастал новым судном, выслушивая, в свою очередь, панегирики Фаррелла и О’Брайена, расточаемые в адрес своих кораблей, но все это было в порядке вещей. В заключение он улыбнулся и сказал:

– Ну что, ребята, даст Бог, свидимся на реке. Вот будет здорово!

Никто и словом не обмолвился о его прежних несчастьях. Потом к столику Марша подошли три разных человека и спросили, не нужен ли ему лоцман для нижнего течения Миссисипи. Словом, он славно провел пару часов.

По дороге на судно Марш случайно наткнулся на пошивочную мастерскую. У ее дверей он замешкался и принялся пощипывать себя за бороду, размышляя над идеей, которая вдруг пришла ему в голову. Потом с улыбкой вошел внутрь и заказал себе новый капитанский мундир. Белый, с двойным рядом серебряных пуговиц, как у Джошуа. В качестве аванса Марш оставил два доллара и договорился, что заберет мундир, когда «Грезы Февра» вернется в Сент-Луис. Уходил он крайне довольный собой.

Речную пристань лихорадило. Партия сухого груза опоздала, и теперь грузчики, обливаясь потом, спешили срочно переправить его на борт парохода. Уайти уже привел в действие паровые котлы. Из выпускных клапанов поднимались высокие белые плюмажи пара, над трубами клубился черный дым. Пароход, стоявший по левому борту от «Грез Февра», под громкие крики отчаливал, выпуская тучи дыма и подавая пронзительные гудки. По правому борту разгружалось крупное заднеколесное судно. Груз укладывали на плавучую пристань – старую, отслужившую свой век лоханку, пришвартованную к берегу.

Вся береговая линия, насколько хватало глаз, в обоих направлениях была забита пароходами. Выше по течению реки стоял, принимая на борт пассажиров, роскошный трехпалубный

«Джон Симондс». Чуть ниже покачивался на водах «Северный Свет» с броским изображением Авроры на гребных кожах – новенький, с иголки, пароход, предназначенный для обслуживания Верхней Миссисипи. На северо-западном маршруте утверждали, что это самое быстрое судно, когда-либо появлявшееся в тех водах. Ниже стоял «Серый орел», потягаться с которым намеревался «Северный Свет». Там же отдыхали «Северянин», и неповоротливый могучий заднеколесный «Сен-Джо», и «Дай Вернон II», и «Натчез».

Марш разглядывал всех их по очереди, всматриваясь в хитроумные приспособления, свешивающиеся с труб, ажурно выполненную резьбу, яркую краску, шипящие струи пара, мощь колесных лопастей. Потом он перевел взгляд на собственный корабль, «Грезы Февра», белый с голубыми и серебряными полосками. Маршу казалось, что его пар поднимается выше, чем у других, гудок приятнее и чище по тону, краска ярче, а колеса – мощнее. И посадка у него выше, чем у остальных судов, за исключением трех-четырех других, и корпус длиннее.

– Мы обставим их всех, – сказал себе Марш и направился к своему детищу.

Глава восьмая

На борту парохода «Грезы Февра»

Река Миссисипи, июль 1857 года

Эбнер Марш отрезал кусок от круга чеддера, аккуратно взгромоздил его на оставшуюся часть яблочного пирога и быстрым движением большой красной руки наколот все это на вилку. Рыгнув, вытер салфеткой рот, стряхнул с бороды несколько застрявших в ней крошек и с улыбкой откинулся на спинку стула.

– Пирог хорош? – спросил Марша Джошуа Йорк, сидевший рядом с бокалом бренди в руке.

– Другого Тоби не готовит, – ответил Марш. – Тебе следовало бы отведать кусочек. – С этими словами он встал из-за стола. – Ладно, допивай, Джошуа, нам пора.

– Пора?

– Ты же хотел изучать реку, забыл? Вряд ли ты сможешь этому научиться, расслабившись за столом.

Йорк допил бренди, и вдвоем они прошли на капитанский мостик. Вахтенным был Карл Фрамм. Сам он развалился на диване и, пуская клубы дыма, курил трубку, а за штурвалом стоял его воспитанник, высокий парень с прямыми светлыми волосами, свисающими до плеч.

– Капитан Марш, – произнес он, кивая. – А вы, должно быть, загадочный капитан Йорк. Рад встрече с вами. Раньше мне не доводилось ходить на пароходе с двумя капитанами сразу. – Он широко улыбнулся, блеснув золотым зубом. – На этом судне почти столько же капитанов, сколько у меня жен. Конечно, удивляться нечему, здесь больше паровых котлов, больше зеркал и серебра, чем на любом другом корабле, так что и капитанов здесь должно быть больше, как я полагаю. – Худощавый лоцман подался вперед и выбил пепел из трубки в топку большой железной печки. Она была холодной и темной, ночи стояли жаркие и душливые. – Чем могу помочь, джентльмены?

– Мы хотим узнать эту реку, – сказал Марш.

У Фрамма брови поползли вверх:

– Узнать реку? У меня уже здесь есть один воспитанник, правильно я говорю, Джоди?

– Так точно, мистер Фрамм.

Фрамм улыбнулся и подернул плечами:

– Сейчас я обучаю Джоди, все уже устроено. Из своих первых заработков после получения лицензии и вступления в ассоциацию он отдаст мне шестьсот долларов. Я согласился помочь ему за такие ничтожные деньги только потому, что знаю его семью. Не могу сказать, что знаком с вашими семьями, но не могу и отказать вам.

Джошуа Йорк расстегнул пуговицы своего темно-серого жилета, под которым оказался пояс с деньгами. Он достал оттуда золотую монету достоинством в двадцать долларов и положил на плиту. На черном фоне железа золото мягко поблескивало.

– Двадцать, – произнес Йорк. Сверху он положил вторую монету. – Сорок, – сказал он. Потом третью. – Шестидесят.

Когда цифра достигла трех сотен, Йорк застегнул жилет.

– Боюсь, что больше денег у меня с собой нет, мистер Фрамм, хотя уверяю вас, что средства к существованию у меня имеются. Давайте условимся: семь сотен вам и столько же мистеру Олбрайту, если вы оба согласитесь обучить меня основам управления судном, а также освежить знания капитана Марша, чтобы он сам мог стать к штурвалу собственного корабля. Плачу сейчас же, а не в далеком будущем. Идет?

На взгляд Марша, Фрамм очень уж спокойно отнесся к сказанному. Некоторое время он задумчиво продолжал посасывать трубку, словно раздумывал над предложением, наконец протянул руку и подгреб стопку золотых монет.

– Я не могу говорить за мистера Олбрайта, однако что касается меня самого, то я всегда любил цвет золота. Берусь обучить вас. Что скажете, если я попрошу вас прийти завтра днем, когда начнется моя вахта?

– Капитана Марша это вполне устроит, – ответил Йорк, – но я предпочитаю начать урок прямо сейчас.

Фрамм огляделся по сторонам.

– Черт, вы что, не видите? Сейчас же ночь. Джоди я учу уже почти год, но только месяц назад я разрешил ему вести судно ночью. Управлять судном в ночное время всегда трудно. Нет. – Голос его прозвучал твердо. – Сначала я буду учить вас днем, чтобы человек мог видеть, куда движется судно.

– Я буду учиться ночью. У меня иной, чем у других, распорядок дня, мистер Фрамм. Не беспокойтесь. У меня отличное ночное зрение, думаю, гораздо лучше, чем у вас.

Лоцман встал, подошел к штурвалу и взял управление на себя.

– Иди вниз, Джоди, – сказал он юнцу. Когда парень ушел, Фрамм заметил: – Нет такого человека, который бы настолько хорошо видел, чтобы мог в темноте рассмотреть тяжелый утенок реки. – Он стоял к ним спиной, внимательно вглядываясь в черные, с бликами звезд воды. Далеко впереди виднелись далекие огни другого парохода. – Сегодня еще ясная выдалась ночь, нет облаков, и светит половина луны, видимость на реке хорошая.

Но, – продолжал Фрамм, – так бывает не всегда. Иногда нет луны, иногда все закрывают тучи, тогда так темно, что не видно ни зги. Берега окутывает непроглядный мрак, и ты не знаешь, где они. А если не видишь берега, то ничего не стоит в него врезаться. Порой на воде лежат тени, и ты думаешь, что это твердая земля, но нужно знать наверняка, что это не мель, иначе полночи потратишь на бегство от иллюзорных отмелей. Как вы думаете, откуда лоцману обо всем этом известно, капитан Йорк? – Фрамм не дал ему возможности ответить. Он постучал себя по виску: – Вот откуда. Лоцман все это держит в памяти. Видишь эту проклятую реку днем и все запоминаешь, каждый ее фут, каждый изгиб, каждый домишко на берегу, каждый лесной склад, глубокие и мелкие места, с которыми приходится сталкиваться. Управляешь пароходом на основании того, что знаешь, капитан Йорк, а не того, что видишь. Но прежде чем ты что-то узнаешь, это нужно увидеть. Ночью же толком ничего не разглядишь.

– Это действительно так, Джошуа, – подтвердил сказанное Эбнер Марш и опустил руку на плечо Йорка.

Тогда Йорк спокойно произнес:

– Корабль впереди нас – это большеколенное судно с чем-то похожим на разукрашенную букву «К» между трубами и рулевой рубкой с куполообразной крышей. В настоящий момент оно проходит мимо дровяного склада. Там старая прогнившая пристань, на краю которой сидит мулат и смотрит на реку.

Марш отошел от Йорка, приблизился к окну и, прищурясь, попытался что-либо разглядеть. Второе судно находилось далеко впереди. Он мог только разглядеть, что это большеколенное судно, но то, что находилось между трубами... черные на черном фоне неба трубы практически не выделялись, Марш едва видел их благодаря вырывающимся снопам искр.

– Черт, – только и сказал он.

Фрамм с удивлением посмотрел на Йорка.

– Я и половины того не вижу, – заметил лоцман, – однако не сомневаюсь, что вы правы.

Несколько минут спустя «Грезы Февра» миновал дровяной склад и сидящего на причале цветного старика. Все в точности соответствовало описанию Йорка.

– Он курит трубку, – с усмешкой сказал Фрамм, – вы это упустили.

– Прошу прощения, – извинился Джошуа Йорк.

– Так, – задумчиво произнес Фрамм. – Так, – снова повторил он, посасывая свою трубку и глядя прямо перед собой. – Вы и в самом деле просто отлично видите ночью, должен признать. Но я все же не уверен. В ясную ночь рассмотреть на берегу лесной склад не так уж сложно. Увидеть старого мулата, конечно, намного труднее, при том, что они сливаются с фоном. Все же это одно, а река – совсем другое. Есть множество деталей, которые лоцман должен видеть, а, скажем, пассажир даже не обратит на них внимания. Как цвет воды, когда под ней прячется коряга или отмель. Старые высохшие деревья скажут вам о состоянии реки на многие мили вперед. А как отличить настоящий риф от обманного? Нужно научиться читать реку, словно это книга, где словами служат всего лишь легкая рябь и водовороты, но иногда и этого нет, или они почти незаметны, тогда приходится полагаться на свою память о том, что ты видел на этой странице в последний раз. Вы же не станете пытаться читать книгу в крошечной темноте, правда?

Однако Йорк не обратил на это внимания.

– Рябь на воде я вижу ничуть не хуже, чем видел дровяной склад. Мне нужно только знать, на что смотреть. Мистер Фрамм, если вы не можете научить меня читать реку, то я найду другого лоцмана, кто сможет. Хочу напомнить вам, что хозяин и господин на «Грезах Февра» – я.

Фрамм снова обвел всех взглядом, на этот раз хмурым.

– Ночью больше работы. Если хотите учиться ночью, это будет стоить вам восемь сотен. Лицо Йорка расплылось в улыбке.

– По рукам, – сказал он. – А теперь начнем.

Карл Фрамм сдвинул свою мягкую фетровую шляпу назад, пока она не оказалась на затылке, и издал протяжный вздох, как человек, которого в неурочный час заставили тяжело трудиться.

– Хорошо, в конце концов, деньги ваши. И ваша лодка. Только не тревожьте меня, если повредите ей брюхо. А теперь слушайте. Река от Сент-Луиса и до Каира течет практически прямо. Потом вливается Огайо. Но знать ее нужно хорошо. Этот участок реки иногда называют кладбищем, потому что немало судов пошло тут ко дну. Кое-где можно видеть торчащие из воды трубы. Когда вода низкая, можно даже увидеть в песке их останки, то, что осталось ниже ватерлинии. Лучше знать, где и что покоится, иначе следующим лоцманам придется запоминать, где покоится вы. Нужно научиться запоминать важные для себя детали, а также научиться управлять пароходом. Станьте вот здесь и возьмите в руки штурвал, почувствуйте судно. Сейчас до дна не достать даже колокольной, так что можно быть смелее. – Йорк и Фрамм поменялись местами. – Первой остановкой после Сент-Луиса... – начал Фрамм.

Эбнер Марш сидел на диване и слушал наставления лоцмана. Он рассказывал то о приметах, то о премудростях управления судном, то перескакивал на пространные истории о пароходах, похороненных на «кладбище».

Йорк молча впитывал в себя услышанное. Похоже, что принцип вождения судна он освоил довольно быстро. Каждый раз, когда Фрамм останавливался и просил его повторить тот или иной кусок сказанного, Джошуа с неизменным успехом справлялся с задачей.

Наконец, когда они нагнали и обошли большеколесный пароход, плывший впереди них, Марш поймал себя на том, что зевает. Но ночь стояла такая ясная и свежая, что ему не хотелось идти спать. Он спустился к тендеру палубной надстройки, откуда вернулся с кофейником горячего кофе и тарелкой пирожных. Карл Фрамм как раз обводил судно вокруг останков «Дреннона Уайта», погибшего выше Натчеза в 1850 году с сокровищами на борту. «Эвемонд» попытался поднять его, но из-за возникшего пожара тоже пошел ко дну. В 1851 году в поисках сокровищ пришел спасательный пароход «Эллен Адамс», однако сел на мель и полузатонул.

– Все дело в том, что сокровище проклято, – говорил Фрамм. – Либо так, либо старый речной дьявол не желает расставаться с ним.

Марш улыбнулся и налил кофе.

– Джошуа, – заметил он. – Эта история вполне правдива, только не вздумай верить всему, что он тебе тут наплетет. Этот человек – самый знаменитый лжец на реке.

– Почему, капитан? – ухмыляясь, спросил Фрамм. Он снова повернулся к реке. – Видите ту старую хибару с покосившимся крыльцом? Неплохо было бы запомнить ее...

Фрамма снова понесло. Прошло по меньшей мере двадцать минут, прежде чем он смог прервать повествование о «Э. Дженкинс», пароходе длиной в тридцать миль с шарнирами посередине, чтобы он мог выполнять на реке повороты. Услышав это, даже Джошуа Йорк смерил лощмана недоверчивым взглядом.

Марш окончательно ушел спустя час после того, как съел последнее пирожное. Фрамм довольно забавен, но свои уроки он будет брать днем, когда хорошо сможет различать приметы, о которых говорит лощман.

Когда Марш проснулся, было утро и пароход стоял на пристани Мыса Жирардо, где брал на борт предназначенное для отправки зерно. Как ему стало известно, Фрамм решил пришвартоваться там на ночь, когда их обступил густой туман. Мыс Жирардо, располагавшийся высоко на отвесных берегах, находился в 150 милях от Сент-Луиса вниз по течению реки. Марш произвел кое-какие расчеты и остался доволен. Рекорд они не побили, но результат показали хороший.

Не прошло и часа, как «Грезы Февра» снова шел вниз по реке. Высоко над головой палило нещадное июльское солнце, в тяжелом влажном воздухе кружили тучи мошкар. На палубной надстройке было прохладно и спокойно.

Останавливался пароход часто. Требовалось держать пар в восемнадцати больших паровых котлах, поэтому пароход постоянно нуждался в топливе. Дрова в дороге не представляли проблемы. Дровяные склады встречались по обе стороны реки на каждом шагу. Как только запасы топлива на борту снижались, помощник капитана подавал сигнал рулевому, и они причаливали к маленькой хижине, окруженной высокими поленицами бука, дуба или каштана. На берег спускались Марш или Джонатан Джефферс и заключали сделку с управляющим. Потом по их сигналу берег наводняли подсобные рабочие и перетаскивали дрова на борт. В мгновение ока все заканчивалось, и пароход отчаливал. Пассажирам первого и второго класса нравилось наблюдать за тем, как проходят операции по пополнению запаса топлива. Они собирались на бойлерной палубе и с удовольствием глазели. При этом пассажиры третьего класса всегда путались под ногами.

Делали они остановки также и во всевозможных городишках, попадавшихся на пути, вызывая тем самым неминуемые восторги горожан. Однажды причалили у неизвестного пункта и высадили одного пассажира, потом на частной пристани взяли нового. Около полудня подобрали помахавшую им с берега неизвестную женщину с ребенком. В четыре часа дня судно замедлило ход, чтобы принять на борт трех людей, подплывших к «Грезам Февра» в утлой лодчонке. В тот день пройденное пароходом расстояние оказалось небольшим. Когда клонившееся к западу солнце окрасило широкие воды реки в багровые цвета, вдали показался Каир. Дэн Олбрайт решил пристать к берегу и остаться на причале до утра.

Южнее Каира в Миссисипи вливались воды Огайо, и обе реки представляли собой любопытное зрелище. Сливаются они не сразу, а некоторое время следуют одна подле другой; чистые голубые воды Огайо яркой лентой выются вдоль восточного берега Миссисипи с ее грязно-бурыми водами. Кроме того, в этом месте нижнее русло реки вдруг меняет характер. От Каира до Нового Орлеана и залива расстояние составляет около ста десяти миль. На своем пути туда река извивается и петляет, словно змея, изменяя направление по собственному усмотрению. Воды ее пробиваются через мягкий грунт порой совершенно непредсказуемо,

оставляя зачастую сухими доки и причалы либо затопляя целые города. Лоцманы утверждали, что здесь она никогда не бывает одинаковой два раза подряд.

Верховья Миссисипи, где родился, вырос и научился своей профессии Эбнер Марш, казались совершенно иной рекой. Там воды, заключенные между высоких скалистых берегов, текли прямо и спокойно. Марш долгое время стоял на штормовом мостике, вбирая в себя проплывающий мимо ландшафт, и старался почувствовать, чем он отличается от того, который окружал его ранее, и какое будущее ожидает его. Верхнее русло реки он сменил на нижнее и вступил, как ему казалось, в новый этап жизни.

В скором времени, когда Марш, сидя в конторе парохода, разделял с Джефферсом его трапезу, он услышал, как трижды ударили склянки. Сигнал свидетельствовал о том, что пароход собирается причалить к берегу.

Марш нахмурился и выглянул из окна конторы Джефферса. Но ничего, кроме густо поросших лесом берегов, он не увидел.

– Интересно, почему мы причаливаем? – произнес Марш. – Следующая остановка – Новый Мадрид. Может быть, я не слишком хорошо знаю эту часть реки, но готов поклясться, что это не Новый Мадрид.

Джефферс пожал плечами:

– Вероятно, нам подали сигнал.

Марш извинился и отправился на капитанский мостик. За штурвалом стоял Дэн Олбрайт.

– Нам что, подали сигнал? – поинтересовался Марш.

– Нет, сэр, – ответил Олбрайт. Говорливостью он не отличался и, отвечая на вопрос, всегда давал лаконичный ответ.

– Что это за место?

– Дровяной склад, капитан.

Тут Марш увидел, что впереди, на западном берегу, действительно стоит лесной склад.

– Мистер Олбрайт, если я не ошибаюсь, не прошло и часа, как мы пополнили запас топлива. Не могли же мы так быстро израсходовать все дрова? Это Волосатый Майк отдал приказ остановиться? – Подавать сигнал о заправке топливом входило в обязанности помощника капитана.

– Нет, сэр. Приказ капитана Йорка. Мне передали, чтобы я остановился у этого склада в любом случае, независимо от того, будем ли мы нуждаться в пополнении запаса дров. – Олбрайт обернулся. Это был аккуратный парень невысокого роста с редкими темными усами. На шее повязан красный шелковый галстук, на ногах кожаные лакированные сапоги. – Не хотите ли вы отдать приказ, чтобы я прошел мимо?

– Нет, – поспешно ответил Эбнер Марш. Конечно, Йорк мог бы и предупредить его, но, согласно их договору, Джошуа Йорк имел право отдавать причудливые приказы. – Вы знаете, как долго мы собираемся простоять здесь?

– Я слышал, что у Йорка на берегу какое-то дело.

Если дотемна он не проснется, значит, пароход простоят весь день.

– Черт! Как же расписание? Пассажиры замучают нас бесконечными вопросами. – Марш нахмурился: – Ладно, все равно нет выбора. Раз уж мы здесь, нужно пополнить запас дров. Пойду и распоряжусь на этот счет.

О покупке топлива Марш договорился с управляющим складом, стройным чернокожим парнишкой в тонкой ситцевой рубашке. Парень оказался не слишком силен в заключении сделок. Маршу удалось купить у него бук по цене древесины тополя, а также заставить подбросить несколько вязанок сосны. Когда подсобники и матросы судна принялись грузить дрова, Марш приблизился к мулату и, улыбнувшись, напрямик спросил его:

– Ты ведь здесь новичок, не так ли?

Мальчишка кивнул:

– Ясное дело, капитан. – Марш уже собирался подняться на борт парохода, но слова юнца остановили его. – Я здесь всего неделю, капитан. Белого человека, который работал до меня, сожрали волки.

Марш долгим взглядом посмотрел на парня.

– До Нового Мадрида мили две, верно, парень?

– Так точно, капитан.

Когда Эбнер Марш вернулся на судно, он чувствовал себя очень взволнованным. Проклятый Джошуа Йорк! Что задумал этот тип, и почему они должны терять целый день на каком-то дурацком дровяном складе? У Марша внутри все кипело, и он уже собирался броситься к каюте Йорка и серьезно поговорить с ним, однако, хорошо все взвесив, изменил решение. Марш вынужден был себе напомнить, что, в конце концов, это его не касается. Ему не оставалось ничего другого, как ждать.

Время ползло медленно, а «Грезы Февра» неподвижно стоял на якоре у богом забытого дровяного склада. Мимо, вниз по реке, к великому разочарованию Эбнера Марша, проходили другие пароходы. Не меньшее их количество прошло также вверх. Короткая ночная схватка между двумя пассажирами третьего класса, когда в ход были пущены ножи, но в которой, к счастью, никто не пострадал, также стала причиной дневного возбуждения.

Большинство пассажиров парохода и члены команды прохлаждались на палубах судна. Кто сидел на затененных тентах шезлонгах, кто курил; кто-то перекусывал, кто-то спорил о политике. Джефферс и Олбрайт играли в рулевой рубке в шахматы. Фрамм в кают-компании травил байки. Некоторые дамы предлагали устроить танцы. Нетерпение Эбнера Марша нарастало с каждым часом.

В сумерках Марш сидел в портике палубной надстройки и, отгоняя назойливых мошек, пил кофе, когда, случайно взглянув на берег, увидел, что Джошуа Йорк покидает судно. С ним шел Саймон. Они на короткое время остановились возле хижины мальчишки-управляющего и о чем-то переговорили с ним. После чего по изрытой колеями дороге направились в лес и вскоре исчезли из виду.

– Вот здорово, – произнес Марш, приподнимаясь с места. – Ни тебе здрасьте, ни тебе до свидания. – Он нахмурился: – Даже не поужинав.

Время шло, пассажиры и команда начали беспокоиться. В баре собралось много желающих выпить. Кое-кто из переселенцев затеял игру в кости, другие принялись петь, а один молодой человек в твердом воротничке получил удар тростью за то, что призывал к запрещению рабства.

Около полуночи вернулся Саймон, один. Эбнер Марш находился в кают-компании, когда его тронул за плечо Волосатый Майк; Марш распорядился, чтобы о возвращении Йорка его известили немедленно.

– Пусть матросы поднимаются на борт, и скажи Уайти, чтобы разводил пары, – велел он своему помощнику, – нам нужно наверстывать время. – После этого Марш отправился повидаться с Йорком, но того на месте не оказалось.

– Джошуа хочет, чтобы мы продолжали путь, – сообщил Саймон. – Он отправится по суше и встретится с нами в Новом Мадриде.

Как ни старался, выудить что-либо еще Маршу не удалось. Саймон, уставившись на Марша своими холодными маленькими глазками, повторил сообщение. «Грезы Февра» должен дожидаться Йорка в Новом Мадриде.

Плавание на полных парах до нового Мадрида было коротким и приятным. Город оказался всего в нескольких милях от дровяного склада, где они простояли весь день. Когда в ночи они тронулись в путь, Марш без малейшего сожаления расстался с забытым богом местом.

В Новом Мадриде они потеряли почти полных два дня.

– Его нет в живых, – заключил Джонатан Джефферс после того, как они провели на причале более полутора суток.

В Новом Мадриде хватало гостиниц, бильярдных, церквей и всевозможных увеселительных заведений, поэтому пребывание там не показалось слишком утомительным. Тем не менее всем и каждому не терпелось поскорее отчалить. Человек пять пассажиров, недовольных отсрочкой в такую ясную погоду, когда пароход был в полном порядке и ситуация на реке тоже, подошли к Маршу и потребовали вернуть деньги за проезд. Им с возмущением отказали, но Марш всерьез обеспокоился и принялся вслух недоумевать, куда подевался Джошуа Йорк.

– Нет, Йорк жив, – сказал Марш. – Я не могу сказать, что с ним ничего не случилось, но он жив.

Глядя на него сквозь стекла очков, Джефферс недоуменно приподнял брови:

– Откуда у вас такая уверенность, капитан? Один, пешком, он отправился ночью через лес. Там полно всяких бродяг, да и звери тоже водятся. В окрестностях Нового Мадрида, как мне известно, в последнее время случилась не одна насильственная смерть.

Марш долгим взглядом посмотрел на него.

– О чем это вы? Откуда вы знаете?

– Читаю газеты, – пояснил Джефферс.

Лицо Марша помрачнело.

– Ну и что, не важно. Йорк жив. Я это знаю, мистер Джефферс. Я точно это знаю.

– Что же тогда, заблудился? – с холодной улыбкой полюбопытствовал письмоводитель. – Может быть, стоит организовать группу спасателей и отправиться на поиски, капитан?

– Я подумаю, – сказал Эбнер Марш.

Впрочем, это оказалось излишним. В ту ночь, час спустя после захода солнца, размашисто шагая, на причале появился Джошуа Йорк. С виду он вовсе не походил на человека, который в одиночестве провел в лесу два дня. Его сапоги и брюки были в пыли, но в целом костюм выглядел таким же элегантным, как в ту ночь, когда Йорк покинул судно. Он поднялся по сходням и, увидев Джека Эли, второго механика, приветливо улыбнулся.

– Найдите Уайти и скажите, что я распорядился разводить пары, – сказал он Эли, – мы отходим.

Прежде чем кто-либо успел его о чем-нибудь спросить, Йорк уже поднимался по большой лестнице.

Марш, несмотря на то что был зол и страшно беспокоился, с облегчением вздохнул, узнав, что Джошуа вернулся.

– Позвоните в этот чертов колокол, чтобы все, кто на берегу, знали, что мы отходим, – сказал он Волосатому Майку. – Я хочу отправиться в путь как можно быстрее.

Йорк находился у себя в каюте и над тазиком, стоявшим на комод, мыл руки.

– Эбнер, – вежливо произнес он, как только после короткого громоподобного стука к нему ворвался Марш. – Как ты думаешь, могу я побеспокоить Тоби на предмет позднего ужина?

– Это я побеспокою тебя вопросом, почему мы потеряли столько времени? – спросил Марш. – Черт возьми, Джошуа. Я помню, ты предупреждал, что порой ведешь себя странно, но целых два дня!.. Должен сказать, что в грузо-пассажирской компании так дела не делаются.

Йорк тщательно высушил полотенцем свои бледные руки с длинными пальцами и повернулся к партнеру:

– Это было важно, более того, могу сказать, что такое может повториться снова. Тебе придется привыкнуть к моему поведению, Эбнер. Прими меры, чтобы мне не задавали вопросов.

– У нас на борту груз, который требуется доставить вовремя, и пассажиры, которые заплатили за проезд, а не за отдых на дровяном складе. Что, по-твоему, должен я им сказать, Джошуа?

– Что хочешь, ты достаточно изобретателен, Эбнер. Я обеспечиваю наше предприятие деньгами, а ты позаботься об объяснениях. – Тон Йорка был дружелюбным, но твердым. – Если тебя это успокоит, то знай, первое путешествие будет самым трудным. В будущем загадочных отлучек станет меньше, возможно, их не будет вовсе. Я не помешаю тебе установить твой рекорд. – Он улыбнулся: – Приятель, возьми себя в руки, не иди на поводу у нетерпения. Мы своевременно прибудем в Новый Орлеан, и тогда все станет намного проще. Тебя это устроит, Эбнер? Эбнер? Что-то случилось?

Эбнер Марш прищурился, он едва слышал то, что говорил ему Йорк. Должно быть, его лицо приняло странное выражение, решил он.

– Нет, – спохватился капитан, – эти два потерянных дня, и ничего больше. Но ладно, не имеет значения. Пусть будет по-твоему, Джошуа.

Йорк, по-видимому удовлетворенный, кивнул:

– Я собираюсь переодеться и побеспокоить Тоби относительно ужина, а потом поднимусь на капитанский мостик и пойду на урок судовождения. Хочу узнать реку. Кто сегодня стоит на вахте?

– Мистер Фрамм, – сказал Марш.

– Хорошо, – заметил Йорк. – С Карлом очень интересно.

– Это точно, – согласился Марш. – Прости меня, Джошуа. Мне нужно спуститься вниз и проверить, чтобы все шло, как нужно, если мы собираемся сегодня отчалить. – Он резко повернулся и вышел из каюты.

Оказавшись снаружи, в душной знойной ночи, Эбнер Марш тяжело оперся на трость и устремил взгляд в усыпанное звездной крошкой небо, стараясь вызвать в памяти то, что, как ему казалось, он увидел в каюте.

Если бы только он видел лучше или хотя бы в каюте Йорка горело две лампы... Если бы только он осмелился подойти поближе... Разобрать что-либо на комодке было трудно. Но увиденное никак не шло у Марша из головы. Ткань, о которую Йорк вытирал руки, была в пятнах. Темных пятнах. Красноватого цвета.

И выглядели они слишком похожими на кровь.

Глава девятая

На борту парохода «Грезы Февра»

Река Миссисипи, август 1857 года

Один за другим ползли однообразные дни. Пароход продолжал идти вниз по Миссисипи.

Путь из Сент-Луиса до Нового Орлеана и обратно даже с промежуточными остановками для взятия груза и по случаю плохой погоды, которых в сумме набиралось до недели, быстроходный пароход проходил за двадцать восемь дней или около этого. Но с той скоростью, с которой передвигался «Грезы Февра», чтобы достичь Нового Орлеана, ему требовалось не меньше месяца.

Эбнеру Маршу казалось, что все – Джошуа Йорк, погода и река – все сговорились, чтобы сдерживать его. Над водой вот уже два дня висел густой, плотный, как грязный хлопок, серый туман. Дэн Олбрайт пробивался сквозь него около шести часов. Он осторожно вел судно в плотной колеблющейся завесе, нехотя развевавшейся перед носом судна.

Марш нервничал. Будь это в его власти, он предпочел бы не рисковать судном, а поставить «Грезы Февра» на причале и переждать, пока туман рассеется. Но на корабле имелся лоцман. Именно лоцман, а не капитан принимает решения в такие минуты. А Олбрайт требовал идти вперед. Наконец, когда туман лег слишком плотной пеленой даже для него, они полтора дня потеряли на пристани близ Мемфиса. Ничего не оставалось, как смотреть на коричневые воды, бьющие у борта, да слушать в тумане неясные всплески. Однажды мимо прошел плот с разожженным на нем костром. С плота что-то кричали, но до судна долетали только неясные, приглушенные туманом звуки, а вскоре река поглотила и плот, и крики.

Когда наконец туман поредел настолько, что Карл Фрамм решил снова отправиться в путь, они прошли менее часа – и врезались в песчаную отмель! Произошло это, когда Фрамм, чтобы срезать путь и сэкономить немного времени, попробовал пройти излучиной реки. Палубные матросы, пожарные и рабочие тотчас высыпали на берег. Под командованием Волосатого Майка они сняли пароход с мели, но работа эта заняла более трех часов.

Корабль пополз еще медленнее – впереди на ялике, проверяя глубину, шел Олбрайт. Наконец излучину миновали и вышли на чистую воду, однако на этом беды не закончились. Три дня спустя разразилась гроза, и пароходу не раз и не два приходилось идти длинным путем, обходя топляк и мелководье стремнин и излучин. Скорость порой, когда они следовали за яликом со свободным от вахты лоцманом, измеряющим глубину, падала до такой степени, что колеса еле ворочались. Вместе с лоцманом в ялике сидел один из офицеров и кто-то из команды. Они бросали лот и выкрикивали результаты замеров: «полтора», или «без четверти три», или «отметка три».

Ночи, если не было тумана, стояли черные, непроглядные; пароход двигался с большой осторожностью. Скорость приходилось держать не более четверти крейсерской, а то и меньше. При этом в рулевой рубке не разрешалось курить, и все окна и иллюминаторы внизу были плотно завешены, чтобы от корабля не было отблесков на воде и рулевой мог видеть реку.

В такие ночи берега казались угольно-черными и пустынными. Они проплывали мимо, как безмолвные, неподвижные трупы. Иногда берега отклонялись то в одну сторону, то в другую, и невозможно было сказать, где кончается глубокая вода и начинается берег. Река текла черная, будто смертный грех. Ни луна, ни звезды не отражались в ее смоляных водах.

Но Олбрайт и Фрамм, при всей их непохожести, были первоклассными лоцманами и продолжали вести «Грезы Февра», даже когда передвижение казалось невозможным. В моменты, когда пароход застывал неподвижно у какого-нибудь причала, на реке не наблюдалось никакого движения, если не считать плотов и бревен, а также отдельных плоскодонок и мелких пароходиков, которые почти не имели осадки.

Джошуа Йорк каждую ночь проводил на капитанском мостике и отстаивал свою вахту как примерный юнга.

– Я сразу сказал ему, что ночи, подобные этим, не годятся для учебы, – сказал как-то Фрамм Маршу за обедом. – Я же не могу показывать ему приметы, которые сам толком не вижу, правда? Но, должен признаться, этот человек ночью видит как филин. Встречаться с такими мне еще не доводилось. Бывают времена, когда мне кажется, что он видит сквозь воду, и для него не важно, темно или нет. Я держу его подле себя и называю приметы; в девяти случаях из десяти он замечает их раньше меня. Прошлой ночью на половине вахты я решил, что пристану к берегу, и дело с концом. Я бы так и сделал, если бы не Джошуа.

Но Йорк продолжал задерживать судно. Согласно его приказу пароход причаливал к берегу еще шесть раз, в Гринвилле и двух небольших городишках, потом на частном причале в Теннесси и дважды на лесных складах. В Мемфисе у Йорка не было никаких дел на берегу, но в других местах он невыносимо растягивал их остановки. Когда они пристали к берегу в Хелене, Йорк ушел на всю ночь, в Наполеоне он продержал их три дня. Пропадал он неизвестно где и неизвестно чем занимаясь вдвоем с Саймоном. В Виксбурге вышло и того хуже: пришлось простоять без дела четыре ночи, пока Джошуа Йорк наконец не вернулся на «Грезы Февра».

Когда они отчаливали из порта Мемфиса, закат был особенно красивым. Редкая дымка, подернувшая реку, окрасилась в оранжевые тона, а облака на западе стали насыщенного зловеще-красного цвета, в то время как небо алело, словно охваченное пламенем. Но Эбнер Марш, стоявший в одиночестве на палубной надстройке, не смотрел по сторонам, его взгляд был сосредоточен на реке. Расстилавшееся перед ними водное пространство было спокойным. Кое-где ветер слегка морщил речную поверхность, да у корней старых поваленных деревьев, торчащих из берега, течение реки завихрялось, но в основном старый дьявол пребывал в благодушном настроении.

Когда солнце начало цепляться за горизонт, грязная вода приобрела красноватый оттенок. Красный отблеск разрастался, расплываясь по всей поверхности воды, и темнел. Вскоре стало чудиться, что «Грезы Февра» плывет по кровавой реке. Когда солнце скрылось за деревьями и облаками, вода медленно начала буреть, как это случается с кровью, когда она высыхает. Наконец река приобрела черный, чернильно-черный цвет, черный, как могила. Марш наблюдал, как исчезли последние алые водовороты. В ту ночь звезд на небе не было. Ужинать он спустился с мыслями о крови.

С тех пор как вышли они из Нового Мадрида, прошло уже несколько дней. Марш много размышлял о том, что увидел или чего не увидел в каюте Джошуа Йорка. Конечно, до конца капитан не был уверен в том, что действительно что-то видел. Кроме того, даже если это ему не показалось, что из того? В конце концов, в лесу Джошуа мог порезаться... хотя на другую ночь Марш внимательно осмотрел руки Йорка и следов пореза или царапин не обнаружил. Может, он убил какое-то животное... или защищался от грабителей... На ум приходил не один десяток причин, но все они ничего не стоили перед фактом молчания Джошуа. Если Йорку нечего скрывать, то к чему ему окружать себя таким покровом таинственности?

Маршу доводилось видеть кровь и раньше, на его глазах ее пролилось немало: кулачные и собачьи бои, дуэли на шпагах и револьверах. Река протекала по стране, где пышным цветом процветало рабство, и кровь чернокожих тоже текла рекой. В свободных штатах ситуация складывалась ничуть не лучше.

Некоторое время Марш провел в истекающем кровью Канзасе, где видел предостаточно обгоревших и убитых людей, а в молодости служил в ополчении Иллинойса и принимал участие в сражениях против Черного Ястреба. До сих пор Маршу порой снился сон о нападении Страшного Топора, как они порубили людей Черного Ястреба, женщин и детей, когда те пытались спастись, переправившись на западный, безопасный берег Миссисипи... То был кровавый

день, но избежать его было нельзя, так как Черный Ястреб разбойничал в Иллинойсе, совершая набеги на города и селения.

Кровь же, которая могла запачкать руки Йорка, была другого свойства. Эта мысль не давала Маршу покоя ни днем, ни ночью.

Все же он постоянно напоминал себе о том, что заключил сделку. Сделка для Эбнера Марша всегда была сделкой – человек обязан соблюдать условия договора независимо от того, нравятся они ему или нет. Договор, с кем бы он ни был заключен, со святошей ли, с жуликом ли, хоть с самим дьяволом, всегда остается договором. Марш вспомнил, что Джошуа Йорк как-то обмолвился: мол, у него есть враги, а с врагами человек волен поступать, как ему вздумается. С Маршем Йорк был достаточно честен.

Придя к такому заключению, Марш постарался выбросить из головы смущавшие его мысли.

Но окрашенная вечерней зарей Миссисипи превратилась в кровь, и сны Марша тоже стали кровавыми. Настроение на борту парохода становилось все более тоскливым и мрачным. Один из кочегаров по собственной неосмотрительности обварился паром, и в Наполеоне его пришлось высадить на берег. В Висксбурге с корабля сбежал подсобный рабочий – с его стороны достаточно глупо, поскольку штат относился к числу рабовладельческих, а сбежавший был цветным. Среди пассажиров третьего класса время от времени возникали потасовки. По мнению Джефферса, причиной явилось отсутствие занятий и душливая сырая погода августа. Волосатый Майк соглашался с ним, говоря, что нищета в подобную жару всегда склонна к сумасбродству. Но Эбнеру Маршу казалось, что они просто несут свое наказание.

Позади остались Миссури и Теннесси. Мимо проплывали города и городишки, дровяные склады и плантации, недели мучительно растягивались. Из-за медлительности Йорка они теряли пассажиров и груз.

Марш посещал салоны и постоянные дворы, популярные среди речников; там ему пришлось услышать немало нелюбезных сплетен о своем пароходе. Несмотря на количество установленных на его борту паровых котлов, он настолько велик и неповоротлив, слышал Марш как-то раз, что не способен развивать приличную скорость. Согласно другим слухам, у них барахлила паровая машина и котлы могли в любой момент взорваться. Эти слухи были самыми опасными, поскольку на реке и пассажиры, и команда больше всего опасались именно взрыва.

Один речник из Нового Орлеана в Висксбурге сказал Маршу, что «Грезы Февра» производит вполне приятное впечатление, однако его капитан ни на что не годится, так как доселе ходил только в верхнем русле Миссисипи и боится раскочегарить пароход во всю его мощь. Марш тогда едва не проломил ему голову. Сплетничали не только о нем, но и о Йорке и его друзьях, об их странном поведении. «Грезы Февра» начинали приобретать репутацию – к несчастью, не такую, о какой мечталось Эбнеру Маршу.

К тому времени, когда они достигли Натчеза, терпение Марша истощилось.

Когда город впервые замаячил на горизонте, день клонился к закату и кое-где уже зажглись фонари. С запада тянулись длинные тени. Если бы не изнурительная жара, день можно было бы назвать прекрасным. Впервые после Каира они показали приличное время. Река отливала золотом, и блики солнца на воде одевали ее в сверкающий наряд, нестерпимо яркий и легкий, меняющий свой узор при каждом дуновении ветерка.

После обеда Марш прилег – от такой непогоды ему нездоровилось, – но, услышав пронзительный звук сирены, вышел из каюты. Гудок прозвучал в ответ на приветствие другого парохода, красиво и гордо скользящего по воде. Марш знал, что идущие вверх и спускающиеся вниз по течению реки суда переговариваются между собой, решая, какое из них, чтобы разойтись, пойдет по правому, а какое по левому берегу реки. Такое происходило по десяти

раз за день. Но сейчас в звуке сирены встречного корабля капитану слышалось нечто такое, что насторожило его и заставило выбраться из мягкой постели.

Марш вышел на палубу как раз вовремя, когда другой пароход проходил мимо; это был «Эклипс», стремительный и высокомерный. Между труб, из которых валили клубы дыма, на солнце сияла позолотой эмблема. На палубах парохода толпились пассажиры. Марш провожал шедший вверх по течению реки корабль взглядом до тех пор, пока тот не скрылся из глаз. Почему-то у него защемило сердце.

Когда «Эклипс» растворился вдали, как по утрам растворяется сон, Марш повернулся и увидел впереди Натчез. Ударили склянки, известив о скорой остановке.

На пристани стояло несколько судов. «Грезы Февра» ждали два города, начинавшиеся сразу за причалом. Сам город, Натчез-на-холме, со своими широкими улицами, деревьями и цветами, великолепными домами, стоял на высоком крутом берегу. Каждый дом в нем имел название: Монмут, Линден, Оберн, Равенна, Конкорд, и Белфаст, и Ветренный Холм, и Жар.

В молодые годы, до того как стать судовладельцем, Марш часто бывал в Натчезе, и каждый раз он по традиции прогуливался мимо прекрасных многоэтажных зданий. Это были настоящие дворцы, и среди них Марш чувствовал себя не совсем в своей тарелке. Обитавшие в них старинные фамилии тоже держали себя с королевским величием; холодные и надменные, они потягивали виски с содовой или шерри с сахаром и лимоном, охлаждая свои чертовы напитки льдом, или развлекались бегам чистокровных скакунов, охотой на медведей, дуэлями на револьверах и ножах при малейшем подозрении в насмешке.

Марш слышал, что их называли набобами. Славные они были ребята, и каждый имел звание полковника. Иногда они появлялись на пристани, и тогда, как бы они себя ни вели, их приходилось приглашать на борт своего парохода и угощать сигарами и вином.

Однако народ этот одновременно был странно слепым. Из своих огромных домов на отвесном склоне набобы взирали на сверкающее великолепие реки, но не видели того, что лежало у их ног.

Потому что ниже особняков, между рекой и склоном, раскинулся другой город: Натчез-под-холмом. Там не возвышались мраморные колонны, не цвели изысканные цветы. Улицы были грязными и пыльными. У паровой пристани и вдоль Серебряной улицы, вернее, того, что от нее осталось, тянулся нескончаемый ряд борделей. Еще двадцать лет назад большая часть улицы ушла под воду. Уцелевшие тротуары были полузатоплены и всегда переполнены вызывающе одетыми женщинами и опасными, фатоватыми молодыми людьми с холодными глазами.

Вся главная улица сплошь состояла из салонов, бильярдных и игорных домов. Город, расположенный у подножия другого города, каждую ночь бурлил и колобродил. Ссоры, потасовки и кровь, покерные проходимцы, шлюхи, готовые на все, и мужчины, с улыбкой забирающие ваш кошелек, способные на спор перерезать вам горло, – все это был Натчез-под-холмом.

Виски и плоть, карты и красные фонари, непристойные песни и разбавленный водой джин составляли неотъемлемую часть жизни у реки. Матросы и офицеры пароходов любили и ненавидели этот город и населявших его дешевых женщин, головорезов, карточных шулеров, вольных негров и мулатов. Старики клялись, что город под холмом уже и близко не походит на тот, которым они знали его сорок лет назад или хотя бы до торнадо 1840 года, словно специально насланного, чтобы очистить его от скверны.

Но Марш ничего этого не знал; даже в нынешнем виде Натчез-под-холмом был для него достаточно разнуздан и дик. Здесь много лет назад он провел несколько незабываемых ночей. Но в этот приезд Марш испытывал к городу неприязненные чувства.

В какой-то момент он ощутил желание пройти мимо – подняться на капитанский мостик и приказать Олбрайту следовать без остановки. Но нужно было высадить пассажиров, выгру-

зять груз, к тому же команда с нетерпением ожидала возможности провести ночь в пресловутом Натчезе, и Марш не поддавался сиюминутному настроению и дурным предчувствиям.

«Грезы Февра» встал на ночную стоянку. После того как топки загасили, выпустили излишки пара и застопорили машину, команда, как кровь из открытой раны, хлынула на берег. Несколько членов команды задержались на пристани, чтобы купить мороженого или фруктов, но большинство сразу устремились на Серебряную улицу к призывно горящим ярким фонарям.

Эбнер Марш оставался на открытой площадке палубной надстройки до тех пор, пока не выглянули первые звезды. Из открытого окна одного из публичных домов донеслись звуки песни, однако от этого его настроение не улучшилось. Наконец дверь каюты Йорка открылась, и ее обитатель вышел в ночь.

– Ты спустишься на берег? – поинтересовался Марш.

Йорк прохладно улыбнулся:

– Да, Эбнер.

– Сколько времени ты будешь отсутствовать на этот раз?

Джошуа Йорк элегантно повел плечами:

– Не могу сказать. Вернусь, как только смогу. Ждите меня.

– Я бы предпочел пойти с тобой, – промолвил Марш. – Это Натчез. Натчез-под-холмом. Жуткое место. Мы можем прождать тебя месяц, а ты будешь лежать где-нибудь в канаве, с перерезанным горлом. Позволь мне пойти с тобой и быть твоим провожатым.

– Нет, – возразил Йорк. – У меня на берегу дело, Эбнер.

– Мы же партнеры, не так ли? Там, где затрагиваются интересы «Грез Февра», твое дело становится и моим.

– Кроме парохода, у меня имеются и другие интересы, друг мой. Есть вещи, в которых ты бессилен помочь мне. Кое-что я должен делать сам.

– Саймон ведь ходит с тобой?

– Иногда. Это совсем другое, Эбнер. У Саймона со мной имеется... одно общее дело, в то время как твои интересы оно не затрагивает.

– Однажды ты обмолвился, что имеешь врагов, Джошуа. Если это тебя волнует и ты собираешься «позаботиться» о тех, кто причинил тебе зло, тогда поделись со мной. Я помогу.

Джошуа Йорк покачал головой:

– Нет, Эбнер. Мои враги не должны становиться и твоими врагами.

– Позволь мне самому решать это, Джошуа. До сих пор ты благородно обходился со мной. Позволь и мне отплатить тебе тем же.

– Я не могу, – с сожалением в голосе ответил Йорк. – Эбнер, мы с тобой заключили сделку. Не задавай мне вопросов. Прошу тебя. А теперь, если ты не против, позволь мне пройти.

Эбнер Марш кивнул и отошел в сторону. Джошуа Йорк проскользнул мимо и начал спускаться по лестнице.

– Джошуа, – позвал Марш, когда Йорк находился почти в самом низу. Тот обернулся. – Будь осторожен, Джошуа, – сказал Марш. – В Натчезе иногда... проливается кровь.

Йорк пристально посмотрел на него. Его серые глаза были непроницаемы, как дым.

– Да, – наконец произнес он. – Я буду осторожен.

Эбнер Марш видел, как Йорк спустился на берег – его высокая худошавая фигура отбрасывала длинные тени – и вскоре затерялся на улицах Натчеза-под-холмом. Когда Джошуа Йорк ушел, Марш направился в его каюту. Дверь, как он и ожидал, оказалась запертой. Марш опустил руку в карман и вытащил оттуда ключ.

Прежде чем вставить его в замочную скважину, он некоторое время раздумывал. Марш не считал предательством тот факт, что сделал запасные ключи, которые хранились в сейфе

парохода. Это была простая предосторожность в рамках здравого смысла. Бывает, люди умирают в запертых каютах; в таких случаях разумнее иметь запасной ключ, чем ломать дверь. Но пустить ключ в дело – нечто другое; в конце концов, они заключили договор. С другой стороны, партнеры должны доверять друг другу, и если Джошуа Йорк не хочет довериться ему, то как может он ожидать ответного доверия?.. Марш решительно отомкнул замок и вошел в каюту Йорка.

Там зажег масляную лампу и запер за собой дверь. На минуту Марш неуверенно замер и огляделся, раздумывая, что именно хочет здесь обнаружить. Каюта Йорка была довольно просторной и выглядела сейчас точно так же, как в те моменты, когда он приходил сюда. И все-таки в ней должно иметься хоть что-то, что могло бы поведать ему о Йорке, дать капитану хоть какой-то намек на происхождение странностей в поведении партнера.

Марш направился к письменному столу, с которого, на его взгляд, и надлежало начать. Он осторожно опустился на стул Йорка и принялся листать газеты. Обращался Марш с ними с великой осторожностью, предварительно замечая положение каждой, чтобы потом оставить на столе все в прежнем порядке.

Газеты оказались... самыми обычными газетами. На столе их лежало не менее пяти десятков. Среди них попадались старые номера и новые, «Геральд» и «Трибюн» из Нью-Йорка, несколько газет из Чикаго, журналы из Сент-Луиса и Нового Орлеана, газеты из Наполеона и Батон-Ружа, Мемфиса и Гринвилла, Вискбурга и Бейу-Сара, а также еженедельники из десятков мелких речных городков. Большая часть периодики оставалась целой, в нескольких имелись вырезанные статьи.

Под стопками газет Марш обнаружил два фолианта в кожаных переплетах. Он осторожно потянул их на себя, стараясь не обращать внимание на холодок, пробежавший между лопатками. Возможно, решил Марш, он наткнулся на судовой журнал или дневник, который поможет ответить на вопрос – откуда появился Йорк и куда направляется. Он открыл первый фолиант и разочарованно нахмурился. Никаких дневниковых записей, а только приклеенные мучным клейстером заметки, аккуратно вырезанные из газет. Под каждой имелась надпись, сделанная летящим почерком Йорка, с обозначением даты и места, где произошло событие.

Марш прочел первую статью из вискбургской газеты. В ней говорилось о теле, выброшенном на берег речной водой. Событие произошло полгода назад. На второй странице разворота содержалось две статьи, обе также из Вискбурга: в двадцати милях от города в полуразвалившейся хибаре обнаружили мертвую семью; одна негритянка – возможно, беглая – нашла в лесу труп, причина смерти не установлена.

Йорк листал страницы, читал и снова листал. Через некоторое время он закрыл книгу и взялся за другую. В ней содержалось то же самое. Страница за страницей описывались трупы, таинственные смерти, тела, обнаруженные то здесь, то там. Все сведения располагались по городам.

Марш закрыл книги и, положив их на место, попытался собраться с мыслями. Газеты пестрели и другими сообщениями о смертях и убийствах, которые Йорк не удосужился вырезать. Почему? Он снова вернулся к газетам и просмотрел некоторые из них. Поняв кое-что, Марш нахмурился.

Оказалось, что Йорка не интересовали убийства холодным или огнестрельным оружием, его не интересовали утопленники, обгоревшие и жертвы взрывов паровых котлов, а также повешенные по приговору суда шулеры и воры. Истории, которые он собирал, очень отличались одна от другой. Но в них всех описывались кончины, произошедшие при невыясненных обстоятельствах. Люди с растерзанными глотками. Изуродованные, искромсанные трупы или уже разложившиеся, так что установить причину смерти не представлялось возможным. Тела неизвестных, а также погибших по непонятным причинам без видимых следов насилия или с ран-

ками столь незначительными, что их не замечали с первого взгляда. Фолианты содержали пятьдесят-шестьдесят историй, случившихся за девять месяцев на нижнем отрезке Миссисипи.

В какое-то мгновение Эбнер Марш с ужасом подумал, что Джошуа Йорк собирает отчеты о собственных жестоких преступлениях, но тут же отогнал эту мысль. Часть убийств действительно могла быть совершена его рукой, но даты большинства смертей не подходили; когда с теми бедолагами приключилось то или иное несчастье, Джошуа находился либо с ним в Сент-Луисе, либо в Нью-Олбани, либо на борту «Грез Февра» и не мог быть повинен в них.

Все же Маршу стала теперь ясна причина остановок у загадочных берегов, где Джошуа совершал свои тайные прогулки. Он последовательно посещал места, где эти убийства происходили. Что искал Йорк? Что... или кого? Врага? Врага, который, содейвав такое, каким-то образом перемещается вниз и вверх по реке? Если так, тогда Джошуа стоял на стороне добра. Но почему он хранит тайну, если его цели правые?

Должно быть, он имеет не одного врага, а многих, решил Марш. Не может один человек нести ответственность за все смертельные случаи, заключенные в двух томах. Да и Джошуа упоминал о «врагах» во множественном числе. Кроме того, из Нового Мадрида он вернулся с испачканными кровью руками.

На этом вопросы не кончались. Марш ничего не мог понять.

Он принялся обшаривать ящики и потаенные места письменного стола Йорка. Бумага, причудливые почтовые наборы с оттиснутым изображением парохода «Грезы Февра» и названием компании, конверты, чернила, с полдюжины перьев, пресс-папье, карта бассейна реки с пометками на ней, крем для обуви, сургуч для запечатывания писем... Словом, ничего особенного. Все эти вещи ровным счетом ни о чем не говорили.

Среди прочих бумаг имелось два кредитных письма, остальное относилось к деловой переписке с агентами из Лондона, Нью-Йорка, Сент-Луиса и других городов. Марш наткнулся на письмо одного банкира из Сент-Луиса, в котором тот посоветовал Йорку обратить внимание на грузо-пассажирскую компанию «Река Февр». «Думаю, она в наибольшей степени соответствует целям в вашем изложении, – писал банкир. – Ее владельцем является опытный речник, известный своей честностью. Говорят, что он ужасно безобразен с виду, но прекрасен душой, к тому же недавно он пережил некоторые потрясения, так что на ваше предложение откликнется».

Вернув письма на место, Эбнер Марш поднялся и в поисках чего-нибудь необычного или того, что могло бы дать ключ к разгадке, прошелся по каюте. Однако ничего особенного не нашел. В ящиках лежала одежда, на подставке – бутылки с отвратительным напитком Йорка, во встроенном шкафу висели костюмы и книги повсюду. Марш просмотрел названия тех, что находились на ночном столике возле кровати Джошуа. Там имелся томик стихов Шелли и еще какая-то книга по медицине, из которой он не сумел понять ни строчки. В высоком книжном шкафу стояла литература примерно такого же содержания: много романов и поэзии, часть книг имела исторический характер, часть была посвящена медицине, философии, естественным наукам, имелся пыльный томик по алхимии. Целая полка была заставлена книгами на иностранных языках. На глаза капитану попало несколько книг без названия в переплетах тонкой ручной работы с золотым обрезом, и Марш, надеясь, что это дневник или ключ к разгадке, вытащил одну из них. Увы, прочесть он не мог ни слова. Слова, явно зашифрованные, шли какой-то затейливой вязью. Да и мелкий, убористый почерк явно отличался от легкого летящего почерка Джошуа. Несомненно, написаны они были чужой рукой.

Марш в последний раз обошел каюту, чтобы убедиться, что ничего не проглядел. Наконец, так же необдуманно, как вошел сюда, он решил покинуть каюту. Марш вставил ключ в замок, осторожно повернул его, потушил лампу, вышел и тихо запер за собой дверь. Снаружи стало несколько прохладней. Марш почувствовал, что весь в поту. Он сунул ключ в карман и, повернувшись, уже собирался уходить.

И замер.

В нескольких ярдах стояла и пристально смотрела на него старая, похожая на призрак, Кэтрин. Глаза ее светились холодным недоброжелательством. Марш решил сделать вид, что ничего особенного не произошло. Он поднес руку к фуражке и произнес:

– Добрый вечер, мэм.

Рот Кэтрин медленно раздвинулся в подобии улыбки, от которой ее искажившееся лисье лицо превратилось в маску жуткого торжества.

– Добрый вечер, капитан.

Зубы у нее, как заметил Марш, были желтыми и необычно длинными.

Глава десятая

Новый Орлеан

Август 1857 года

После того как Адрианна и Алан сели на пароход, направлявшийся в Батон-Руж и Бейу-Сара, Деймон Джулиан вдоль берега реки прошел во французскую кофейню, располагавшуюся поблизости. Рядом с ним, нервничая и бросая на прохожих полные подозрительности взгляды, шагал Мрачный Билли Типтон. Следом за ним двигалась остальная свита Джулиана: Синтия шла в сопровождении Курта, а замыкал процессию Арман; крадущийся и вертлявый, он уже начинал испытывать жажду. Мишель остался дома.

Все остальные по приказу Джулиана разошлись, исчезли – кто пароходом уплыл вверх, кто вниз по реке. Они отправились в поисках денег и безопасного места, где снова можно собраться вместе. Деймон Джулиан наконец решил принять меры.

Лунный свет, мягкий и яркий, лежал на воде мазком масляной краски. Ночь выдалась звездная. Вдоль береговой линии рядом с пароходами стояли и парусники с горделиво вознесшимися мачтами и свернутыми парусами. Чернокожие грузчики проворно переносили с одного судна на другое хлопок, сахар, муку. Воздух был влажным и благоуханным, улицы полны народа.

Они нашли столик, откуда могли спокойно наблюдать за уличной суетой, и заказали кофе с молоком и сахарные пирожные, которыми так славилась кофейня. Мрачный Билли вцепился в одно зубами, и тотчас его жилет оказался усыпан сахарной пудрой. Он громко выругался.

Деймон Джулиан рассмеялся – мягко, как лунный свет.

– Ах, Билли, каким потешным ты порой бываешь!..

Больше всего на свете Мрачный Билли ненавидел, когда его поднимали на смех, но он выдавил из себя улыбку.

– Да, сэр, – пробормотал он и беспокойно покачал головой.

Джулиан свое пирожное ел аккуратно, так, что ни одна сахарная пылинка не просыпалась ни на богатый темно-серого цвета сюртук, ни на алый блестящий галстук. Покончив с пирожным, он отхлебнул кофе с молоком. Тем временем взгляд его блуждал по речному валу и уличным прохожим.

– Вон, женщина под кипарисом. – Все посмотрели в указанную сторону. – Разве она не красива?

Это была креолка в сопровождении двух грозных на вид джентльменов. Деймон Джулиан уставился на девушку как влюбленный юнец – у него было бледное, без признаков морщин лицо, обрамленное копной темных кудрей, с большими печальными глазами. Но даже сидевший по другую сторону стола Мрачный Билли почувствовал испепеляющий жар тех глаз и забеспокоился.

– Она замечательна, – сказала Синтия.

– У нее волосы, как у Валерии, – заметил Арман.

Курт улыбнулся:

– Ты возьмешь ее, Деймон?

Женщина и двое мужчин шли вдоль кованой железной ограды. Деймон Джулиан провожал их задумчивым взглядом.

– Нет, – наконец произнес он и, снова сосредоточив внимание на кофе с молоком, отхлебнул глоток. – Ночь только наступила, и улицы слишком людны, а я устал. Давайте передохнем.

Снедаемый нетерпением Арман сразу понурился. Джулиан одарил его улыбкой и, подавшись вперед, коснулся его рукава.

– До наступления утра мы утолим жажду, – произнес он. – Даю тебе слово.

– Я знаю одно местечко, – тоном заговорщика сказал Мрачный Билли. – Просто сказка, а не дом, с баром, красными бархатными креслами, хорошей выпивкой. Девушки там только красавицы, вот увидите. Там на всю ночь можно снять такую красавицу всего за двадцать золотых монет. А утром... – он хихикнул, – но нас к тому времени, когда они обнаружат то, что обнаружат, уже и след простынет. И поверьте мне, это гораздо дешевле, чем покупать девушек для забавы. Так-то, сэр.

Глаза Деймона Джулиана засветились радостью.

– Билли вечно пытается выставить меня скопидомом, но что бы мы без него делали? – Он снова обвел округу скучающим взглядом. – Мне следовало бы выходить в город почаще. Когда ведешь затворнический образ жизни, лишаешься стольких удовольствий... – Джулиан вздохнул. – Ты чувствуешь? Воздух пропитан этим, Билли!

– Чем? – спросил Мрачный Билли.

– Жизнью, Билли. – Джулиан смотрел на него с насмешливой улыбкой, и Мрачный Билли заставил себя тоже улыбнуться в ответ. – Жизнью, любовью, похотью, хорошей едой и хорошим вином, славными мечтами и надеждой, Билли. Все это вокруг нас. Столько возможностей! – Глаза его засверкали. – Зачем мне преследовать красотку, которая прошла мимо, когда вокруг полно других красоток, других возможностей? Ты мне не скажешь?

– Я... мистер Джулиан, я не...

– Нет, Билли, ты не скажешь, правда? – Джулиан рассмеялся. – Мои прихоти связаны с жизнью и смертью этих скотов, Билли. Если тебе суждено стать одним из нас, Билли, ты должен понять это. Я – удовольствие, Билли, я – власть. И сущность моего естества, то есть удовольствия и власти, заключается в возможностях. Мои собственные возможности огромны, неизмеримы, как безграничен наш век. Но я есть предел этого быдла, я – конец их надежд и всех их возможностей. Ты начинаешь понимать? Утолить красную жажду – это еще не все. Для этой цели подойдет и жалкий цветной старикашка на смертном одре. Но насколько же приятнее наслаждаться кровью молодых, богатых, красивых, у которых впереди еще вся жизнь, дни и ночи которых несут столько надежд! Кровь – всего лишь только кровь. Любая тварь способна припасть к ней, любой из них. – Он ленивым жестом указал на вереницу пароходов на пристани, где толклись с поклажами чернокожие и прохаживался богатый люд Вье-Карре. – Благородным и хозяином делает не кровь, Билли, а жизнь. Поедая их плоть, сам становишься сильнее. Наслаждаясь красотой, становишься прекрасней.

Мрачный Билли охотно внимал словам господина. Редко доводилось ему видеть Джулиана в таком возбужденном состоянии. Сидя в темноте библиотеки, Джулиан казался мрачным и страшным. Оказываясь вне пределов дома, он снова искрился радостью, напоминая Мрачному Билли о том, каким был когда-то, когда впервые прибыл на плантацию, где Билли служил надсмотрщиком. Он сказал об этом.

Джулиан кивнул:

– Да, на плантации безопасно, но сама безопасность таит в себе угрозу. – Когда он улыбался, обнажались его белые зубы. – Чарльз Гару... Ах, возможности той юности! Он был по-своему красив – сильный, здоровый. Смутьян, непоседа, любимец женщин, он вызывал восхищение других мужчин. Даже черномазые любили мистера Чарльза. Он мог бы прожить замечательную жизнь! У него была такая открытая душа, что ничего не стоило подружиться с ним и заслужить его искреннее доверие, стоило только спасти его от бедного Курта. – Джулиан со смехом замолчал. – Потом, когда меня пригласили в дом, мне уже не стоило особого труда появляться там каждую ночь и пить его кровь. Он бледнел и худел, все думали, что он умирает. Однажды он проснулся, когда я находился в комнате. Тогда он подумал, что я пришел, чтобы утешить его. Я склонился над его кроватью... Он, протянув руки, обнял меня и прижал к груди, а я сосал его кровь. Ах, милый, милый Чарльз, где его сила и красота?

– Старик страшно расстроился, когда он начал хиреть и умер, – вставил Мрачный Билли.

Сам он был доволен. Чарльз Гару всегда говорил отцу, что Билли слишком жестоко обращается с неграми, и хотел его уволить. Будто можно заставить негра работать, обращаясь с ним мягко.

– Да, Гару был расстроен, – согласился Джулиан. – Как же повезло ему, что я оказался рядом, чтобы утешить его в горе. Лучший друг сына. Как часто потом, когда мы вместе горевали, он говорил мне, что я стал для него четвертым сыном.

Мрачный Билли тоже хорошо помнил это. Джулиан действительно здорово все устроил. Младшие сыновья подвели старика: Жан-Пьер стал пьяницей, слабак Филипп, как женщина, рыдал на похоронах брата, но Деймон Джулиан являл собой образец мужской силы. Чарльза они похоронили на семейном кладбище на окраине плантации. Из-за того, что почва в тех местах такая сырая, его тело поместили в большой мраморный мавзолей с крылатой Никой на крыше. Даже в августовскую жару он оставался прекрасным и прохладным. Много лет Мрачный Билли спускался туда, чтобы выпить бутылочку и помочиться на гроб Чарльза. Однажды он затащил в мавзолей чернокожую девку, поколотил ее там, а потом три или четыре раза поимел ее, чтобы дух старины Чарльза видел, как следует обращаться с нигерами.

Мрачный Билли вспоминал, что Чарльз был только началом. Шесть месяцев спустя Жан-Пьер, отправившись в город, чтобы пройтись по шляхам и поиграть в азартные игры, больше не вернулся на ранчо. Вскоре после этого в лесу нашли растерзанное неизвестным зверем тело бедного скромного Филиппа. К этому времени у старого Гару не на шутку разболелось сердце, но Деймон Джулиан, готовый прийти на помощь, всегда находился рядом. В конце концов Гару усыновил Джулиана и переписал завещание, оставив ему практически все.

Вскоре после этого настала ночь, которую Мрачный Билли никогда не забудет, когда Деймон Джулиан показал, как действительно мало сил осталось в дряхлом теле старого Рене Гару. Случилось это в спальне старика, наверху. Присутствовали Валерия, Адрианна и Алан: в большом доме всегда радушно принимали друзей Джулиана. Они стояли вместе с Мрачным Билли и слушали, как Деймон Джулиан, сверля бедного старика черными глазами, у подножия огромной, с пологом кровати рассказывал старику о том, что на самом деле произошло с Чарльзом, Жаном-Пьером и Филиппом.

Джулиан носил на пальце кольцо с печаткой Чарльза, в то время как у Валерии на шее на цепочке висело точно такое же. Оно когда-то принадлежало пропавшему без вести Жану-Пьеру. Сначала Валерия не хотела надевать его. Преследовавшая ее жажда была так сильна, что с престарелым Гару она хотела покончить как можно быстрее и без всяких там лишних разговоров. Но холодный взгляд Деймона Джулиана и его мягкие слова сумели укротить ее, и сейчас, с кольцом на шее, Валерия безропотно стояла и слушала.

Когда Джулиан закончил свою историю, Гару трясло, его больные глаза были полны боли и ненависти. Тогда, к удивлению всех, Деймон Джулиан приказал Мрачному Билли протянуть старику нож.

– Он еще жив, мистер Джулиан, – запротестовал Мрачный Билли. – Он выпустит вам кишки.

Но Джулиан бросил на него мимолетный взгляд и улыбнулся. Мрачный Билли отвел руку назад и, вытащив свой нож, вложил его в морщинистую, покрытую стариковскими желтыми пятнами руку Гару. Руки у старика так сильно дрожали, что Мрачный Билли боялся, как бы тот не уронил проклятую штуковину. Впрочем, тому каким-то образом удалось удержать ее. Деймон Джулиан присел на край кровати.

– Рене, – произнес он, – мои друзья жаждут.

Голос его прозвучал спокойно и лениво.

Больше он не сказал ничего. Алан приготовил стакан из прекрасного тонкого хрусталя с семейной гравировкой, и старый Рене Гару, всхлипывая и дрожа, вскрыл на запястье вены и наполнил его своей дымящейся красной кровью. Валерия, Алан и Адрианна передавали

бокал из рук в руки, последним пил Деймон Джулиан. Гару тем временем истекал на кровати кровью.

– У Гару мы провели несколько замечательных лет, – сказал Курт. Его слова вывели Мрачного Билли из забытья. – Богатые, предоставленные сами себе... И город был под боком, куда мы могли попасть в любой момент, стоило нам того захотеть. Нас ждали еда, вино, черномазые да красивая девушка раз в месяц.

– Теперь все кончилось, – промолвил Джулиан печально. – Все на свете кончается, Курт. Ты жалеешь об этом?

– Ничто не повторяется, – заметил Курт. – Повсюду пыль, гниль, бегают крысы. Мне совсем не хочется куда-то перемещаться, Деймон. Вне укрытия мы всегда в опасности. После охоты приходится бояться, прятаться, бежать... Я больше не хочу этого.

Джулиан саркастически улыбнулся:

– Не совсем удобно, правильно, но не лишено определенной прелести. Ты молод, Курт. Не забывай: как бы они ни преследовали тебя, ты господин. Ты переживешь их самих, их детей и детей их детей. Дом Гару разрушается, превращаясь в прах. Все созданное руками быдла разрушается и рассыпается в прах. Я видел, как в прах превратился сам Рим. Только мы продолжаем существование. – Он пожал плечами: – Не все еще потеряно, найдем второго Рене Гару.

– Пока мы с тобой, – страстно заметила Синтия, хрупкая прелестная женщина с карими глазами. После ухода Валерии Синтия стала фавориткой Джулиана, но даже Мрачный Билли понимал, что положение ее шатко. – Хуже, когда мы поодиночке.

– Итак, вы не хотите покидать меня? – спросил у нее Деймон Джулиан и улыбнулся.

– Нет, – прозвучало в ответ. – Пожалуйста.

Курт и Арман тоже смотрели на него. Отсылать от себя компаньонов Джулиан начал месяц назад. Это началось достаточно внезапно. Валерия отправилась в ссылку первой, как она и настаивала, только не с беспокойным Жаном, а со смуглым красивым Раймоном, жестоким и сильным и, как поговаривали некоторые, родным сыном Джулиана. Раймон способен обеспечить ей безопасность, с насмешкой сказал Джулиан, когда в ту ночь Валерия стояла перед ним на коленях. Жана отпустили на другую ночь, и он ушел один. Тогда Мрачный Билли подумал, что на этом все кончится. Но ошибся. У Деймона Джулиана на сей счет появились в голове новые мысли. Неделью спустя в мир отправили Хорхе, потом Кару и Винсента, затем всех остальных, кого парами, кого поодиночке. Те, кто остался, больше не чувствовали себя в безопасности.

– Ах, – обрадованно сказал Джулиан, обращаясь к Синтии, – теперь нас всего пятеро. Если мы будем осторожны и постараемся растягивать удовольствие от красивых девушек, нам будет хватать одной на месяц или два. Тогда, возможно, мы сумеем протянуть до зимы. К тому времени, может статься, кто-либо из ушедших пришлет весточку. Посмотрим. До тех пор оставайся, дорогая. И Мишель тоже, и ты, Курт.

Арман испугался:

– А я? Деймон, прошу тебя!..

– Это жажда, Арман? Из-за нее ты дрожишь? Держи себя в руках. Набросишься ли ты на друзей Билли и начнешь терзать их тела, когда мы их настигнем? Ты же знаешь, как мне это не нравится. – Глаза Джулиана прищурились. – Я еще не решил с тобой, Арман.

Арман перевел взгляд на свою пустую чашку.

– Я остаюсь, – объявил Билли Типтон.

– Ну да, – произнес Джулиан. – Конечно. Куда мы без тебя, Билли?

Ухмылка Деймона Джулиана совсем не понравилась Мрачному Билли.

Через некоторое время они отправились в то место, показать которое пообещал им Мрачный Билли. Заведение располагалось вне пределов Вье-Карре, в англоязычном районе Нового Орлеана, но туда не составляло труда дойти пешком. Впереди по узким, освещенным газо-

выми фонарями улочкам об руку с Синтией шел Деймон Джулиан. На губах Джулиана играло некое подобие улыбки, когда взгляд его блуждал по ажурным металлическим балконам, когда он заглядывал в ворота, ведущие во внутренние дворики с фонтанами и газовыми фонарями на высоких столбах.

Вел их Мрачный Билли. Вскоре они оказались в более темной и менее приветливой части города. Здания здесь преимущественно были деревянными или сложенными из ракушечника. Даже газовое освещение в этой части города отсутствовало, хотя газовую сеть в городе проложили более двадцати лет назад. На перекрестках на массивных железных крюках висели масляные лампы, поддерживаемые тяжелыми железными цепями. Они давали желтый тусклый свет.

Шагавшие впереди Джулиан и Синтия оказывались то на освещенном участке, то в тени, откуда снова попадали в поле света и вновь пропадали в сумраке. Вся остальная компания, включая Мрачного Билли, следовала по пятам.

Из темного закоулка вышла группа, состоявшая из трех человек, и пересекла им путь. Джулиан не обратил на них внимания, но один из мужчин узнал Мрачного Билли, когда того осветил уличный фонарь.

– Вы! – воскликнул он.

Мрачный Билли сумрачно посмотрел в их сторону, однако промолчал. Подвыпившие молодые креолы. В таком состоянии они особенно опасны.

– Я вас знаю, месье, – сказал мужчина, подступив к Мрачному Билли. Лицо его от выпитого спиртного и гнева пылало. – Вы что, забыли меня? Я был с Жоржем Монтрейлем в тот день, когда вы перебежали ему дорожку на Французской бирже.

Мрачный Билли тоже узнал его.

– Ну, и что?

– Месье Монтрейль одной июньской ночью исчез после того, как провел вечер за игорным столом в «Сент-Луисе», – не унимался упрямец.

– Я искренне опечален, – заметил Билли. – Вероятно, слишком много выиграл и стал приманкой для бандитов.

– Он проиграл, месье. Несколько недель ему отчаянно не везло, он все время проигрывал. Так что ничего ценного у него с собой не было. Я не думаю, что он стал приманкой для бандитов. Полагаю, тому виной вы, мистер Типтон. Он все время спрашивал о вас. Он намеревался расправиться с вами как с последним отребьем. Вы не джентльмен, месье, в противном случае я вызвал бы вас на дуэль. Если вы только посмеете еще хоть один раз показаться во Вье-Карре, даю вам слово, что выпорю вас прилюдно, как какого-нибудь провинившегося черномазого. Вы слышите меня?

– Слышу, – кивнул Мрачный Билли и плюнул на сапог молодого человека.

Из груди креола вырвалось проклятие, и лицо его побледнело от ярости. Он сделал шаг вперед и хотел было схватить Мрачного Билли, но между ними в эту минуту встал Деймон Джулиан и грудью закрыл своего подручного.

– Месье, – сладким, как вино с медом, голосом произнес он. Мужчина сконфуженно остановился. – Смею вас заверить, что мистер Типтон не причинял вреда вашему другу, сэр.

– Кто вы такой? – Даже в состоянии опьянения креол сообразил, что Джулиан – человек иного сорта, чем Мрачный Билли; его изысканный костюм, спокойные черты лица, грамотная речь – все свидетельствовало о принадлежности к дворянству. В свете лампы глаза Джулиана опасно мерцали.

– Мистер Типтон работает у меня, – ответил Джулиан. – Не могли бы мы утрясти наши дела где-нибудь не на людях? Я знаю одно укромное местечко, где мы могли бы посидеть под луной и за стаканчиком спокойно обо всем поговорить. Позвольте мне купить вам и вашим товарищам чего-нибудь прохладительного.

Один из креолов подошел к приятелю:

– Давай выслушаем его, Ришар.

Скрепя сердце, задира согласился.

– Билли, – обратился Джулиан к Типтону, – проводи нас.

Мрачный Билли Типтон, едва подавив торжествующую улыбку, отправился дальше. Они миновали квартал и свернули в проулок, ведущий в темный двор. Мрачный Билли присел на край грязного фонтана. Штаны тотчас стали мокрыми от воды, но он не обратил на это внимания.

– Что это за место? – спросил друг Монтрейля. – Здесь и таверны нет!

– Ладно, – бросил Мрачный Билли Типтон, – должно быть, я не туда свернул.

Во двор вошли остальные креолы, а вслед за ними компания Джулиана. Курт и Синтия остановились у входа в проулок. Арман подошел ближе.

– Мне это не нравится, – заметил один из креолов. – Что все это значит?

– Значит? – спросил Деймон Джулиан. – Ах, темный двор, лунный свет, фонтан. Ваш приятель Монтрейль умер почти в таком же месте, месье. Не именно здесь, но в очень похожем месте. Нет, не смотрите на Билли. Он здесь ни при чем. Если хотите повздорить, я к вашим услугам.

– Вы? – спросил друг Монтрейля. – Как вам угодно. Позвольте мне на минуту отвлечься. Мои друзья будут моими секундантами.

– Конечно, – ответил Джулиан.

Креол быстро отошел в сторону и зашептался о чем-то со своими спутниками. Один из них двинулся в их сторону. Мрачный Билли поднялся ему навстречу.

– Я – секундант мистера Джулиана, – начал мужчина. У него было продолговатое красивое лицо, темно-каштановые волосы. – Мы должны определить вид оружия.

– Вид оружия, – повторил Мрачный Билли. Его рука метнулась за спину. – Я предпочитаю ножи.

Мужчина, охнув, пошатнулся и отступил назад. В ужасе он опустил глаза вниз. Нож Мрачного Билли по самую рукоятку вошел ему в живот. На жилете медленно растекалось кровавое пятно.

– Боже, – пробормотал он.

– Пока это только я, – тем временем продолжал говорить Мрачный Билли. – А я не джентльмен, нет, сэр, и секундант из меня никудышный. Да и ножи – тоже не тот вид оружия. – Мужчина упал на колени. Его друзья, увидев это, в тревоге бросились к нему на помощь. – У мистера Джулиана свои пристрастия. Его оружие, – Билли улыбнулся, – зубы.

Джулиан занимался другом Монтрейля, тем, кого звали Ришар. Третий повернулся и бросился бежать. Но в переулке его заключила в объятия Синтия и запечатлела долгий, влажный поцелуй. Креол отчаянно пытался освободиться, однако она не выпускала его из рук. Бледные пальцы вцепились креолу в шею, длинными, как лезвия, ногтями Синтия вскрыла ему вены. Пронзительный крик потонул в чмокающих звуках.

Мрачный Билли вытащил из живота скулящей жертвы нож и уступил место плачущему Арману. Кровь, стекающая с лезвия, в лунном свете выглядела почти черной. Билли направился было к фонтану, чтобы ополоснуть нож, но передумал. Нерешительно он поднес его ко рту и осторожно лизнул. Лицо Билли тотчас исказилось в гримасе. На вкус кровь была отвратительна и ничего общего не имела с тем, что он ощущал в снах. Все же Мрачный Билли знал, что, когда Джулиан превратит его в одного из них, все изменится.

Мрачный Билли вымыл нож и убрал его в ножны. Деймон Джулиан передал Ришара Курту, а сам, стоя поодаль, мечтательно смотрел на луну.

Мрачный Билли нарушил его одиночество.

– Сэкономили немного денег, – сказал он.

Джулиан улыбнулся.

Глава одиннадцатая

На борту парохода «Грезы Февра»

Натчез, август 1857 года

Для Эбнера Марша ночь все еще продолжалась. Чтобы утолить голод и страхи, он немного перекусил, после чего удалился в свою каюту. Увы, сон не приходил. Долгие часы лежал Марш в темноте, всматриваясь в колышущиеся тени. Мысли в голове путались, в них все смешалось – чувство страха, вины, подозрительности. Под тонкой накрахмаленной простыней Марш обливался потом. Когда сон все же сморил капитана, спал он беспокойно, метался и ворочался с боку на бок, постоянно просыпаясь. Его одолевали отрывочные, бессвязные видения, наполненные тайным смыслом: льющаяся кровь и пылающие в пожаре пароходы, желтые зубы и Джошуа Энтони Йорк. Бледный и холодный, тот стоял, заливаемый алым светом, и его злые глаза горели огнем и источали смертельную угрозу.

Следующий день стал самым длинным в жизни Эбнера Марша. Все его мысли крутились вокруг одного и того же. К полудню решение созрело. Его застали за неблагоприятным поступком. Выяснять отношения с Джошуа Йорком придется, никуда не денешься. Если это положит конец партнерству, пусть так и будет, хотя при мысли о возможной потере «Грез Февра» Маршу делалось плохо, начинало мутить и сосать под ложечкой, как в тот день, когда он увидел щепки, которые лед оставил от его кораблей. Для него это будет означать конец, думал Марш, хотя, вероятно, он это заслужил тем, что подорвал доверие Джошуа. Но капитан не мог пустить все на самотек. Джошуа должен услышать его собственное признание. Нужно встретиться с Йорком до того, как Кэтрин разболтает ему обо всем.

Он предупредил команду:

– О возвращении Джошуа сообщите мне немедленно, независимо от того, когда это произойдет и что я буду делать, непременно отыщите меня. Всем ясно?

Потом Эбнер несколько успокоился и в одиночестве приступил к трапезе. На обед ему подали жареную свинину с зелеными бобами и луком, на десерт – половину черничного пирога.

В два часа ночи пришел один из матросов:

– Капитан, Йорк вернулся и привел с собой еще кого-то. Мистер Джефферс распределяет их по каютам.

– Джошуа уже поднялся к себе? – спросил Марш.

Человек кивнул. Марш схватил трость и направился к лестнице.

У каюты Йорка он немного помешкал, затем расправил плечи и набалдашником трости решительно постучал в дверь. Йорк открыл после третьего стука.

– Заходи, Эбнер, – сказал он с улыбкой.

Марш вошел, закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной. Йорк тем временем прошел на место и вернулся к тому занятию, которому предавался до того, как его потревожили. На столе стояли серебряный поднос и три бокала. Теперь он вытащил еще и четвертый.

– Я рад, что ты зашел, так как привел на пароход несколько человек и хочу тебя с ними познакомить. Как только они устроятся, то зайдут ко мне.

Йорк достал бутылку с напитком для личного пользования и ножом принялся срезать с пробки сургучную печать.

– Меня это не интересует, – резко сказал Марш. – Джошуа, мы должны поговорить.

Йорк поставил бутылку на поднос и повернул голову к Маршу:

– Вот как? И о чем же? Голос у тебя расстроенный, Эбнер.

– У меня на судне имеются запасные ключи от каждого замка. Они хранятся в сейфе мистера Джефферса. Когда ты сошел с парохода в Натчезе, я взял ключи и обыскал твою каюту.

Джошуа Йорк не шевелился, но, когда он услышал слова Марша, губы его сжались. Эбнер Марш посмотрел ему прямо в глаза, как и следовало мужчине в подобной ситуации. Он увидел в них ледяной холод и гнев преданного доверия. Он бы предпочел, чтобы Джошуа накричал на него или выхватил оружие, только бы не смотрел на него таким взглядом.

– Ты нашел что-нибудь интересное? – наконец спросил Йорк бесцветным и равнодушным голосом.

Эбнер Марш оторвал взгляд от серых глаз Джошуа и стукнул тростью о стол.

– В твоих книгах, – сказал он, – полно сообщений о мертвецах.

Йорк ничего не сказал. Мельком взглянув на стол, он сел в одно из кресел и налил себе порцию густого, мерзкого напитка. Только после того, как отхлебнул немного, он жестом указал Маршу на стул.

– Сядь, – скомандовал он. Когда Марш сел напротив, он коротко спросил: – Почему?

– Почему? – немного рассерженно повторил Марш. – Может быть, потому, что я устал от партнера, который ничего мне не говорит, который не доверяет мне.

– Но мы ведь заключили сделку.

– Я это знаю, Джошуа. Я и чувствую себя виноватым, если это имеет значение. Я раскаиваюсь, что сделал это, но еще хуже я себя чувствую от того, что меня застали. – Он горестно усмехнулся: – Кэтрин видела, как я уходил. Она еще расскажет тебе об этом. Послушай, мне следовало бы сразу подойти к тебе и сказать, что меня мучает, поэтому я пришел к тебе сейчас. Может быть, уже поздно, но вот он я, Джошуа. Я так люблю наш корабль, Джошуа, как не любил ничто другое на свете. Тот день, когда мы заберем рога у «Эклипса», станет самым счастливым днем в моей жизни.

Но я много думал и теперь знаю, что мне лучше забыть о пароходе. Потому что продолжаться так, как было до сих пор, не может. На реке полно бандитов, и жуликов, и религиозных фанатиков, и аболиционистов, и республиканцев, и всяких странных типов, но, клянусь, такого странного люда, как вы, я еще не видел. Что вы делаете ночью – меня не волнует. Фолианты, набитые сообщениями о мертвецах, – это, конечно, нечто другое, но кому какое дело, кто что читает? Подумаешь, на «Большом турке» есть один лоцман, который читает такие книжки, что и Карл Фрамм покраснел бы от стыда.

Однако твои остановки, твои ночные вылазки в одиночестве... С этим я не могу больше мириться. Ты задерживаешь мой пароход, черт тебя побери. И, Джошуа, это еще не все. Я видел тебя в ту ночь, когда ты вернулся из Нового Мадрида. У тебя руки были в крови. Можешь отрицать сколько угодно. Можешь ругать меня последними словами. Но я знаю, что у тебя руки в крови, будь я проклят, если это не так.

Джошуа Йорк опустошил стакан и, нахмурившись, снова наполнил его. Когда он посмотрел на Марша во второй раз, лед в его глазах растаял. Взгляд Йорка стал задумчивым.

– Ты предлагаешь мне расторгнуть нашу сделку? – спросил он.

Марш почувствовал себя так, словно получил удар под дых.

– У тебя есть такое право, если ты настаиваешь. У меня же нет денег, чтобы откупиться от тебя. Ты можешь пользоваться «Грезами Февра», а я займусь «Эли Рейнольдз», может быть, с ее помощью и сумею хоть сколько-то заработать. Тогда потихоньку начну с тобой расплачиваться.

– Тебе бы этого хотелось?

Марш метнул в него яростный взгляд:

– Черт побери, Джошуа, конечно, нет!

– Эбнер, – сказал Йорк, – ты мне нужен. Без тебя я не смогу управлять «Грезами Февра». Я учусь водить пароход, я немного познакомился с рекой и ее поведением, но мы оба знаем, что я – не речник. Если ты оставишь меня, половина команды уйдет с тобой. Мистер Джеф-

ферс, и мистер Блейк, и Волосатый Майк уйдут, сомневаться не приходится, а также многие другие. Они преданы тебе.

– Я могу приказать им остаться с тобой, – предложил Марш.

– Я бы предпочел, чтобы ты сам остался. Если я соглашусь закрыть глаза на твой проступок, мы сможем продолжать, как прежде?

В горле Эбнера Марша застрял комок. Он не мог его сглотнуть и думал, что вот-вот задохнется. Потом, справившись с ним, капитан произнес самое трудное в своей жизни слово:

– Нет.

– Понятно, – услышал он Йорка.

– Я должен доверять партнеру, – сказал Марш. – И он должен доверять мне. Ты только скажи мне, Джошуа, дай объяснения и снова обретешь партнера.

Лицо Джошуа Йорка исказила гримаса, он прильнул к стакану и медленно принялся пить, словно обдумывая предложение.

– Ты мне не поверишь. История еще более нелепая, чем байки мистера Фрамма.

– Попробуй, проверь ее на мне. Вреда не будет.

– Как раз напротив, Эбнер. – По голосу Йорка чувствовалось, что он говорит серьезно.

Он поставил стакан и подошел к книжному шкафу. – Когда ты обыскивал каюту, ты не обратил внимание на мои книги?

– Обратил, – заметил Марш.

Йорк вытащил один из томов в кожаном переплете, вернулся на место и открыл книгу наугад. Страницы пестрели непонятными каракулями.

– Эта книга могла бы просветить тебя.

– Я видел ее, однако ничего не понял.

– Конечно, ты и не можешь понять, – согласился Йорк. – Эбнер, то, что я тебе скажу, трудно для восприятия. Но независимо от того, поймешь ты или нет, все, произнесенное мной, должно остаться в пределах моей каюты. Ты это понял?

– Да.

Глаза Йорка испытующе смотрели на него.

– Эбнер, ошибки быть не может. Ты понимаешь?

– Я же сказал «да», Джошуа, – ворчливо, с обидой в голосе сказал Марш.

– Очень хорошо, – прозвучало в ответ. Йорк указал пальцем на страницу: – Это – относительно простой шифр, Эбнер. Чтобы расшифровать его, нужно знать, что в основе лежит примитивный диалект русского языка, тот, которым никто не пользуется уже несколько сотен лет. Оригинальные тексты, содержание которых изложено в книге, очень и очень древние. В них рассказывается об одном народе, много веков назад жившем на северном берегу Каспийского моря. – Он замолчал. – Прошу прощения. Речь идет не о людях. Я не слишком силен в русском. Правильнее было бы употребить слово «оборотень».

– Что? – переспросил Марш.

– Это один из многочисленных терминов. На других языках название это звучит по-разному. «Крувник», «ведомец», «вьешчи». Еще «вилкарис» и «врколак», хотя два последних по значению несколько отличаются от остальных.

– Ты несешь какую-то чушь, – заметил Марш, хотя перечисляемые Йорком слова прозвучали для его уха не так уж чуждо. Было похоже, что Смит и Браун изъяснялись на таком же языке.

– Тогда я не стану давать тебе африканские синонимы, – сказал Джошуа, – азиатские и какие-то другие. Слово «носферату» тебе о чем-нибудь говорит?

Марш смотрел на него непонимающим взглядом.

Джошуа Йорк вздохнул:

– Ну а «вампир»?

Это слово Эбнеру Маршу было знакомо.

– Что за историю ты собираешься мне поведать? – спросил он прямо.

– Историю о вампирах, – с кривой усмешкой сказал Йорк. – Уверен, что ты их уже слышал раньше. Живые мертвецы, бессмертные, рышущие в ночи, создания без души, обреченные на вечные странствия. Они спят в гробах, наполненных их родной землей, избегают дневного света и креста, каждую ночь встают и пьют кровь живых. Они способны изменять свой облик и принимать вид летучей мыши или волка. Те, кто часто прибегает к волчьему образу, получают название «оборотень» и считаются совершенно иными существами, но это не так. Это две стороны одной мрачной медали, Эбнер. Вампиры способны также превращаться в туман, а их жертвы тоже становятся вампирами.

Удивительно, что, размножаясь с такой скоростью, вампиры до сих пор не вытеснили живого человека. К счастью, кроме могущества, они имеют и слабости. Несмотря на огромную силу, они не могут войти в дом, куда их не приглашали, ни под видом человека, ни под видом животного, ни в виде тумана. Они обладают великим даром животного магнетизма, о котором писал Месмер, и способны уговорить свою жертву пригласить их к ней в дом. Но они боятся креста, и чеснок служит для них непреодолимой преградой. Они не могут перейти текущую воду. Хотя они выглядят очень похожими на тебя и меня, у них нет души, поэтому они не отражаются в зеркалах. Святая вода способна сжечь их, серебро для них – проклятие, дневной свет способен убить вампиров, если рассвет застанет их где-то за пределами гробов. Но, чтобы избавиться от вампира, нужна отделить его голову от туловища и проткнуть сердце деревянным колом. – Джошуа выпрямился и, отхлебнув своего напитка, улыбнулся: – В этой книге рассказывается о некоторых из них. Они реальные. Старые, вечные и реальные. Эту книгу в шестнадцатом веке написал один оборотень. В ней он рассказал о тех, кто был до него.

Эбнер Марш хранил молчание.

– Ты мне не веришь, – произнес Джошуа Йорк.

– Не совсем, – ответил Марш.

Он принялся пощипывать себя за бороду. Йорк сказал ему еще не все. Все эти истории о вампирах, рассказанные Джошуа, не слишком заботили Марша; куда больше волновало его то, к кому Джошуа Йорк относил себя.

– Давай не будем выяснять, верю я или нет, – предложил Марш. – Если я в состоянии воспринимать байки мистера Фрамма, то смогу выслушать и твои.

Джошуа улыбнулся:

– Ты умный человек, Эбнер. Ты мог все давно сообразить и сам.

– Умный-то умный, да не настолько, – заметил Марш. – Будет лучше, если ты расскажешь.

Йорк снова сделал глоток и пожал плечами:

– Они мои враги. Они вполне реальны, Эбнер. Они на реке повсюду. Читая подобные книги, изучая газеты, прилагая невероятные усилия, я многих из них выследил в Восточной Европе, в лесах Германии и Польши, в степях России. Теперь я здесь. В Новом Свете, в долине твоей Миссисипи. Я знаю их, и я кладу им конец. – Он улыбнулся: – Теперь мои книги стали тебе понятнее, Эбнер? И кровь на моих руках?

Прежде чем ответить, Эбнеру Маршу нужно было какое-то время подумать. Наконец он сказал:

– Помнится, в большом салоне вместо масляных холстов и тому подобного ты очень хотел повсюду установить зеркала. Для... защиты?

– Совершенно точно. И серебро. Тебе известен второй пароход с таким количеством серебра?

– Нет.

– И опять же, мы передвигаемся по реке. По старой коварной реке, Миссисипи. Бегущая вода, какой свет не видывал! «Грезы Февра» – это священное место. Я могу охотиться за ними, оставаясь для них недоступным.

– Меня тогда удивляет одна вещь: почему ты не распорядился, чтобы Тоби все густо приправлял чесноком? – спросил Марш.

– Я думал об этом, – сказал Джошуа, – но беда в том, что сам я не жалую его.

Марш некоторое время поразмыслил над услышанным.

– Предположим, что я поверил, – промолвил он, – но мне нужно еще кое-что выяснить, и я продолжу задавать вопросы. Почему ты не сказал мне об этом раньше?

– Если бы я сказал тебе об этом в «Доме переселенца», ты бы никогда не согласился взять меня в свою компанию. Я должен иметь власть, чтобы отправиться туда, куда мне нужно.

– А почему ты сам выходишь только ночью?

– Они бродят только ночью. Гораздо проще отыскать их, когда они рыщут по дорогам, а не лежат, затаившись, в своих укрытиях. Я знаю привычки тех, за кем охочусь. Я придерживаюсь и их распорядка.

– А твои приятели? Саймон и прочие?

– Саймон был моим товарищем на протяжении многих лет. Другие недавно присоединились ко мне. Они знают правду и помогают мне исполнять мою миссию. Надеюсь, что с этих пор и ты станешь моим единомышленником. – Джошуа хмыкнул: – Не беспокойся, Эбнер, мы все такие же смертные, как и ты.

Марш запустил пальцы в бороду.

– Дай мне выпить. – Когда Йорк наклонился вперед, он быстро добавил: – Только не этого, Джошуа. Чего-нибудь другого. Виски у тебя есть?

Йорк поднялся и налил ему стакан. Марш одним залпом осушил его.

– Не могу сказать, что мне это нравится. Мертвецы, сосущие кровь, и прочая дребедень... Я никогда не верил в подобные штучки.

– Эбнер, я веду опасную игру. Я не собирался вовлекать в нее ни тебя, ни кого-либо из команды. Я бы никогда не сказал тебе всего того, что сказал, но ты сам настоял. Если ты не будешь вмешиваться, я не стану возражать. Делай то, о чем мы первоначально договаривались, занимайся «Грезами Февра» – больше мне от тебя ничего не нужно, – а я буду заниматься ими. Ты же не сомневаешься в моей способности заниматься этим?

Марш взглянул на свободную посадку Джошуа, вспомнил силу, горящую в его серых глазах, силу его рукопожатия.

– Нет.

– Я многое рассказал тебе и был честен с тобой, – продолжал Джошуа. – Моя цель – это не единственная моя страсть. Я, как и ты, люблю этот пароход, Эбнер, и разделяю многие твои мечты на его счет. Я хочу научиться стоять за его штурвалом, хочу узнать реку. Я хочу внести посильный вклад в тот день, когда мы будем состязаться с «Эклипсом». Поверь, когда я говорю...

Раздался стук в дверь.

От неожиданности Марш вздрогнул. Джошуа Йорк улыбнулся и развел руками:

– Мои друзья из Натче зашли, чтобы выпить по стаканчику... Минутку! – громко отозвался он. Маршу же тихим голосом сказал: – Подумай о моих словах, Эбнер. Если хочешь, мы сможем поговорить в другой раз. Но обещай, что никому ничего не скажешь.

– Даю слово, – пообещал Марш. – Черт, да кто в это поверит?

Джошуа улыбнулся.

– Окажи мне любезность, пригласи моих друзей, а я тем временем разолью напитки, – попросил он.

Марш поднялся и открыл дверь.

Снаружи стояли мужчина и женщина и тихим шепотом переговаривались. За их спинами, похожая на театральную декорацию, висела большая желтая луна. Со стороны Натче-за-под-холмом донеслись приглушенные расстоянием обрывки непристойной песни.

– Проходите, – пригласил он.

Незнакомцы, как заметил Марш, оказались красивой парой. Мужчина был молод, почти совсем мальчик, хрупкого телосложения и очень красив – с черными волосами, светлой кожей и полным чувственным ртом. Он едва взглянул на Марша, но и этого холодного взгляда черных глаз оказалось достаточно, чтобы оценить сверкнувшую в них силу. А женщина... Стоило Эбнеру Маршу только посмотреть на нее, и он был уже не в силах оторвать от нее взгляд. Настоящая красавица. Длинные черные как ночь волосы, молочная тонкая кожа, высокие скулы. Талия ее была настолько тонкой, что Маршу захотелось обхватить ее руками, чтобы проверить, сомкнутся ли пальцы.

Женщина пристально рассматривала капитана необыкновенными глазами. Таких глаз Марш никогда раньше не видел: густого фиалкового цвета. Они сулили надежду. Он чувствовал, что готов утонуть в их омуте. Они напоминали Маршу цвет реки, который он видел однажды, от силы два раза за всю жизнь, в сумерках, когда воду на мгновение охватила сиреневая безмятежность, вслед за которой наступила тьма. Марш, казалось, целую вечность беспомощно всматривался в ее глаза, пока наконец женщина, загадочно улыбнувшись ему, не отвернулась.

Джошуа наполнил четыре бокала: Маршу – виски, себе и другим – из своих личных запасов.

– Рад, что вы здесь, – сказал он, подавая напитки. – Надеюсь, устроились удовлетворительно?

– Вполне, – сказал мужчина, взяв бокал. Он с сомнением посмотрел на него. Вспомнив свой прошлый опыт, Марш не мог упрекнуть его в этом.

– У вас замечательный пароход, капитан Йорк, – тепло заметила женщина. – Я с удовольствием прокачусь на нем.

– Надеюсь, что некоторое время мы будем путешествовать вместе, – любезно согласился Йорк. – Что касается «Грез Февра», я очень горжусь им, но комплименты вам лучше направить в адрес моего компаньона. – Он жестом указал на Марша: – А теперь позвольте мне представить вам этого грозного джентльмена: капитан Эбнер Марш, мой компаньон по грузо-пассажирской компании «Река Февр» и, по правде говоря, настоящий хозяин «Грез Февра».

Женщина снова улыбнулась Эбнеру, мужчина только слегка кивнул.

– Эбнер, – продолжил Йорк, – позволь представить тебе мистера Раймона Ортегу из Нового Орлеана и его невесту мисс Валерию Мерсолт.

– Очень рад знакомству, – неловко произнес Марш.

Джошуа поднял бокал.

– Тост, – сказал он. – За новые начинания!

Остальные эхом повторили эти слова и выпили.

Глава двенадцатая

На борту парохода «Грезы Февра»

Река Миссисипи, август 1857 года

Ум Эбнера Марша немногим отличался от его тела. Он тоже был большим, вместительным по объему и способностям, и Эбнер постоянно занимал его, забивая всякой всячиной, попадавшей в поле зрения. То, что Эбнер Марш считал нужным запомнить, надолго оставалось в памяти. Он был человеком властным, и мозг у него был властный, но тело и ум имели одну отличительную особенность: осторожность. Кое-кто мог бы сказать – медлительность. Марш не бегал, даже не танцевал, передвигался не быстро и не медленно, походка его была прямой, полной достоинства, тем не менее он всегда вовремя попадал туда, куда хотел. Так же можно было бы отозваться о его уме. Скоростью соображения Эбнер Марш похвастать не мог, медлил он и со словами, однако глупым его тоже нельзя было назвать; прежде чем что-то сказать, он тщательно все обдумывал и выдавал ответ в свойственной ему неторопливой манере.

Когда «Грезы Февра» отчалил от Натчеза, Марш только начал размышлять над историей, рассказанной ему Джошуа Йорком. И все больше беспокоился. Если взять на веру невероятный рассказ Джошуа об охоте на вампиров, то нашла бы объяснение большая часть его странных ночных отлучек и странных событий, происходящих на «Грезах Февра».

Но кое-что еще оставалось необъясненным. обстоятельная память Эбнера Марша продолжала услужливо подбрасывать ему вопросы и воспоминания, которые плавали в голове наподобие высохших деревьев, упавших в реку, ни на что непригодных, вызывающих только тревогу.

Саймон, слизывающий комаров.

Экстраординарное ночное зрение Джошуа.

И больше всего то, как рассвирепел Джошуа в тот день, когда Марш среди бела дня вломился к нему в каюту. Но ведь он не вышел наружу, чтобы посмотреть, как они обгонят «Южанина». Это очень беспокоило Марша. Йорку не представляло никакого труда сказать, что ночные бдения он несет из-за того, что охотится на вампиров, однако это никак не объясняло его действий в тот день. Большинство людей, которых знал Эбнер Марш, придерживались нормального распорядка, но это вовсе не значит, что, если их разбудить в три часа ночи и позвать пойти поглазеть на кое-что интересное, они не выберутся из уютной постели.

Марш испытывал крайнюю нужду обсудить все это еще с кем-то. Джефферс чертовски много читал и был хорошо образован, и Карл Фрамм, вероятно, тоже слышал каждую чертову байку, пущенную по чертовой реке; любой из них о вампирах должен был знать все, что о них только известно. Однако поговорить с ними он не мог. Марш дал Джошуа слово, он и без того чувствовал себя обязанным человеку, которого уже предал однажды. Пойти на предательство во второй раз капитан решительно не мог. Во всяком случае, без веской причины, а все его нынешние соображения были не более чем пустыми домыслами.

По мере того как «Грезы Февра» спускался все ниже по Миссисипи, подозрения капитана усиливались. Уже стало обычным, что днем они двигались, а с наступлением сумерек причаливали к берегу и оставались на стоянке до следующего утра. Время они показывали теперь лучше, чем до Натчеза, и это согревало сердце Марша. Остальные перемены радовали капитана меньше.

Новые друзья Джошуа пришлись ему не по нраву. Он сразу решил, что они такой же странный народ, как и старые его приятели. Они, как и остальные, вели ночной образ жизни. Раймон Ортега произвел на Марша впечатление беспокойного, недостойного доверия субъекта. Он вечно слонялся там, где пассажирам бывать не следует, и совал нос не в свои дела. Праздный и высокомерный, хотя и обходительный... У Марша к нему душа не лежала.

Валерия располагала к себе несколько больше, но мягкой речью, загадочными улыбками и потрясающими своими глазами вызывала не менее тревожные чувства. Вела она себя совсем не так, как Раймон Ортега. С самого начала Валерия была по-настоящему дружелюбно настроена по отношению к Джошуа. На взгляд Марша, даже слишком дружелюбно. Это могло стать причиной неприятностей. Настоящая леди предпочла бы держаться среди женщин, однако Валерия все ночи напролет проводила с Джошуа в большом салоне. Иногда она вместе с ним прогуливалась по палубе. Марш даже слышал, как кто-то из пассажиров говорил, что она уходила к Джошуа в каюту. Марш предпринял попытку предупредить Йорка о скандальных сплетнях, поползших по кораблю, но тот только пожал плечами.

– Пусть получают свой скандал, Эбнер, если им угодно, – сказал он. – Валерию интересует наше судно, и я не могу отказать себе в удовольствии сопровождать ее. Между нами ничего нет, кроме искренней дружбы, даю тебе честное слово. – Он выглядел почти грустным, когда говорил это. – Мне бы хотелось, чтобы это было не так, но от правды никуда не денешься.

– Тебе лучше быть разборчивее в своих желаниях, – не сдержался Марш. – У Ортеги могут быть свои взгляды на подобные вещи. Он из Нового Орлеана и, возможно, относится к числу тамошних креолов. Они дерутся на дуэли из-за более пустяковых вещей, Джошуа.

Джошуа Йорк улыбнулся:

– Я не боюсь Раймона, хотя благодарю тебя за предупреждение, Эбнер. А теперь, пожалуйста, позволь мне и Валерии заняться делами.

Марш, как тот и просил, оставил его в покое, но на сердце у него оставалось беспокойно. Он был уверен, что Ортега рано или поздно причинит им неприятности. В этой уверенности Марш укрепился еще больше после того, как Валерия Мерсолт стала постоянной спутницей Джошуа и все последующие ночи они проводили вместе. Чертова баба увлекала Джошуа за собой в омут, но с этим Марш ничего не мог поделать.

Это было только начало. После каждой остановки на борту появлялось все больше и больше незнакомцев, и Джошуа продолжал размещать их по каютам. Ночью в Бейу-Сара он сошел на берег вместе с Валерией. Вернулись они уже втроем, приведя с собой обескровленного человека крупного телосложения по имени Жан Ардан. После нескольких минут плавания вниз по реке они сделали остановку на лесном складе, где Ардан высадился и привел щеголя с бледно-желтым лицом, которого звали Винсент. В Батон-Руж на борт парохода поднялось еще четыре незнакомца, в Доналдсвилле – еще трое.

Потом начались те застолья. По мере того как странная компания росла, Джошуа Йорк приказал, чтобы стол для них накрывали в небольшом зале палубной надстройки. Отныне в ночные часы он трапезничал там, разделяя стол вместе со своими старыми и новыми спутниками. Ужинали они со всеми остальными в кают-компании, однако ночные трапезы были уединенными. Традиция эта началась в Бейу-Сара.

Марш однажды обмолвился, что ему нравятся ночные застолья, но приглашения посещать их не получил. Джошуа только улыбнулся, и трапезы продолжались. Количество гостей ежедневно продолжало расти. В конце концов любопытство Марша взяло верх, и он дважды проходил мимо маленького зала и заглядывал в окно. Ничего особенного капитан там не увидел.

Народ просто сидел за столом и ел. Тускло горели масляные лампы, занавеси были полуспущенными. Джошуа сидел во главе стола. По правую руку от него находился Саймон, по левую – Валерия. Гости потягивали из бокалов мерзкий эликсир Йорка, распечатанные бутылки с которым стояли на столе. Когда Марш проходил мимо первый раз, он увидел, что Джошуа о чем-то оживленно рассказывал гостям, остальные внимательно слушали его. Когда Марш заглянул в зал второй раз, Джошуа слушал Жана Ардана. Его рука покоилась на скатерти. На глазах Марша Валерия опустила на нее свою ладонь. Джошуа, взглянув на нее,

нежно улыбнулся. Валерия ответила ему тем же. Эбнер Марш перевел взгляд на Раймона Ортегу и, нахмурившись, поспешил удалиться.

Марш продолжал ломать голову над тем, что происходит, старался понять странных гостей, странные застолья и смысл того, что рассказывал ему о вампирах Джошуа Йорк. Все было не так просто. Чем больше он размышлял на эту тему, тем больше запутывался. В библиотеке «Грез Февра» книг о вампирах и другой подобной литературы не было, а нового желания тайком проникнуть в каюту Джошуа Йорка у него не возникало.

В Батон-Руже Марш сошел на берег, где посетил несколько питейных заведений. Таким образом он пытался что-нибудь разузнать по интересующему его предмету. При каждой возможности капитан переводил тему разговора на вампиров. Обычно это выглядело следующим образом. Повернувшись к собутыльникам, он говорил: «Послушайте, вы что-нибудь слышали о вампирах в районе реки?» Он полагал, что говорить об этом на берегу куда безопаснее, чем поднимать эту тему на пароходе, где каждое неосторожно оброненное слово могло дать толчок дурным слухам.

Некоторые откровенно смеялись над Маршем, другие бросали на него странные взгляды. Один толстый парень из вольных негров с черной как сажа кожей и сломанным носом, к которому капитан подсел в одной из прокуренных таверн, услышав этот вопрос, поспешил сбежать. Марш попытался догнать его, но, тяжело пыхтя, оставил безнадежную затею. Другие как будто знали массу интересных историй на эту тему, но ни одна из них не имела ничего общего с Миссисипи. Все подробности о крестах и чесноке, а также гробах, заполненных землей, о которых он слышал из уст Джошуа, в разных вариациях повторяли и другие.

Марш начал более пристально наблюдать за Йорком и его компаньонами во время ужинов в большом салоне. Насколько ему было известно, вампиры не употребляли пищу и напитки, но Джошуа и его гости поглощали изрядное количество вина и виски, а также бренди, если не считать зелья из личных запасов Джошуа. К тому же они с радостью отдавали должное хорошему поджаристому цыпленку и свиной отбивной.

Джошуа продолжал носить серебряное кольцо с большим, с голубиное яйцо, сапфиром, и никто из них не обращал особого внимания на обилие серебра на борту парохода. Во время ужина они и сами пользовались серебряными предметами, причем с большей сноровкой, чем члены команды «Грез Февра».

По ночам в кают-компании зажигались канделябры и всеми цветами радуги переливались в многочисленных зеркалах. В них оживали нарядные отражения отдыхающих гостей, которые танцевали, выпивали, играли в карты, как и их обладатели, реальные люди в реальном салоне. Каждую ночь Эбнер Марш неустанно смотрел в зеркала и находил Джошуа Йорка всегда на месте. То улыбаясь, то смеясь, Джошуа с Валерией под руку скользил от одного зеркала к другому, говорил о политике с пассажирами, слушал речные байки Фрамма, уединялся для частных разговоров с Саймоном или Жаном Арданом. По ночам тысячи Джошуа Йорков прогуливались по покрытым коврами палубам «Грез Февра», и каждый был таким же живым и реальным, как и настоящий. Его друзья тоже имели в зеркалах не менее яркие отражения.

Казалось, чего еще нужно? Однако медлительный и подозрительный ум Марша не желал успокаиваться. Только после Доналдсвилла капитан принял решение осуществить один план, который должен был положить конец его беспокойству. В город он отправился, прихватив с собой флягу, чтобы наполнить ее святой водой из католической церкви, расположенной на берегу реки. Потом отвел в сторону парнишку, который прислуживал за столом, и протянул ему пятьдесят центов.

– Сегодня вечером в стакан капитана Йорка нальешь воду отсюда, ты меня понял? Я хочу разыграть его.

За ужином официант, не спуская глаз, наблюдал за Йорком, ожидая, когда же произойдет обещанная Маршем шутка. Он был разочарован: Йорк спокойно выпил святую воду и ничего не заметил.

«Черт, – выругался потом про себя Марш. – Пора положить этому конец».

В ту ночь Эбнер Марш, извинившись, удалился из большого салона, чтобы в уединении все обдумать. Откинувшись на спинку стула, стоявшего на задних ножках, и забросив ноги на перила, он уже целых два часа в полном одиночестве сидел в портике палубной надстройки, когда за спиной послышался шелест юбок.

По трапу поднялась Валерия и остановилась рядом. Она улыбнулась ему и поздоровалась:

– Добрый вечер, капитан Марш.

Капитан поспешно снял ноги с перил и нахмурился. Стул его с грохотом опустился на палубу.

– Пассажирам не следует находиться на палубной надстройке, – сказал он, стараясь скрыть недовольство.

– Внизу так жарко, я решила, что здесь будет попрохладнее.

– Что правда, то правда, – неожиданно для себя согласился Марш и замолчал.

Он не знал, о чем говорить дальше. Факт оставался фактом: в присутствии женщин Марш всегда чувствовал себя не в своей тарелке. В его мире пароходов для них не было места, и Марш не знал, как себя с ними вести. Красивые женщины смущали его еще больше, а Валерия к тому же отличалась изысканной красотой дамы из Нового Орлеана.

Она стояла, обхватив тонкой кистью резную стойку перил, и смотрела в сторону Доналдсвилла.

– Завтра мы приходим в Новый Орлеан, верно?

Марш поднялся, решив, что сидеть, когда Валерия стоит, невежливо.

– Да, мэм, – ответил он. – Сейчас мы находимся от него всего в нескольких часах ходу. Я намереваюсь поддать пару, так что вы и глазом не успеете моргнуть, как мы окажемся там.

– Понятно. – Валерия внезапно повернулась. Ее точеное лицо было очень серьезно, когда она устремила на него взор своих огромных фиалковых глаз. – Джошуа говорит, что вы – настоящий хозяин парохода. Он по-своему очень уважает вас. Он вас послушает.

– Мы партнеры, – пояснил Марш.

– Если бы вашему партнеру грозила опасность, вы бы пришли ему на помощь?

Эбнер Марш, вспомнив истории о вампирах, которые рассказывал ему Джошуа, сразу помрачнел.

– Джошуа знает, что, если у него будут какие проблемы, он всегда может обратиться ко мне, – заметил Марш. – Только негодяй способен оставить своего партнера в беде.

– Это все слова, – презрительно бросила Валерия и тряхнула головой, откинув с плеч тяжелые пряди черных волос. На палубе было ветрено, и ветер снова принялся играть с ее локонами. – Джошуа Йорк – великий человек, сильный. Король. Он заслуживает лучшего партнера, чем вы, капитан Марш.

Эбнер Марш почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

– Что, черт возьми, вы такое несете?

Валерия криво усмехнулась.

– Вы без спроса вторглись в его каюту, – сказала она.

Внезапно Марш пришел в ярость:

– Это Йорк сказал вам об этом? Разрази его гром, мы же все с ним выяснили. Да и не вашего ума это дело.

– Как раз моего, – не уступала она. – Джошуа в большой опасности. Он смел и безрассуден. Ему нужна помощь. Я хочу помочь ему, а вы, капитан Марш, только бросаетесь словами.

– Я никак не возьму в толк, о чем вы говорите, мадам, – сказал Марш. – В какой такой помощи нуждается Джошуа? Я предлагал ему помощь в деле с этими проклятыми вам... ну, с тем делом, которым он занимается, но он не захотел принять ее от меня.

Внезапно лицо Валерии смягчилось.

– Вы на самом деле хотите помочь ему? – спросила она.

– Он, черт бы его побрал, мой партнер.

– Тогда поверните ваш пароход в обратную сторону, капитан Марш. Увезите нас отсюда назад в Натчез, в Сент-Луис, все равно куда. Только не в Новый Орлеан. Завтра мы не должны находиться в Новом Орлеане.

Эбнер Марш фыркнул:

– Не должны?

Валерия ничего не ответила и отвела взгляд.

Тогда Марш продолжил:

– Это, да будет вам известно, пароход, а не какая-нибудь кобыла, которую я могу повернуть, куда мне заблагорассудится. У нас есть расписание, которого мы должны придерживаться, купившие билеты пассажиры, груз, в конце концов. Нам нужно быть в Новом Орлеане. – Он нахмурился: – А как же Джошуа?

– С приходом рассвета он будет сладко спать у себя в каюте, – сказала Валерия, – а когда проснется, то будет находиться вне опасности и следовать вверх по течению реки.

– Джошуа – мой партнер, – заметил Марш. – Человек должен доверять своему партнеру. Может быть, я один раз и шпионил за ним, но больше ничего подобного не позволю себе повторить, ни ради вас, ни ради кого бы то ни было. И поворачивать «Грезы Февра» без его ведома я не стану. Теперь же, если Джошуа подойдет ко мне и скажет, что не хочет заходить в Новый Орлеан, черт с ним, может, мы это и обсудим. Только так и никак иначе. Вы хотите, чтобы я спросил об этом Джошуа?

– Нет! – в испуге воскликнула Валерия.

– В любом случае мне следовало бы рассказать ему об этом, – сказал Марш. – Он должен знать, что вы за его спиной что-то затеваете.

Валерия взяла его под руку.

– Прошу вас, не надо, – взмолилась она и сильнее сжала его руку. – Посмотрите на меня, капитан Марш.

Эбнер Марш хотел было освободиться, но что-то в ее голосе заставило его повиноваться. Он заглянул в бездонные фиалковые глаза и уже не смог отвести взгляд.

– Нельзя оторвать взгляд, правда? – с улыбкой произнесла Валерия. – Я видела, как вы смотрели на меня раньше, капитан. Вы не в силах отвести взгляд.

У Марша пересохло в горле.

– Я...

Валерия игривым, кокетливым жестом откинула волосы назад.

– Не может быть, что, кроме кораблей, вы больше ни о чем не мечтаете, капитан Марш. Этот пароход – холодная жестянка. Теплая плоть лучше, чем дерево и металл. – Марш никогда не слышал, чтобы женщина произносила подобные слова. Он стоял как громом пораженный. – Иди сюда, – сказала Валерия и потянула его к себе. Теперь он был всего в нескольких дюймах от ее обращенного к нему лица. – Посмотри на меня, – снова сказала она.

Марш чувствовал ее трепещущее тепло. Она была так близко, стоило только протянуть руку. Глаза как два сиреневых омута, холодные, бархатные, манящие.

– Ты хочешь меня, капитан Марш, – прошептала она.

– Нет, – отшатнулся Марш.

– О нет, ты хочешь меня. Я вижу в твоих глазах желание.

– Нет, – запротестовал Марш. – Ты... Джошуа...

Валерия рассмеялась; смех у нее был легкий и непринужденный, чувственный, музыкальный.

– Не беспокойся о Джошуа. Возьми то, что тебе предлагают. Ты боишься, поэтому сопротивляешься. Не бойся.

Эбнер Марш резко встряхнулся. Тут только до него дошло, что от страстного желания его начало трясти. Никогда в жизни он не желал женщину так, как сейчас. Все же он сопротивлялся, боролся с соблазном, хотя глаза Валерии продолжали притягивать его. Мир вокруг тонул в ее благоуханном аромате.

– Отведи меня в свою каюту, – прошептала она. – Сегодня я твоя.

– Ты? – слабо произнес Марш, чувствуя, как по лбу струится пот и застилает глаза. – Нет, – пробормотал он. – Нет, это не...

– Все может быть. Тебе нужно только пообещать.

– Пообещать что? – хрипло переспросил Марш.

Фиалковые глаза замерцали.

– Увези нас от Нового Орлеана прочь. Пообещай мне это, и я твоя. Ты же так хочешь этого. Я знаю наверняка.

Эбнер Марш взял Валерию за плечи. Его тело трясло. Губы пересохли. Ему хотелось смять ее в своих медвежьих объятиях, затащить в постель. Но вместо этого, призвав на помощь все свои силы, он грубо отстранил женщину. Она вскрикнула и, пошатнувшись, упала на одно колено. Марш, вырвавшись из плена ее глаз, зарычал:

– Убирайся отсюда! Убирайся с палубной надстройки, чтоб духу твоего здесь не было. Не знаю, что ты за женщина, но убирайся отсюда, ты ничто, ты... Убирайся отсюда!

Лицо Валерии снова было обращено в его сторону. Она оскалилась.

– Я могу заставить тебя... – начала она злобно.

– Нет, – твердо прозвучал за ее спиной ровный голос.

Из тени вышел Йорк. Он появился так внезапно, что показалось, будто сама тьма приобрела очертания человеческого тела. Валерия, издав глубокий утробный звук, метнула в него гневный взгляд и бросилась вниз по трапу.

Марш почувствовал себя таким опустошенным, что едва мог держаться на ногах.

– Проклятие, – пробормотал он, вытащил носовой платок и вытер со лба пот. Все это время Джошуа терпеливо наблюдал за ним. – Не знаю, Джошуа, что ты видел, но это совсем не то, что ты можешь подумать.

– Я точно знаю, что происходило, Эбнер, – ответил Джошуа. Голос его не показался Маршу сердитым. – Я находился здесь почти все это время. Когда я заметил, что Валерия вышла из кают-компания, то отправился на ее поиски. Услышав на палубной надстройке голоса, я поднялся наверх.

– Я тебя не слышал, – сказал Марш.

Джошуа улыбнулся:

– Когда мне нужно, я умею передвигаться очень тихо, Эбнер.

– Эта женщина, – продолжал Марш, – эта женщина... она предлагала... черт... будь она проклята... – Он никак не осмеливался произнести нужные слова. – Она – не леди, – наконец тихо выдохнул он. – Высади ее на берег, Джошуа. Ее и Ортегу, обоих.

– Нет.

– Почему нет? – проревел Марш. – Ты же слышал, что она предлагала!

– Не имеет значения, – спокойно добавил Джошуа. – Я должен быть ей благодарен за все. Теперь я буду еще больше заботиться о ней. Она старалась ради меня, Эбнер. Я значу для нее больше, чем думал, больше, чем смел надеяться.

Эбнер Марш злобно выругался.

– Ты мелешь какую-то несуразную чепуху. Тому, что я слышал, я должен бы...

Джошуа мягко улыбнулся:

– Не такую уж чепуху. Это не должно тебя касаться, Эбнер. С Валерией я разберусь сам. Она больше не станет причинять беспокойства. Она боялась, вот и все.

– Чего? Нового Орлеана? – спросил Марш. – Вампиров? Ей все известно?

– Да.

– Ты уверен, что справишься с тем делом, которое задумал? – поинтересовался Марш. – Если нам нужно проскочить Новый Орлеан, так и скажи, черт побери! Валерия считает...

– А ты как считаешь, Эбнер? – спросил Йорк.

Марш долгим взглядом посмотрел на него. Потом сказал:

– Я думаю, что мы пойдем в Новый Орлеан.

Оба улыбнулись.

Так оно и случилось. На другое утро «Грезы Февра» вошел в порт Нового Орлеана. За штурвалом стоял Дэн Олбрайт, а Эбнер Марш в новом капитанском кителе и фуражке находился на капитанском мостике. Солнце ярко сияло в нестерпимо синем небе. Мельчайшие неровности дна и топляк обозначались на воде золотистой рябью, так что лоцману делать было нечего, и пароход показал превосходное время.

Пристань Нового Орлеана плотно облепили пароходы и суда всевозможных видов и размеров; над рекой постоянно разносились гудки и бой склянок. Марш горделиво опирался на трость и любовался раскинувшимся вдали городом. «Грезы Февра» тоже подал свой голос, предупреждая о заходе в порт другие корабли. За многие годы, проведенные на реке, Марш много раз бывал в Новом Орлеане, но впервые он вошел в город, стоя на капитанском мостике собственного парохода, самого большого, самого красивого, самого быстроходного судна из стоявших на причале. Он чувствовал себя чуть ли не творцом мироздания.

Они пришвартовались, и впереди Марша ждала большая работа: следовало выгрузить груз, договориться о новой партии товара для обратного путешествия в Сент-Луис, дать в местные газеты рекламные объявления. Марш решил, что компании не повредило бы открыть в городе постоянное представительство. В связи с этим он занялся поиском подходящего места и проведением подготовительной работы. Предстояло также нанять агента и открыть банковский счет. В тот вечер ужинал он в отеле «Сент-Чарльз» в компании Джонатана Джефферса и Карла Фрамма. Но мысли его были далеки от еды и постоянно возвращались к словам Валерии об опасности, якобы поджидавшей Джошуа Йорка. Интересно, думал он, что затевает Джошуа?

Когда Марш вернулся на пароход, Джошуа беседовал со своими компаньонами в зале палубной надстройки. Казалось, ничто не изменилось, разве что Валерия, сидевшая рядом, выглядела мрачной и несколько рассеянной. Марш, отринув все заботы, отправился спать. В течение последующих дней он едва ли вспоминал о том, что произошло. Днем капитан бывал слишком занят делами «Грез Февра», вечером он ужинал где-нибудь в городе, после чего заходил пропустить стаканчик-другой горячительного напитка в ближайшую к реке таверну, где не уставал хвастаться достоинствами своего судна, затем прогуливался по Вье-Карре, восхищался прелестными креолками, красивыми двориками, фонтанами и балкончиками. Новый Орлеан был таким же прекрасным, каким Марш его помнил.

Постепенно беспокойство начало овладевать им с новой силой. Чувство внутреннего недовольства росло и крепло, заставляя смотреть на привычные вещи новыми глазами. Погода стояла изнуряющая; жара днем была невыносимой, стоило удалиться в сторону от речной прохлады, как воздух становился густым и влажным. Днем и ночью над открытыми стоками курилось марево, ветер далеко разносил зловонные запахи стоячей воды и гниющих отбросов. Неудивительно, что в Новом Орлеане так часты вспышки желтой лихорадки, думал Марш.

В городе было полно отпущенных на волю цветных и прелестных квартеронков, одевавшихся так же хорошо, как белые дамы. Хватало и рабов. Увидеть их можно было повсюду. Кто носился по городу, выполняя поручения хозяев, кто томился без дела на невольничьих площадках на Моро и Коммон-стрит. Вереницы скованных цепями рабов следовали к торговым биржам, чистили сточные канавы. Даже в местах швартовки пароходов глаз натыкался на следы рабства. Крупноколесные пароходы, обслуживающие маршруты Нового Орлеана, часто перевозили живой товар. Эбнер Марш каждый раз, возвращаясь в порт, встречал чернокожих невольников, которых либо вели на посадку, либо выводили в город. Перевозили их когда в кандалах, когда без, но всегда они понуро сидели, прижавшись друг к другу, под палящим солнцем среди кип груза или истекали потом у раскаленных топок.

– Мне это нисколько не нравится, – жаловался Марш Джонатану Джефферсу. – В этом есть что-то нечистое. Более того, я скажу тебе, что у меня на «Грезах Февра» их никогда не будет. Никто не посмеет набить ими мой пароход, вы слышите?

Джефферс искоса, оценивающе, посмотрел на него.

– Почему, капитан, ведь если мы не станем перевозить невольников, то мимо нашего кармана будет течь уйма денег? Вы говорите как аболиционист.

– Никакой я вам не аболиционист, – горячо запротестовал Марш, – но будет так, как я сказал. Если джентльмену понадобится провезти одного-двух рабов, его слуг, ради бога, я не стану возражать. Я размещу их, согласно плате за проезд, в каюте или на палубе, как будет угодно, мне все равно. Но брать в качестве груза, скованных цепью каким-то сукиным сыном, мы их не будем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.